ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

БФУ
им. И. Канта

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

Научный журнал

2015
№1 (51)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2015

Кантовский сборник : научный журнал. — 2015. — № 1 (51). — 121 с.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ №ФС77-46310 от 26 августа 2011 г.

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14)

Адрес редколлегии:
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, БФУ им. И. Канта,
кафедра философии. Тел.: (4012)466313, (4012)955338,
e-mail: kant@kantiana.ru

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2015

Международный редакционный совет

Л.А. Калинников, д-р филос. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия) — председатель;
А. Вуд, д-р философии, проф. (Стэнфордский университет, США);
Б. Дёрфлингер, д-р философии, проф. (Университет Трира, Германия);
Й. Конен, д-р философии, проф. (Люксембургский университет);
Н.В. Мотрошилова, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Россия);
Т.И. Ойзерман, д-р филос. наук, проф., действительный член РАН (Институт философии РАН, Россия);
В. Штарк, д-р философии, проф. (Марбургский университет, Германия)

Редакционная коллегия

Л.А. Калинников, д-р филос. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — главный редактор; *А.Н. Саликов* (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — зам. главного редактора; *В.А. Бажанов,* д-р филос. наук, проф. (Ульяновский государственный университет); *В.Н. Белов,* д-р филос. наук, проф. (Саратовский государственный университет); *В.В. Васильев*, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); *В.А. Жучков,* д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН); *В.А. Конев,* д-р филос. наук, проф. (Самарский государственный университет); *И.Д. Копцев,* д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *А.Н. Круглов*, д-р филос. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет); *А.И. Мигунов,* канд. филос. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный университет); *А.Г. Пушкарский* (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — ответственный секретарь; *Д.Н. Разеев*, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *Т.Г. Румянцева,* д-р филос. наук, проф. (Белорусский государственный университет); *Г.В. Сорина,* д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); *В.А. Чалый*, канд. филос. наук, доц. (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — координатор по международным контактам; *К.Ф. Самохвалов*, д-р филос. наук, проф. (Институт математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения РАН); *С.А. Чернов*, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича)

International editorial council

Prof. *L.A. Kalinnikov* (I. Kant Baltic Federal University, Russia) — chair;
Prof. *A. Wood* (Stanford University, USA); Prof. *B. Dörflinger* (University of Trier, Germany);
Prof. *J. Kohnen* (University of Luxembourg, Luxembourg);
Prof. *N. V. Motroshilova* (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences);
Prof. *T.I. Oizerman*, fellow of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences); Prof. *W. Stark* (University of Marburg, Germany)

Editorial board

Prof. *L.A. Kalinnikov* (I. Kant Baltic Federal University) — editor-in-chief; Dr *A.N. Salikov* (I. Kant Baltic Federal University) — зам. главного редактора; Prof. *V.A. Bazhanov* (Ulyanovsk State University); Prof. *V.N. Belov* (Saratov State University); Prof. *V.V. Vasilyev* (Lomonosov Moscow State University); Prof. *V.A. Zhuchkov* (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences); Prof. *V.A. Konev* (Samara State University); Prof. *I.D. Koptsev* (I. Kant Baltic Federal University); Prof. *A.N. Kruglov* (Russian State University for the Humanities); Dr *A.I. Migunov* (Saint-Petersburg State University); *A.G. Pushkarsky* (I. Kant Baltic Federal University) — executive editor; Prof. *D.N. Razeyev*, (Saint Petersburg State University); Prof. *T.G. Rumyantseva* (Belarusian State University); Prof. *G. V. Sorina* (Lomonosov Moscow State University); Dr *V.A. Chaly* (I. Kant Baltic Federal University) — international liaison; Prof. *K.F. Samokhvalov* (Sobolev Institute of Mathematics of the Russian Academy of Sciences); Prof. *S.A. Chernov* (Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications)

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: *Kant I.* Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). B., 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: [AA, XXIV, S. 578], где римскими цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: [A 000] — для текстов из первого издания, [B 000] — для второго издания или [A 000 / B 000] — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая философия Канта

Родин А.В. Кант и новая математика сто лет спустя 7

Анджеевский Б. Иммануил Кант и вопросы коммуникативного конструктивизма 17

Рецепции философии Канта

Вместо предисловия: иллюзия беспредпосылочности мышления (*В.Н. Белов*)..... 26

Пома А. К природе мышления без представления (пер. с немецкого *В.Н. Белова*) .. 28

Логика и аргументорика

Горбатова Ю.В. Онтологический аргумент Стивена Мейкина: понятие, обеспечивающее необходимое существование Бога 43

Неокантианство

Дмитриева Н.А., Левченко В.В. Из Марбурга в Одессу: материалы к научной биографии С.Л. Рубинштейна..... 55

Фролова Е.А. Теоретико-методологические вопросы доктрины возрожденного естественного права (П.И. Новгородцев) 72

In memoriam

Адель Анатольевна Кравченко..... 84

Публикации

Калинников Л.А. О рецензии, обдуманной Кантом и вышедшей под имением Хр. Я. Крауса 86

Краус Хр. Рецензия на Элевтерологию Иоганна Августа Генриха Ульриха (пер. с немецкого *И.Д. Копцева*) 94

Кант И. Предварительный наборосок для резенции на Элевтерологию Иоганна Августа Генриха Ульриха (пер. с немецкого *И.Д. Копцева*)..... 100

Агнес Мигель. Предисловие к переводу (*В.Х. Гильманов*) 103

Мигель А. Памяти университета Альбертина. Доклад, прочитанный перед Геттингенским рабочим кругом (пер. с немецкого *В.Х. Гильманова, И.А. Спесивцева*) 105

Обзоры и рецензии

Тетенс И.Н. О всеобщей спекулятивной философии (*А.Б. Паткуль*) 112

Научная жизнь

Кант и коперниканский переворот в философии, Торунь, 4—5 октября 2014 года (*Т. Купц, М. Желязны*, пер. с польского *Н.В. Данилкиной*) 114

Размышляя о Германе Когене. Обзор докладов на международной конференции (*В.Н. Белов*) 115

CONTENTS

Kant's theoretical philosophy

Rodin A. Kant and new mathematics 100 years later 7

Andrzejewski B. Immanuel Kant and the problem of communicative constructivism 17

Receptions of Kant's philosophy

Instead of the preface: an illusion of the independence of the thinking (*V. Belov*) 26

Poma A. On the nature of thinking without representation (translated from the German by *V. Belov*) 28

Logic and argumentorics

Gorbatova Y. Steven Makin's ontological argument: The concept of necessary existence of God 43

Neo-Kantianism

Dmitrieva N., Levchenko V. From Marburg to Odessa: A contribution to a scientific biography of S. L. Rubinstein 55

Frolova Ye. The theoretical and methodological issues of the revival of natural law (P. Novgorodtsev) 72

In memoriam

Adel Kravchenko 84

Publications

Kalinnkiov L. On a review deliberated by Kant and published under the name of Chr. Kraus 86

Kraus Chr. A review of Johann August Heinrich Ulrich's eleutheriology (translated from the German by *I. Koptsev*) 94

Kant I. A draft of a review of Johann August Heinrich Ulrich's eleutheriology (translated from the German by *I. Koptsev*) 100

Agnes Miegel. Preface to the translation (*V. Gilmanov*) 103

Miegel A. In memoriam the Albertina University: A report for the Göttingen work group (translated from the German by *V. Gilmanov* and *I. Spesivtsev*) 105

Reviews

Tetens J. On general speculative philsophy *(A. Patkul*) 112

Conferences

Kant and the Copernican revolution in philosophy, Torun, October 4—5, 2014 (M. Żelazny; translated from the Polish by *N. Danilkina*) 114

Thinking of Herman: An overview of an international conference (*V. Belov*) 115

УДК 51:1

КАНТ И НОВАЯ МАТЕМАТИКА СТО ЛЕТ СПУСТЯ[1]

А. В. Родин[*]

Критика Кассирером философии математики Рассела и неокантианская философия науки и математики в целом приобретают особую актуальность в контексте современной математики и математической физики. То обстоятельство, что современная стандартная аксиоматическая архитектура математических теорий не учитывает предметного характера математического знания, на которое вслед за Кантом указывает Кассирер, затрудняет использование новых математических знаний в естественных науках и технике. В частности, в этом может состоять одна из причин того, что физическая теория струн в ее современном виде оказывается принципиально недоступной для опытной проверки, поскольку ее можно согласовать практически с любыми возможными результатами наблюдений и экспериментов. Однако есть основания считать, что некоторые новейшие подходы в основаниях математики, включая теорию категорий, теорию топосов и «унивалентные основания», могут позволить исправить этот недостаток в обозримом будущем. Проблема использования в естественных науках и в технике новых математических знаний показывает, что кантианский подход в философии математики остается по крайней мере частично релевантным современному состоянию этой науки.

Ключевые слова: *Кассирер, Рассел, философия математики, формальная логика, предметное знание, теория категорий.*

Название этой статьи частично воспроизводит название работы Э. Кассирера, опубликованной в 1907 году (Cassirer, 1907). Я попытаюсь ответить на некоторые вопросы, заданные Кассирером, в контексте современной новой математики, которая уже значительно отличается от той «новой» математики, о которой более века назад писал Кассирер. Следуя Кассиреру, я не буду при этом пытаться дать полный обзор текущих математических исследований, а буду иметь в виду

[1] Работа поддержана исследовательским грантом РФФИ № 13-06-00515.

[*] Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет свободных искусств и наук,
190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58—60.

Поступила в редакцию 24.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-1

© Родин А. В., 2015

только некоторые новые направления в основаниях математики, которые позволяют по-новому посмотреть на математику в целом и переосмыслить роль этой дисциплины в физике и других естественных науках. Опираясь на работу Кассирера, я постараюсь показать, какие именно идеи Канта о математике и ее роли в естественных науках остаются релевантными современным исследованиям в этих дисциплинах.

Чтобы понять замысел статьи Кассирера 1907 года, необходимо хотя бы кратко восстановить исторический контекст, в котором была написана эта работа. В XIX веке в математике были сделаны революционные открытия, которые существенно изменили характер этой дисциплины. В частности, были открыты и затем получили широкое признание *неевклидовы геометрии* (Бонола, 2010). Эти геометрические теории отказываются от традиционной предпосылки о том, что понятие пространства евклидовой геометрии является единственным возможным геометрическим понятием пространства, и вводят в рассмотрение новые широкие классы геометрических пространств (гиперболические, эллиптические, римановы многообразия, проективные пространства и некоторые другие). Допущение о множественности геометрических пространств (и соответствующих теорий этих пространств) очевидным образом несовместимо с известным тезисом Канта о том, что пространство (какое?) — это априорная форма чувственности, которую можно эксплицировать с помощью именно евклидовой геометрии.

Таким образом, к концу XIX века было вполне очевидно, что философия математики Канта в своей исходной форме не адекватна современному состоянию этой науки. Реакция на такое положение вещей была двоякой. Ряд авторов, включая Когена, Наторпа, Кассирера, пытались найти способ модернизировать философию Канта в контексте новых математических теорий (Jonson, 2005)[1]. Другие авторы, включая Фреге и Рассела, развивали альтернативные подходы к анализу современной им математики и на этой основе пытались полностью опровергнуть, а не просто скорректировать Канта (Pulkkinen, 2005).

В 1903 году Рассел опубликовал «Принципы математики» (Russell, 1903), где впервые предпринял попытку систематического философского обоснования математики, включая как ее традиционные разделы (в частности, традиционную арифметику и евклидову геометрию), так и новые математические теории, возникшие на рубеже XIX—XX веков: неевклидову геометрию, проективную геометрию, теорию множеств, теорию действительных чисел и теорию комплексных чисел. По словам самого Рассела, эта новая философия математики «диаметрально противоположна Канту» (Russell, 1903, p. 456). Основной аргумент Рассела против Канта состоит в следующем: Кант использовал устаревшее и неадекватное понятие о *формальной* логике (которую сам Кант называл «общей» логикой и считал законченной дисциплиной, не допускающей никакой существенной ревизии своих основных положений), и именно поэтому для анализа математических рассуждений был вынужден пользоваться понятием интуиции и гово-

[1] Эти попытки породили то направление в философии, которое сегодня называют исторической эпистемологией: согласно этому подходу история науки является существенным элементом эпистемологии, а задача философии состоит не в том, чтобы установить какие-то вечные принципы научного познания, а скорее в том, чтобы следить за развитием научной мысли и делать эту мысль предметом постоянной философской критики (Rheinberger, 2010).

рить об особой *трансцендентальной* логике. Рассел утверждает, что новый аппарат формальной логики, описанный им в «Принципах математики», решает проблему логического анализа математических рассуждений более убедительно, без использования понятия интуиции и других понятий, которыми пользовался Кант. Еще раз подчеркну, что подход Рассела в отличие от подхода Канта распространяется не только на традиционные, но и на новые (на 1903 год) математические теории.

Новый логический аппарат, которым пользуется Рассел в своих «Принципах», не является полностью его оригинальным изобретением, но существенно опирается на достижения британской школы математической логики XIX века (Буль, Морган, Венн), а также на новые для того времени логические работы Фреге и Пеано. В эпистемологическом плане Рассел опирается на Лейбница, которого в отличие от Канта он оценивает очень высоко. В написанном в 1937 году предисловии к новому изданию своей ранней работы о Лейбнице 1900 года Рассел говорит о нем так: «В области логики и оснований математики многие мечты Лейбница сегодня реализованы; теперь стало ясно, что это не были пустые фантазии, как казалось всем наследникам Лейбница вплоть до самого недавнего времени» (Russell, 1996, p. xviii).

Таким образом, Рассел предлагает нам такую историческую перспективу. Лейбниц правильно сформулировал проект обоснования математики с помощью формальной логики, но не смог реализовать этот проект, потому что у него не было для этого подходящего формально-логического аппарата. Кант не мог реализовать проект Лейбница по той же причине, но вместо того, чтобы искать замену аристотелевской формальной логике, вовсе отказался о этого проекта и направил свои усилия в ошибочном направлении. Дальнейший прогресс в области формальной логики позволил в XX веке реализовать проект Лейбница и таким образом сделал очевидным ошибочность подхода Канта.

Хотя некоторые предложения Рассела, представленные в «Принципах математики» 1903 года, позже были отвергнуты большинством логиков-философов (в частности, это касается идеи Рассела о полной редукции математики к логике), именно представленный в этой работе подход стал важным элементом аналитической философии математики XX века, которая остается доминирующей в мировом научном и философском сообществе и сегодня. Поскольку мы говорим сейчас не о философии вообще, а о философии математики, дело здесь не сводится только к культурному доминированию определенной философской традиции. Современные стандартные основания математики, построенные с помощью аксиоматической теории множеств Цермело — Френкеля, в общих чертах (хотя и не в деталях) реализуют именно ту архитектуру математики, которая описана Расселом в «Принципах математики» и замысел которой можно найти у Лейбница. Таким образом, сегодня есть очевидные основания утверждать, что положение дел в современной математике подтверждает правоту Рассела в его заочном споре с Кантом и Кассирером.

На основании всего вышесказанного можно как будто сделать вывод о том, что кантианская философия математики полностью устарела и представляет сегодня лишь чисто исторический интерес. Хотя ряд современных философов математики вполне согласны с таким выводом, мне он представляется недостаточно обоснованным. Ценность работы Кассирера 1907 года

состоит в том, что в отличие от некоторых других последователей Канта в XX веке Кассирер не пытается преуменьшить значение новых математических и физических теорий, а, так же, как и Рассел, делает их предметом подробного анализа (Heis, 2010; Heis, 2011; Friedman, 2005). Это позволяет Кассиреру переформулировать некоторые проблемы и тезисы кантианской философии математики в виде, который делает их полностью релевантными науке XX века. Ниже я постраюсь показать, что основной эпистемологический вопрос, который вслед за Кантом ставит по отношению к математике Кассирер, остается открытым и сегодня, причем от ответа на этот вопрос зависит дальнейший прогресс физики, технологии (включая информационные технологии) и других теоретических и прикладных дисциплин, в которых используется математика.

Кассирер комментирует позицию Рассела в «Принципах математики» следующим образом (вслед за Кутюра (Couturat, 1906) называя при этом аппарат формальной символической логики, который использовал Рассел, *логистикой*):

«Тут возникает проблема, которая целиком лежит вне поля зрения логистики. Все эмпирические суждения принадлежат своей области: они должны соблюдать границы опыта. Логистика развивает систему гипотетических предпосылок, про которые нельзя узнать, установлены ли они на опыте и могут ли они иметь непосредственные или опосредованные конкретные применения. Согласно Расселу, даже общее понятие о величине не относится к чистой математике, но включает в себя эмпирический аспект, доступный только для чувственного восприятия. Для логистики задача мысли ограничивается тем, что она устанавливает точную дедуктивную связь между всеми своими построениями. Таким образом, вопрос о закономерностях мира объектов остается на усмотрение только прямому наблюдению, которое своими собственными ограниченными средствами должно позволить нам установить, есть ли тут какие-то законы или, напротив, царит полный хаос. С точки зрения Рассела, логика и математика имеют дело только с порядком понятий и не должны заботиться о порядке или беспорядке объектов. Если оставаться в рамках такого анализа понятий, то эмпирические вещи будут всегда ускальзать от всякого рационального понимания. Чем более очевидными будут для нас достоинства и мощь дедукции в математике, тем менее понятной будет роль дедукции в естественных науках. <…> Логические и математические утверждения могут иметь чисто гипотетическую ценность. Но только ли по счастливой случайности эти гипотезы позволяют нам описывать и предсказывать эмпирические факты? <…> Задача критической философии начинается там, где заканчивается логистика. Эта задача состоит в том, чтобы найти логику *предметного* (gegenstandliche) познания» (Cassirer, 1907, S. 43—44)[2].

Вопрос, который ставит Кассирер в конце этого пассажа, является частично риторическим. Говоря в этом контексте о критической философии, Кассирер, конечно, имеет в виду теорию Канта об априорных математических формах чувственности (трансцендентальную эстетику) и связанную с ней теорию трансцендентальной логики (то есть логики предметного познания), которая обясняет, каким именно образом математические понятия применяются в физике для описания и предсказания эмпирических фак-

[2] Здесь и далее перевод наш. — *А. Р.*

тов и событий. При этом для Канта образцом математизированной физической теории служат «Математические начала натуральной философии» Ньютона (Friedman, 1992). Кассирер ясно отдает себе отчет в том, что трансцендентальная эстетика и логика Канта не адекватны новым математическим теориям, включая неевклидовы геометрии и теорию множеств. В работе 1907 года и в более поздних трудах Кассирер пытается совместить «логистику» Рассела с новой формой трансцендендентальной логики, однако обсуждение этой части проекта Кассирера выходит за рамки статьи.

Интересно отметить, что тот же самый вопрос был заново поставлен и популяризирован в 1960 году Е. Вигнером в его знаменитой статье «Непостижимая эффективность математики в естественных науках» (Wigner, 1960). Как можно догадаться по названию, автор не дает на вопрос о причине эффективности математики в физике никакого рационального ответа. Вместо этого Вигнер в конце статьи пытается закрыть проблему, называя эффективность математики «чудесным даром», который мы заведомо не в состоянии понять, но можем и должны с благодарностью принять и научиться им хорошо пользоваться. (Впрочем, такое «решение» можно понять и как чисто риторическую провокацию, поскольку в действительности статья Вигнера 1960 года породила обширную дискуссию, которая продолжается до сих пор (Родин, 2015).)

Я со своей стороны вслед за Кассирером утверждаю, что вопрос об эффективности математики в эмпирических приложениях (которые включают в себя не только физику и другие естественные науки, но также и инженерное дело в самом широком смысле слова, в том числе информационные технологии) остается и в настоящее время открытой проблемой, которая настоятельно требует решения (по крайней мере временного и предположительного), причем именно в контексте самой современной математики, естественных наук и техники. Действительно, из самых общих философских соображений можно утверждать, что ситуация, при которой рациональная конструкция теоретической науки содержит внерациональный «чудесный» элемент, ответственный за обеспечение идеальной гармонии между математическими и эмпирическими понятиями, является нетерпимой. Вместо того чтобы разворачивать здесь эти общие соображения, которые увели бы нас слишком далеко от предмета статьи, я сейчас приведу некоторые независимые и более конкретные подтверждения данного тезиса, указывающие на то, что такое положение вещей действительно сегодня тормозит развитие науки. Затем я укажу на возможный путь решения этой проблемы.

Заметим, что эффективное применение новых математических методов в физике во многих случаях (хотя и не всегда) происходит только спустя значительное время после того, как эти методы разрабатываются в рамках чистой математики. Так, например, основы римановой геометрии были заложены Риманом примерно за 60 лет до того, как Эйнштейн применил эту геометрию для описания физического пространства-времени в своей общей теории относительности (ОТО). Большая часть математического аппарата физики XX века (риманова геометрия, теория дифференциальных уравнений, комплексный анализ) была в основном построена еще в XIX веке совершенно независимо от тех новых оснований математики, которые в начале XX века обсуждали Рассел и Кассирер. И сегодня теоретико-множе-

ственные основания математики, о которых я упоминал выше, практически никогда не попадают в поле зрения исследователей, работающих в области математической физики.

Поэтому «чудо» эффективности математики в физике первой половины XX века можно по крайней мере частично объяснить своего рода понятийной инерцией: те математические понятия и теории, которые были изначально построены по классическом образцу в тесной связи с физическими интуициями (как в случае римановой геометрии), смогли полностью реализовать свой физический потенциал только в XX веке (как в случае ОТО). Однако сегодня есть свидетельства того, что этот исторический ресурс уже исчерпан или близок к исчерпанию. Я сошлюсь в этой связи на авторитетное мнение Л. Смолина, который указывает на то, что многие фундаментальные физические теории, построенные в последние десятилетия XX века (включая *струнную теорию*), оказываются принципиально эмпирически непроверяемыми, поскольку они могут быть согласованы с любыми результатами наблюдений и экспериментов. Это, разумеется, ставит под вопрос их статус как именно физических теорий (Smolin, 2006). Смолин говорит в этом контексте о физических теориях, в которых используется новейшая математика, развитая уже изначально на современных основаниях. Разумеется, «неприятности с физикой», на которые указывает Смолин, могут иметь самые разные причины, включая те недостатки организации научных исследований, о которых он пишет в своей книге. Но я рискну предположить, что по крайней мере часть этой проблемы состоит в том, что «официальная» логическая архитектура современной математики никак не учитывает эпистемологическое требование, которое Кассирер вслед за Кантом формулирует так: «Математические и логические понятия не должны больше служить нам инструментами для построения метафизических ''мысленных миров''; их функция и их применение должны быть ограничены пределами эмпирических наук» (Cassirer, 1907, S. 43).

Однако это обеспечивает ничем не ограниченную свободу мысленного аксиоматического конструирования математических теорий. В связи с этим можно вспомнить знаменитое высказывание Кантора, согласно которому «сущность математики — в ее свободе» (Кантор, 1985, с. 80). Такая особенность аксиоматической архитектуры затрудняет применение новых математических теорий в физике, а когда такие применения все-таки находятся, то возникает вопрос, можно ли получившуюся в результате теорию считать в полном смысле слова физической или же ее скорее нужно отнести к области математизированной спекулятивной метафизики (как в случае струнной теории).

Интересно заметить, что некоторые работающие математики готовы согласиться с только что упомянутым ограничительным требованием Кассирера. Так, например, В.И. Арнольду принадлежит знаменитая фраза о том, что «математика — это часть физики, в которой эксперименты стоят дешево» (Арнольд, 1998). Многие современные выдающиеся математики, включая тех, которые не делают такого рода публичных высказываний, в своей ежедневной работе тем не менее активно и сознательно пользуются физическими и другие эмпирическими мотивировками и при этом стараются по возможности не придавать никакого большого значения «официальным» теоретико-множественным основаниям своих рабочих теорий

(Ю. И. Манин, М. Концевич, А. Конн и многие другие). Однако для нашего обсуждения вопрос об архитектуре математических теорий является более существенным, чем те или иные индивидуальные философские предпочтения и стили математического мышления отдельных ученых. Ведь именно эта архитектура используется для окончательного представления полученных математических знаний в учебниках и передачи этих знаний новым поколениям исследователей. Поэтому проблемы в основаниях и архитектуре математических теорий не могут быть раз и навсегда решены за счет простого отказа от всяких определенных оснований и всякой стандартной архитектуры в пользу особенностей индивидуального стиля работы отдельных выдающихся математиков.

В связи с этим мне кажется интересным и продуктивным в современном контексте вернуться к той постановке вопроса об основаниях математики, о которой в 1907 году писал Кассирер, и попытаться поискать альтернативные решения, которые более детально описывали бы возможности применения математики в эмпирических теориях, а не оставляли бы этот вопрос на волю случая, «чудесного дара» и т. д. Эта задача имеет как философский, так и чисто математический аспект. В философском плане решение этой задачи может не сводиться к новой попытке модернизации философии Канта — подходящее решение может иметь и другие источники. Тем не менее я хочу подчеркнуть, что сама постановка данной проблемы в современном контексте вновь делает кантианскую философию математики актуальной областью исследований, а не анахронизмом, какой ее себе представлял Рассел и его многочисленные последователи.

Что же касается математической стороны дела, то я хочу указать здесь на некоторые новые направления в исследованиях по основаниям математики, которые, как мне представляется, могут помочь сделать современную математику более дружественной по отношению к физике и технике. Это прежде всего теория категорий и связанная с ней теория топосов. Идея использования этих теорий в основаниях математики в качестве альтернативы аксиоматической теории множеств принадлежит Лаверу, который впервые высказал ее еще в конце 1960-х годов. Первые попытки применения теории топосов в математической физике были предприняты в 1990-х годах Ишамом и Дорингом (Christian Isham, Andreas Doering). Попытки более широкого применения категорного языка в математическое физике (в том числе за рамками классической теории топосов) предпринимаются начиная с 2000-х годов Баесом (John Baez) и уже вызвали большой продолжающийся поток научных публикаций в области математической физики. Обзор, библиографические ссылки и философское обсуждение этой литературы можно найти в моей статье (Родин, 2010). Самой свежей в этом ряду (и поэтому не вошедшей в только что указанный обзор) является принадлежащая В. Воеводскому идея унивалентных оснований математики (Voevodsky, 2013), которая также уже нашла приложения в математической физике (Shreiber, 2013). Обсуждение возможностей применения этой теории в физике с эпистемологической точки зрения можно найти в моей монографии (Rodin, 2014, p. 210—214).

Математическое понятие категории, которое используется во всех этих теориях, в отличие от абстрактного понятия бесконечного множества допускает многообразные конкретные геометрические и физические интерпретации. Это позволяет связать воедино основания математических и фи-

зических теорий и развивать математическую физику таким же синтетическим способом, которым пользовались Ньютон и Эйнштейн, а не пытаться подбирать подходящий математический аппарат для данной физической теории наугад, не имея при этом никакого ответа на вопрос о том, почему та или иная математическая теория вдруг оказывается подходящей. Если теоретико-множественная математика, говоря словами Кассирера, конструирует «метафизические мысленные миры», которые только иногда «по счастливой случайности» оказываются похожими на реальный физический мир, то категорная математика подобно старой доброй евклидовой геометрии предоставляет возможности физической интерпретации уже на уровне своих оснований.

Нужно подчеркнуть, что новые исследования в области математической физики, о которых я только что упомянул, пока не привели к созданию новых законченных и проверенных на опыте физических теорий. Сказанное выше о категорных основаниях математики и связи таких оснований с физикой так же не является на сегодняшний день общепринятой точкой зрения и требует более подробного и более технического обсуждения. Однако именно поэтому, как мне представляется, эти новые направления математических и физических исследований особенно интересны для философского обсуждения. Сейчас кажется очевидным, что Рассел и Кассирер были оба совершенно правы в том, что новейшие исследования и результаты в основаниях математики и физики начала XX века имели большое значение для философии. Я думаю, что современная ситуация начала XXI века является в этом отношении совершенно аналогичной. При этом, как это очень часто случается в истории философии, новый философский взгляд на науку может неожиданно оказаться хорошо забытым старым.

Список литературы

1. *Арнольд В.И.* О преподавании математики // Успехи математических наук 1998. № 1 (53). С. 229—234.

2. *Бонола Р.* Неевклидова геометрия. М., 2010.

3. *Кантор Г.* Основы общего учения о многообразиях // Труды по теории множеств. М., 1985. С. 63—106.

4. *Родин А.* Программный реализм в физике и основания математики // Вопросы философии. 2015. №4—5 (в печати).

5. *Родин А.* Теория категорий и поиск новых математических оснований физики // Вопросы философии. 2010. №6. С. 67—82.

6. *Cassirer E.* Kant und die moderne Mathematik // Kant-Studien. 1907. № 12. S. 1—40.

7. *Friedman M.* Ernst Cassirer and Contemporary Philosophy of Science // Angelaki. 2005. № 10. P. 119—128.

8. *Friedman M.* Kant and the Exact Sciences. Cambridge, 1992.

9. *Heis J.* Ernst Cassirer's Neo-Kantian Philosophy of Geometry // British Journal for the History of Philosophy. 2011. № 4(19). P. 759—794.

10. *Heis J.* "Critical philosophy begins at the very point where logistic leaves off": Cassirer's Response to Frege and Russell // Perspectives on Science. 2010. № 4(18). P. 383—408.

11. *Jonson A.K.* Neo-Kantianism // Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: http://www.iep.utm. edu/neo-kant/ (дата обращения: 19.01.2015).

12. *Pulkkinen J.* Thought and Logic: The Debates Between German-Speaking Philosophers and Symbolic Logicians at the Turn of the 20th Century. P. Lang, 2005.

13. *Rheinberger H.-J.* On Historicizing Epistemology. Stanford University Press, 2010.
14. *Rodin A.* Axiomatic Method and Category Theory // Synthese Library. Springer, 2014. Vol. 364.
15. *Russell B.* Principles of Mathematics. L., 1903.
16. *Russell B.* A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz. L. ; N. Y., 1996.
17. *Schreiber U.* Classical field theory via Cohesive homotopy types. arXiv:1311.1172 (2013) (дата обращения: 19.01.2015).
18. *Smolin L.* The Trouble With Physics. Houghton Mifflin Harcourt, 2006.
19. *Voevodsky V. et al.* Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics. Princeton, 2013.
20. *Wigner E.* The unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences // Commun. Pure Appl. Math. 1960. № 13. P. 1—14.

Об авторе

Андрей Вячеславович ***Родин*** — канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Института философии РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, andrei@philomatica.org

KANT AND NEW MATHEMATICS 100 YEARS LATER

A. Rodin

Cassirer's critique of Russell's philosophy of mathematics and the Neo-Kantian philosophy of science and mathematics as a whole is of special relevance in the context of modern mathematics and mathematical physics. The fact that the modern standard axiomatic architecture of mathematical theories does not take into account the object-based character of mathematical knowledge, which was stressed after Kant by Cassirer, complicates the application of new mathematical theories in natural sciences and technology. In particular, this can explain why modern physical string theory is empirically unverifiable; it can be adjusted to accommodate a wide range of possible outcomes of observations and experiments. At the same time, there are reasons to believe that certain recent approaches in foundations of mathematics such as category theory, topos theory, and Univalent Foundations may help to improve the situation in the near future. The problem of applicability of new mathematical knowledge in science and technology shows that the Kantian approach in philosophy of mathematics is at least partly relevant to today's mathematics.

Keywords: *Cassirer, Russell, philosophy of mathematics, formal logic, object-based knowledge, Category theory.*

References

1. Arnold V.I., 1998, O prepodavanii matematiki [On Mathematical Teaching] // *Uspekhi matematicheskih nauk [Advances of Mathematical Sciences]* 53:1. p. 229—234.
2. Bonola R., 2010, *Neevklidova geometrija [Non-Euclidean Geomtry]*, Moscow.
3. Cantor G., 1985, Osnovy obschego utchenija o mnogoobrazijakh [Foundations of a General Theory of Manifolds] // *Trudy po teorii mnozhestv [Works in Set theory]*, Moscow, p. 63—106.
4. Rodin A., 2015, Programnyi realizm v fisike i osnovanija matematiki [Programmatic Realism in Physics and foundations of Mathematics] // *Voprosy Filosofii [Questions in Philosophy]*. 2015, № 4—5 (in print).
5. Rodin A., 2010, Teorija kategorii i poisk novykh matematicheskikh osnovanii fisiki [Category Theory and the Quest for New Mathematical Foundations of Physics] // *Voprosy Filosofii [Questions in Philosophy]*. 2010, № 6, p. 67—82.

6. Cassirer E., 1907, Kant und die moderne mathematic // *Kant-Studien*, 12 (1907), S. 1—40.

7. Friedman M., 2005, Ernst Cassirer and Contemporary Philosophy of Science // *Angelaki*, 10 (2005), p. 119—128.

8. Friedman M., 1992, *Kant and the Exact Sciences*, Cambridge.

9. Heis J., 2011, Ernst Cassirer's Neo-Kantian Philosophy of Geometry // *British Journal for the History of Philosophy*, 19:4 (2011), p. 759—794.

10. Heis J., 2010, "Critical philosophy begins at the very point where logistic leaves off": Cassirer's Response to Frege and Russell // *Perspectives on Science*, 18:4 (2010), p. 383—408.

11. Jonson A.K., 2015, Neo-Kantianism, *Internet Encyclopedia of Philosophy*, URL: http://www.iep.utm.edu/neo-kant/ (seen 19.01.2015).

12. Pulkkinen J., 2005, *Thought and Logic: The Debates Between German-Speaking Philosophers and Symbolic Logicians at the Turn of the 20th Century*, P. Lang.

13. Rheinberger H.-J., 2010, *On Historicizing Epistemology*. Stanford.

14. Rodin A., 2014, *Axiomatic Method and Category Theory (Synthese Library vol. 364)*, Springer.

15. Russell B., 1903, *Principles of Mathematics*, London.

16. Russell B., 1996, *A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz*, London and New York.

17. Schreiber U., 2015, *Classical field theory via Cohesive homotopy types*, arXiv:1311.1172 (2013) (seen 19.01.2015).

18. Smolin L., 2006, *The Trouble With Physics*, Houghton Mifflin Harcourt.

19. Voevodsky V. et al., 2013, *Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics*. Institute for Advanced Studies (Princeton).

20. Wigner E., 1960, The unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences // *Commun. Pure Appl. Math.* 13, p. 1—14.

About the author

Dr Andrei ***Rodin***, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Saint-Petersburg State University, andrei@philomatica.org

УДК 1(091)

ИММАНУИЛ КАНТ И ВОПРОСЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА[1]

Б. Анджеевский*

Предмет статьи — отношения между субъектом и объектом в теории познания. Обращается внимание на роль социальной коммуникации в конструировании реального мира. Тезис состоит в том, что языковая коммуникация в этом процессе играет активную роль. И следовательно, она оказывает влияние на человеческое познание и на все бытие человека в целом. В обсуждении этого влияния мы будем придерживаться методологии, которая была символически обозначена Иммануилом Кантом как «коперниканский переворот». Одним из первых, кто применил и развил этот метод в теории и философии языка, был Вильгельм фон Гумбольдт. Он полагал, что корни языка априорны и что язык — это не «Ergon», а скорее «Energeia». Активистская теория языка (социальной коммуникации) нашла свое продолжение в XX столетии в символической концепции языка — речь идет, конечно же, о изложенной Эрнстом Кассирером системе «символических форм». Коммуникативные структуры в ней рассматриваются как не зависящие от фактов действительности самих по себе, поскольку они принимают участие в конструировании этих самых объективных фактов. В заключительной части статьи рассматриваются некоторые американские теории языка и коммуникации, а именно языковой релятивизм (Эдвард Сепир, Бенджамин Л. Уорф) и генеративная грамматика (Ноам Хомский). Обе они предполагают активную функцию языка.

***Ключевые слова**: Иммануил Кант, коперниканский переворот, Вильгельм фон Гумбольдт, Эрнст Кассирер, Эдвард Сепир, Бенджамин Л. Уорф, Ноам Хомский, коммуникативный конструктивизм.*

1. Предисловие

XVIII век часто называют «веком философии». В Германии это означает еще и век разума. Этой характеристикой немецкое Просвещение отделяется от английского, которое опирается на эмпирию и довольствуется принципом «esse est percipi». Однако независимо от точки зрения,

---

[1] Данная статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на XI Кантовских чтениях в БФУ им. И. Канта в апреле 2014 года.

* Instytut Filozofii, Zakład Teorii i Filozofii Komunikacji,
Adam-Mickiewicz-Universität in Poznań, ul. Szamarzewskiego, 89c,
60—568 Poznań, Polska.

Поступила в редакцию 24.05.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-2

© Анджеевский Б., 2015

будь то рационалистическая или эмпирико-сенсуалистская перспектива, в число главных вопросов этого периода входят методология и теория познания. В основном речь идет об отношениях между субъектом и объектом процесса познания. В немецкой традиции (иначе, чем, например, в английской) разум берет верх, подчиняя себе внешний мир чувственных впечатлений и, в конце концов, упорядочивая его согласно своим априорным предпосылкам. В нижеследующих размышлениях мы попробуем распространить этот принцип на теорию коммуникации, с тем чтобы определить ее роль в конструировании предметного мира. Для этого нужно будет углубиться в вопрос об отношении между языковыми структурами и обозначаемом ими положении вещей.

Наш тезис заключается в том, что языковая коммуникация играет активную роль в этом отношении и оказывает большое влияние на способы и методы познания, в том числе решает вопрос о существовании. Для доказательства этого прибегнем к помощи методологии «коперниканского переворота», совершенного Иммануилом Кантом.

2. Какое значение имеют достижения Канта для философии коммуникации?

У самого Канта едва ли можно найти высказывания о проблеме языка и коммуникации. Уж точно не у раннего Канта, углубленного в тайны природы, такие важные для Просвещения. Но и поздний Кант не был склонен к исследованиям в области языка и коммуникации, если не считать проблему аналитических и синтетических суждений, затронутую на периферии его интересов. И все же мы сосредоточимся на методологическом изобретении Канта, которое принято называть «коперниканским переворотом». Согласно ему, субъект активен по отношению к своим чувственным впечатлениям. В противоположность эмпиризму, в котором чувства играют важнейшую роль в познании окружающего мира, Кант пишет в предисловии ко второму изданию своего главного труда:

> Поэтому следовало бы сделать попытку выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием. <...> Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха при допущении, что движется наблюдатель, а звезды, напротив, находятся в состоянии покоя (Кант, 2006, с. 15, 17).

На основании этого, а также многих других высказываний Канта, прежде всего из его поздних работ, имеется достаточно предпосылок к тому, чтобы признать его основоположником всех теорий языка и коммуникации, возникших в Новое время. Так, например, пишет известный немецкий философ языка Йозеф Симон:

> Кант не создал развитой систематической философии языка. Однако же ни один философ Нового времени не смог оказать на философию языка более сильное влияние, чем он. Это тесно связано с разворотом к трансцендентальной философии, которая устремляет свой поиск не прямо на предметы, а на условия возможности предметов (Simon, 1996, S. 233).

Возникает вопрос: что может вызвать такой большой интерес при чтении трудов Канта? Ответ — и это важно для образа мысли эпохи Просвещения — заключается в том, что Кант, подобно тому, как когда-то Коперник, привел человека «в движение», поставил в активную позицию по отношению к окружающему миру; с той однако разницей, что при этом он имел ввиду внутренний мир субъекта, в то время как торуньский астроном сделал процесс познания как раз таки более объективным. Тем не менее аналогия вполне ясная. «Коперниканский переворот» основан на априорных предпосылках, то есть на убеждении в том, что в процессе познания есть определенные элементы, которые возникают независимо от эмпирии, но со своей стороны влияют на конечный результат познания. Таким образом, разум, обладающий инструментом *a priori*, по Канту является автономной способностью, и его деятельность протекает независимо от чувственного окружения. Хотя она и начинается с созерцания, но затем выстраивает из «хаоса» ощущений гармоничный мир с соблюдением законов логики. Этот мир составляется из «явлений», то есть из того, что является субъекту, отличаясь при этом от того «нечто», которое вызывает эти явления. Активная душа познающего субъекта не воспроизводит действительный мир, наоборот — она конструирует свой собственный мир, состоящий из субъективных явлений. Из этого подхода, основанного на рационализме, выводятся важные следствия для последующих точек зрения на язык и коммуникацию.

3. Направление языкового априоризма и символизма

Одним из первых, кто применил и развил методы Канта в области языкознания, был Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Он очень рано, едва став студентом, начал изучать сочинения Канта, и уже тогда они произвели на него сильное впечатление. Это можно проследить по целому ряду его писем, например в письме Бэру от 15 июня 1788 года он пишет: «…читаю сейчас Канта, решил тщательно изучить его. [Его философия] трудна для понимания, должен признаться, но я читал, что эти усилия с лихвой вознаграждаются» (цит. по: Spranger, 1908, S. 65). Как ясно из других писем, Вильгельм готов был годами «зачитывать до дыр» труды Канта. В письме к Якоби от 22 августа 1791 года он сообщает: «…сейчас меня занимает преимущественно метафизика. Решил снова провести серьезную ревизию своих собственных убеждений и заново штудирую систему Канта с самого начала» (цит. по: Spranger, 1928, S. 123).

С априоризмом Канта связана главная идея гумбольдтовской философии языка. А именно: что язык следует рассматривать как проявление внутреннего мира и априорной активности субъекта. Мыслитель убежден, что язык — это эманация духа и орган внутренних переживаний, и потому не является отображением какой-либо внешней действительности. «Создание языка, — утверждает он в своем главном труде по философии языка, — обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык — не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения…» (Humboldt, 1880, S. 25).

В языковой коммуникации мы никогда не имеем дело с отображением какой-либо внешней реальности. Напротив, именно язык делает возмож-

ным систематизацию эмпирических ощущений. Язык, как и вся душа человека, всегда активен, потому что постоянно приходится обрабатывать чувственные сигналы. В речи слова не указывают на конкретные предметы, они лишь вызывают определенные представления в сознании человека. Понимание возможно лишь настолько, насколько отдельные индивиды связывают с определенными именами индивидуальное, у каждого свое особенное содержание. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» (Humboldt, 1880, S. 209).

В понимании Гумбольдта язык непременно активен и созидателен, и следовательно, никогда не равен самому себе, в каждый момент он изменяется. Нельзя в нем видеть завершенный продукт, «неодушевленный предмет», его следует рассматривать как беспрерывное творчество, вечную работу духа. Язык не «Ergon», но «Energeia». И значит, нельзя описывать его только по жестким грамматическим структурам, важнее в этом отношении неустойчивые элементы обыденного общения. Именно в них язык появляется и благодаря им живет.

Язык не только тесно связан с мышлением отдельного человека. В свете коммуникативного конструктивизма взаимная зависимость между субъектом и тем языком, который он применяет, становится заметной также на уровне целых народов. По Гумбольдту, каждый народ обладает своим собственным менталитетом и складом мысли, и это непосредственно проявляется в его языке. Именно потому, что каждый народ является носителем особой духовности, существует так много языков. И они настолько различны, что отдельные понятия практически непереводимы на другой язык.

Активистская теория языка позднее находит свое продолжение в лингвистическом релятивизме: языковые формы в каждом языковом сообществе порождают свою особую картину мира. При этом, однако, следует учесть еще один элемент гумбольдтовской теории языка, а именно проблему «внутренней формы языка». По Гумбольдту, язык состоит из двух главных частей, неразрывно связанных друг с другом: (а) из внешних звуковых форм и (б) из внутреннего «влияния лучезарных идей», которые составляют важную «чисто интеллектуальную сторону языка», то есть образуют его «внутреннюю форму».

> Связь звуковой формы с внутренними языковыми законами придает завершенность языкам, — пишет Гумбольдт. — <…> Этот процесс завершается только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием (inneren Gestaltung) (Humboldt, 1880, S. 92).

Тем самым Гумбольдт хочет сказать, что внутренняя сила субъекта играет в формировании языка очень важную, по отношению к чувственным впечатлениям даже решающую, роль. Ниже мы еще вернемся к языковому релятивизму и теории «генеративной грамматики». А сейчас перейдем к другому варианту рецепции методологического рационализма и активистской теории языка Канта — Гумбольдта. Речь пойдет о концепции «симво-

лических форм» Эрнста Кассирера (1874—1945). Этот теоретик, как и Гумбольдт, расширил априористскую методологию и пересадил ее с естествознания на общекультурную почву.

Кассирер был воспитанником марбургской школы, и значит, понимал кантовскую «вещь в себе» не как реальную, а всего лишь как «пограничное понятие». Так же, как и его марбургские учителя, Г. Коген и П. Наторп, он отрицает методологическую самостоятельность таких «фактов», как атом, сила, субстанция и т.д. Даже «материя восприятия — это не такое действительное бытие, которое позволяет себя изолировать и в этой изолированности является как чистая данность… Скорее она, в определенной степени, всего лишь линия, на которой пересекаются три разных способа создания форм» (Cassirer, 1969, S. 12—13).

Согласно такому пониманию внешний мир конструируется внутренней активностью субъекта. Но Кассирер также рано пришел к убеждению в том, что методология математики и естествознания слишком узкая и недостаточна для объяснения всех явлений в мире. Вдохновленный Гёте, Шиллером и другими авторами, он понял, что человек вступает в контакт с окружающим миром с помощью не только рассудка, но и менее рациональных способностей. Оставаясь верным главным идеям «Критики чистого разума», Кассирер, однако, ведет речь также об априорных способностях человеческого духа и его генетической независимости от любого вида эмпирии. Эта позиция подразумевает, что субъект упорядочивает чувственные впечатления по своим собственным внутренним правилам и может иметь дело только с «явлениями». Значит, вся культура — априорного происхождения, и каждая область человеческой деятельности образует сферу «символической» формы. Таким образом, к символическим формам принадлежат, например, наука, религия, миф, искусство, история и язык.

Язык как «символическая форма» у Кассирера, так же, как у Гумбольдта, характеризуется постоянной активностью. Язык формируется внутренними силами и участвует в упорядочивании эмпирических данных. Именно под его влиянием чувственные впечатления обретают длительность и стабильность и, наконец, превращаются в предмет. То есть язык — это не отображение какого-либо внутреннего бытия, но средство формирования предметов. Кассирер однозначно разъясняет:

> Язык не входит в мир созерцания готовых предметов, чтобы к тем отдельным вещам, которые уже даны и четко отграничены друг от друга, только добавить их «имена» как чисто внешние и произвольные знаки. Напротив, язык сам является средством конструирования предметов, в определенном смысле он даже является средством, важнейшим и превосходнейшим инструментом получения и построения чистого «предметного мира» (Cassirer, 1932, S. 138—139).

4. Американская рецепция «коперниканского переворота»

Связь приведенных выше позиций в понимании языка с методом Канта вполне очевидна. Однако главные идеи, изложенные в «Критике чистого разума», возникли также и в философско-языковых теориях Соединенных Штатов Америки. Среди этих концепций, основанных на «коперниканском перевороте», стоит упомянуть о гипотезе, названной «принципом лингвистического релятивизма». Главными ее авторами считаются Эдвард Сепир (1884—1939) и Бенджамин Уорф (1897—1944).

Релятивизм в коммуникативном измерении излагается Сепиром в довольно мягкой форме. Но тем не менее в поздних статьях, прежде всего в

работе под названием «Language» (1933), он видит в языке много конструирующей силы и свободы, приписывая ему систематическую и формообразующую функцию. Язык, понимаемый таким образом, в определенном смысле конструирует свой особый мир, дополняет и модифицирует предметную реальность. Он навязывает нам определенные способы рассмотрения и интерпретации окружающего мира.

> «Если человек, — пишет Сепир в упомянутой статье, — который в своей жизни видел только одного слона, несмотря на это без всякого смущения ведет речь о десятке или о миллионе слонов или о стаде слонов и, наконец, о поколении слонов, то на этом примере ясно, что язык обладает способностью выделять элементы, которые теоретически изолированы в опыте, и создавать из актуального мира тот потенциальный мир, который позволяет людям выходить за пределы того, что непосредственно дано им в личном опыте» (Sapir, 1964, S. 7).

Эту и подобные ей формулировки можно рассматривать как исходный пункт для более идеалистической и более радикальной теории Уорфа. Он так же опирается на предпосылку о том, что язык нераздельно связан с нашим мышлением. В этом убеждении он заходит так далеко, что полагает, будто именно язык представляет собой важнейший созидающий фактор и поставляет образы нашему мышлению. И даже не только мышление, но и действительность несет отпечатки языка, в котором она описывается. Аналогично кантовской методологии здесь мир понимается как та «вещь сама по себе», которая при участии субъекта принимает определенную форму и становится явлением. Но это делается не силами разума, а на основе языковых структур.

Языковые формы предоставляют нам определенные «линии», образуют «сеть», с помощью которой мы, соответственно ей, структурируем действительность. Эти «линии» однако не имеют эмпирического основания, происхождение этих языковых форм чисто априорно. Таковы идеи, ведущие к «принципу лингвистического релятивизма». Этот принцип, в общем, утверждает следующее: люди воспринимают конкретные факты поразному, и этот особый способ восприятия обусловлен культурой и конкретным языком. Уорф в этом контексте пишет о национальных языках, которые ответственны за соответствующее миропонимание:

> Так мы приходим к новому принципу релятивизма, согласно которому в одинаковых физических условиях не у всех наблюдателей складывается одинаковая картина мира. Одинаковая может сложиться, только если их лингвистические среды схожи между собой или могут быть приведены к общему знаменателю (Whorf, 1963, S. 12).

Нужно признать, что в европейских языках (которые Уорф обозначает как ССЕ — стандартные средне-европейские) принцип релятивизма менее заметен, потому что они большей частью происходят от единого праязыка и поэтому обнаруживают много сходства. Но если обратить внимание на языки различных регионов мира и на другие культуры, то сразу можно уловить их особые «языковые картины мира».

Выше также упоминалась идея «внутренней языковой формы», составляющая важную часть теории языка Канта — Гумбольдта. Свое продолжение и развитие эта теория находит в работах Ноама Хомского (род. 1928) в его концепции «языковой компетенции», или «генеративной грамматики».

Гумбольдт поясняет, что все языки сходны между собой в том, что им присуща «внутренняя форма», и у всех она одинаковая. Буквально он пишет об этом следующее: «Может показаться, что в мыслительных процедурах все языки должны быть одинаковы» (Humboldt, 1973, S. 83). Очень похожая мысль встречается у Хомского: в основе всех языков лежат одни и те же «глубинные структуры», и все языки в этом отношении одинаковы.

> На основе имеющегося у нас материала — пишет американский теоретик коммуникации, — складывается впечатление, что условия, определяющие форму грамматики, — универсальны. Глубинные структуры различных языков выглядят очень похожими (Chomsky, 1971, S. 123).

Хомский часто признает себя сторонником направления, берущего начало от Канта и Гумбольдта. Например, свою категорию «генерировать» он создает из гумбольдтовского слова «производить» (erzeugen). Он также полностью соглашается с тезисом Гумбольдта о «воспроизведении» языка (вместо его изучения). Дальнейшие явные свидетельства гумбольдтианства можно найти в таких сочинениях Хомского, как, например, «Актуальные иследования в теории языка» (Current Issues in Linguistic Theory) или «Аспекты теории синтаксиса» (Aspects of the Theory of Syntax, 1965) (Lingwistyka a filozofia, 1977, s. 183 и далее).

5. Заключение

Мы рассмотрели здесь некоторые теории коммуникации. Цель состояла в том, чтобы проследить их связь с теорией Канта — Гумбольдта. Мы попытались доказать, насколько сильно методология рационализма повлияла на активистское понимание языка в XIX и XX веках. Эта методология перевернула соотношение субъекта и объекта в процессе познания: последний после публикаций Иммануила Канта играет все более скромную роль, в то время как первый превращается в главный фактор создания картины мира. Это происходит и в языкознании. Не внешние факты или чувственные впечатления определяют наш взгляд на мир. Наоборот, мир обретает свой облик через языковые структуры. Мы уже распознали языковой конструктивизм в активистской теории языка Вильгельма фон Гумбольдта. Чтобы подчеркнуть ее происхождение, мы назвали ее теорией Канта — Гумбольдта. Проявление такого понимания языка мы видим в «культурном символизме» Кассирера, а также в американских коммуникативных проектах: у Сепира и Уорфа, у Хомского. В последнем случае концепция «генеративной грамматики» сильно тяготеет к нативизму Платона, Лейбница и Декарта — но и методу Канта — Гумбольдта она тоже многим обязана.

В завершение наших рассуждений приведем высказывание убежденного последователя Канта и Гумбольдта, а также, следовательно, и коммуникативного конструктивизма — Лео Вайсгербера (1899—1985). Основываясь на кантовском критицизме, Вайсгербер отвергает теорию отражения. Чтобы мир стал частью содержания нашего сознания, данные о нем должны быть переработаны и презентованы мышлением человека, которое всегда активно. При этом Вайсгербер указывает на роль языкового «промежуточного мира», находящегося между внешним миром и уже осознанным бытием. Это область, благодаря которой вообще возможно понимание действительности:

Чтобы что-то приобрело в этом промежуточном мире свой облик, продолжительность и значение, необходимо, чтобы оно было именовано, и чем дальше продвигается построение этого мыслительного промежуточного мира, тем более неотъемлемым становится в нем язык в своем полном смысле. <…> Язык — это, собственно, тот пункт, в котором осуществляется построение мыслительного промежуточного мира, тот путь, на котором мир бытия (Sein) перемещается в мир сознания (Bewusst-Sein) (Weisgerber, 1950, S. 17—18).

Перевод с нем. А. Зильбера

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума. // Кант И. Собр. соч. на нем. и рус. яз. : в 5 т. 2-е изд. М., 1994—2014. Т. 2. Ч. 1.
2. *Cassirer E.* Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt // Bericht über den XII. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg 12. —16. April 1931. Jena, 1932.
3. *Cassirer E.* Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs. Darmstadt, 1969.
4. *Chomsky N.* The Philosophy of Language / ed. by J.E. Searle. Oxford, 1971.
5. *Humboldt W. von.* Schriften zur Sprache. Stuttgart, 1973.
6. *Humboldt W. von.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1880.
7. *Lingwistyka* a filozofia / ed. B. Stanosz. Warszawa, 1977.
8. *Sapir E.* Culture, Language and Personality. Berkeley ; Los Angeles, 1964.
9. *Simon J.* Immanuel Kant (1724—1804) // Klassiker der Sprachphilosophie / ed. by T. Borsche. München, 1996.
10. *Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin, 1928.
11. *Spranger E.* Wilhelm von Humboldt und Kant // Kant-Studien. 1908. Bd. 13.
12. *Weisgerber L.* Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950.
13. *Whorf B. L.* Sprache, Denken, Wirklichkeit. Reinbeck bei Hamburg, 1963.

Об авторе

Болеслав ***Анджеевский*** — проф. кафедры теории и философии коммуникации Познаньского университета им. Адама Мицкевича, boland@amu.edu.pl

О переводчике

Андрей Сергеевич ***Зильбер*** — младш. науч. сотр. Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, a-zilb@ya.ru

IMMANUEL KANT AND THE PROBLEM OF COMMUNICATIVE CONSTRUCTIVISM

B. Andrzejewski

This article focuses on the relation between the subject and object in theory of cognition. Special attention is paid to the role of social communication in the construction of the real world. The author stresses that the language communication plays an important role in this process. Thereby, it affects human cognition as well as all existence. When discussing this phenomenon, the author uses the methodology that was symbolically described by Kant as the Copernican turn. Wilhelm von Humboldt was one of the first to apply and develop Kant's method in the theory and philosophy

of language. He assumed that language had a priori roots and that it was energeia *rather than* ergon. *The active theory of language (social communication) was further developed in the 20th century within the concept of language symbolism, namely, Ernst Cassirer's system of symbolic forms. It suggests that communicative structures are independent from real facts, since they participate in the construction of these very objective facts. In the conclusion, the author examines several American theories of language (social communication), namely, relativism (Edward Sapir, Benjamin L. Whorf) and generative grammar (Noam Chomsky). Both systems presuppose language activism.*

***Key words**: Immanuel Kant, Copernican turn, Wilhelm von Humboldt, Ernst Cassirer, Edward Sapir, Benjamin L. Whorf, Noam Chomsky, communicative constructivism.*

References

1. Kant, I. 2006, Kritik der reinen Vernunft (Aufl. B), in *Kant I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. In 5 Bde. M., 1994—2014. Bd. 2. Tl. 1.
2. Cassirer, E. 1932, Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt, in *Bericht über den XII. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg, 12.—16. April 1931*, Jena.
3. Cassirer, E. 1969, *Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs*, Darmstadt.
4. Chomsky, N. 1971, *The Philosophy of Language*, ed. by J. E. Searle, Oxford.
5. Humboldt, W. von 1880, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Berlin.
6. Humboldt, W. von 1973, *Schriften zur Sprache*, Stuttgart.
7. Sapir, E. 1964, *Culture, Language and Personality*, Berkeley, Los Angeles.
8. Simon, J. 1996, Immanuel Kant (1724—1804), in *Klassiker der Sprachphilosophie*, ed. by T. Borsche, München.
9. Spranger, E. 1908, Wilhelm von Humboldt und Kant, in *Kant Studien*, Bd. 13.
10. Spranger, E. 1928, *Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*, Berlin.
11. Stanosz, B. ed. 1977, *Lingwistyka a filozofia*, Warszawa.
12. Weisgerber, L. 1950, *Vom Weltbild der deutschen Sprache*, Düsseldorf.
13. Whorf, B. L. 1963, *Sprache, Denken, Wirklichkeit*, Reinbeck bei Hamburg.

About the author

Prof. Bolesław ***Andrzejewski***, Department of Theory and Philosophy of Communication, Adam Mickiewicz University, Poznań, boland@amu.edu.pl

About the translator

Andrey ***Zilber***, Research Fellow, Kant Institute, I. Kant Baltic Federal University, a-zilb@ya.ru

Вместо предисловия: иллюзия беспредпосылочности мышления

Вопрос не только содержания мышления, но и его порядка всегда волновал философский разум. И даже больше того, именно не «что» мышления, а «как» мышления составляет, по существу, его сердцевину. Действительно, от того, насколько наше мышление будет упорядочено, насколько эффективно оно будет подвержено «надзирающей рефлексии» над тем, что мы мыслим именно то, что мы мыслим, зависит и наша уверенность в правильности такого мышления.

Являются ли наши чувственные данные условием мышления, каковы правила нашего cogito, каков реальный объем трансцендентального мышления и в чем его суть — таковы самые общие вехи в развитии классического пути философской рефлексии. В философии Канта этот путь получает самую полную «дорожную карту» с определением начала маршрута, подробным описанием направления движения по нему и четким указанием его окончания. Такого рода мышление характеризуется рациональностью и систематичностью. После Канта открываются, в целом, две возможности дальнейшего исследования «как» мышления: так называемое преодоление или отрицание традиции трансцендентальной философии и ее развитие. Первая из названных возможностей реализуется различными вариантами неклассической и постнеклассической философии. Причем радикальной критике и трансформации в этих вариантах подвергаются как начало в анализе мышления со стороны классической философии, которому приписывают отрицательные определения «тоталитарного», «тождественного», «идентичного», так и его окончание, предел, граница, что характерно для различного рода религиозно-философских направлений. В итоге под вопрос ставится как рациональность, так и системность мышления.

Вторая возможность реализуется в форме уточнений и углублений кантовского трансцендентализма и не предполагает требования верности системы философии именно кантовского образца. Скорее даже напротив, чем более выверено и глубоко реализуется кантовская идея философии, чем более последовательно проводится при этом системность мышления, тем больше вероятности построения философом собственной системы трансцендентальной философии.

В публикуемой здесь статье известного итальянского ученого, профессора туринского университета А. Помы[1] на примере творчества двух европейских мыслителей Ж. Делёза и Г. Когена исследуется проблема начала мышления, демонстрируется бесперспективность и ошибочность внера-

---

[1] Журнал уже публиковал данного автора, см.: *Пома А.* Критическая философия Германа Когена. Глава шестая. Этика (предисловие, редактура и сверка цитат на немецком языке В.Н. Белова) // Кантовский сборник. 2011. №1 (35). С. 70—87 и №2 (36). С. 73—83.

циональных рассуждений о так называемом мышлении различия, мышлении, свободном от допущений обыденного сознания. И напротив, обосновывается продуктивность продумывания характера первоначала мышления без попытки вывести это первоначало за сферу рациональности и системности. По мнению автора статьи, размышления Канта о таком начале мышления, которое непротиворечивым образом объединяло субъективный и объективный моменты, то есть не было бы знанием, но и в тоже время не имело бы ничего общего с субъективными фантазиями и иллюзиями, всецело находятся в рамках проблем взаимосвязи теоретического и практического разума. Критика Когеном недостаточной обоснованности этой взаимосвязи, невыверенности и даже ошибочности ряда положений в процессе данного обоснования в философии Канта, приводит основателя марбургского неокантианства к интересным и значимым результатам, во многом определяющим самостоятельность неокантианского способа мышления в трансцендентальной традиции.

В. Н. Белов

УДК [1 (430 + 44)] (09) + 929

К ПРИРОДЕ МЫШЛЕНИЯ БЕЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

А. Пома*

В статье идет речь о попытке Ж. Делёза описать так называемое мышление различия, которое разрывает любую связь с предпосылками естественного дофилософского мышления и стремящейся к благу и истине доброй воли. По мнению автора статьи, это делёзовское мышление различия все же имеет предпосылку и вполне очевидную. А само мышление для Делёза есть именно поток энергии, чувственная «витальность».

Иной подход к анализу начала мышления мы находим у Канта в его статье «Что значит ориентироваться в мышлении?», когда он ведет речь о «потребности разума». Так как «потребность разума» для обязательного практического интереса самого разума является необходимой, она направляет, по мысли Канта, не только практический разум, но и общее систематическое и критическое мышление. Именно «здравый смысл», как место этой самой «потребности разума», может и должен быть акцептирован как законная, рациональная предпосылка для осуществления мышления.

Как продолжатель традиции трансцендентальной философии Канта основатель марбургской школы неокантианства, по мнению проф. Помы, разрабатывает и углубляет указанную проблематику, приходя к оригинальным и интересным результатам.

***Ключевые слова**: мышление, первоначало, потребность разума, Делёз, Кант, Коген, рациональность, различие, теоретический и практический разум.*

В третьей достаточно интересной главе «Образ мышления» своей работы «Различие и повторение» Жиль Делёз обсуждает вопрос предпосылок философского мышления. Он сожалеет о том, что философия, хотя она и стремится «эксплицитно выявить в понятии то, что было просто известно без понятия» (Делёз, 1998, с. 163), все же не может без субъективных или имплицитных допущений, то есть допущений, «окрашенных чувством, а не включенных в понятие» (Делёз, 1998, с. 163). Подобные чувства, которые допускаются в любом философском мышлении и которые поэтому являются догматическими и ортодоксальными, есть истинная природа

* University of Turin, Via Giuseppe Verdi, 8, Torino, Italy.
Поступила в редакцию 24.07.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-3
© Пома А., 2015

и добрая воля мышления, совпадающие в здравом смысле (Gemeinsinn): «Эта стихия состоит в представлении мышления как естественного проявления способности, в допущении естественной мысли, способной к истине, к соприкосновению с истиной в двойном облике доброй воли мыслителя и правдивой сущности мышления» (Делёз, 1998, с. 165). Это, согласно Делёзу, обусловливает конститутивный характер мышления, поскольку оно является независимым от того, чтобы мыслить различие: «В этом смысле имплицитным допущением концептуального философского мышления является дофилософский, естественный, почерпнутый из чистой стихии обыденного сознания образ мышления. Согласно этому образу мышление близко к истине, формально обладает истиной и материально желает истины. И согласно этому образу каждый знает, должен знать, что означает мыслить. И тогда неважно, начинается ли философия с объекта или субъекта, бытия или бытующего, раз мышление остается подчиненным этому образу, предопределяющему уже все остальное — дистрибуцию объекта и субъекта, бытия и бытующего» (Делёз, 1998, с. 165—166).

Для того чтобы избежать идентичности и представления, мышление, согласно Делёзу, должно критиковать и разрушить субъективные допущения, «постулаты» мыслепредставления и избрать путь «мизософии» и «злой воли», чтобы произвести себя в самом себе: «Тогда лучше выявляются условия той философии, которая не будет иметь никаких допущений: вместо того чтобы опираться на нравственный Образ мышления, она будет исходить из радикальной критики имплицируемого Образа и “постулатов”. Она найдет свое различие и настоящее начало не в союзе с “дофилософским” Образом, а в решительной борьбе с Образом, разоблаченным как *не-философия*. Тем самым она нашла бы аутентичное повторение в мысли без Образа хотя бы ценой самых больших разрушений, самой сильной деморализации и упрямства философии, у которой в союзниках остался бы только парадокс; она должна была бы отказаться от формы представления как элемента обыденного сознания. Как если бы мышление могло начинать мыслить снова и снова, лишь освободившись от Образа и постулатов. Напрасно претендовать на переделку доктрины истины, если прежде не провести проверку постулатов, распространяющих искаженный образ мышления» (Делёз, 1998, с. 166—167).

Делёз, представляя признаки этого мышления различия, исходит из интерпретации известного места платоновского «Государства», где Сократ говорит о чувственных предметах, которые «принуждают к мышлению». Согласно Делёзу, мышление возникает из встречи со случайным импульсом, который производит первоначально серьезное, принуждающее и абсолютно необходимое насилие: «Воистину, концепты всегда обозначают лишь возможности. Не хватает власти абсолютной необходимости, то есть первичного насилия над мышлением, странности, враждебности, единственно способной вывести мышление из его естественного оцепенения и вечной возможности: таким образом, существует только невольная мысль, вынужденно вызванная в мышлении, тем более совершенно необходимая, что рождается она путем взлома, из случайного в этом мире. В мысли первичны взлом, насилие, враг, ничто не предполагает философию, все идет от мизософии. Для обоснования относительной необходимости мыслимого не будем полагаться на мышление, возможность встречи с тем, что принуждает мыслить, поднимая и выпрямляя абсолютную необходимость акта

мышления, страсти к мышлению. Условия подлинной критики и подлинного творчества одинаковы: разрушение образа мышления — как собственного допущения, генезиса акта размышления в самом мышлении» (Делёз, 1998, с. 174—175).

Тем, что в подобном мышлении любая способность отделяется от «здравого смысла», то есть от единогласного осуществления способности при признании идентичности объекта, она раскрывается в «трансцендентном использовании», вследствие чего постигает парадоксальным образом, «чем, в конце концов, она затронута и произведена в мире»: нечувственное чувственности, бессознательное памяти, немыслимое мышления, невозможная воображаемость способности суждения, молчание языка и возможные иные трансцендентные предметы других, еще неоткрытых способностей. Мышление, свободное от предпосылки обыденного сознания, становилось бы, согласно Делёзу, таким образом, свободным и от представления и во всех своих потенциальностях раскрывалось бы как мышление различия: «От *sentiendum* к *cogitandum* росло насилие того, что заставляет мыслить. Все способности сорвались с петель. Но что такое петли, как не форма обыденного сознания, заставляющего все способности двигаться по кругу и совпадать? Каждая из них по-своему и в свою очередь разбила форму обыденного сознания, удерживавшую ее в эмпирической стихии *докса,* чтобы достичь энной силы как парадоксального элемента трансцендентного действия. Вместо совпадения всех способностей, способствующего общему усилию узнавания объекта, налицо расхождения, когда каждая способность поставлена перед лицом "присущего" ей в том, что к ней сущностно относится. Разноголосица способностей, цепь натяжения, бикфордов шнур, когда каждая из них наталкивается на свой предел и получает от другой (или передает ей) только насилие, сталкивающее ее с собственной стихией как несвязанностью или несоответствием» (Делёз, 1998, с. 177).

Я уже в другом месте выразил и обосновал мнение, что это воззрение Делёза представляет собой существенно заложенную в Ницше энергетическую и, следовательно, иррациональную побудительную перспективу мышления, обнаруживая мистические следствия. Я также пытался показать, что критический идеализм, особенно в той форме, которую он принимает в мышлении Германа Когена, избегает модели мышления идентичности и представления, которую во всей философской традиции осуждает Делёз, и в силу этого способен к аутентичному мышлению различия, хотя речь идет целиком и полностью о рациональном мышлении. Я бы не хотел возвращаться к уже сказанному, но скорее подвести к интересным соображениям Делёза, чтобы поставить вопрос о предпосылках философского мышления, того, что Кант называет «природой разума» (Poma, 2006, s. 313 ff). Для меня здесь нет речи о проблеме беспредпосылочного мышления, которая мне не кажется важной исключительно для философии, понимаемой как абсолютная система действительности и мышления, как у Гегеля. Вместо этого я хотел бы предложить рефлексию о рациональном и нерациональном характере предпосылок мышления. Это мне кажется более достойным вопросом. Предположим, что рациональное мышление исходит из предпосылок, тогда они, со своей стороны, должны быть рациональными, так как в противном случае они лишали бы силы рациональную строгость самого мышления. И все же, как рациональное мышление может что-то предпосылать, что со своей стороны является рациональным?

Как я уже отметил, по моему мнению, и делёзовское мышление различия в действительности не свободно от предпосылок (Poma, 2006, s. 339). Но Делёз утверждает все же противоположное. Он полагает, что мышление различия разрывает любую связь с предпосылками естественного дофилософского мышления и стремящейся к благу и истине доброй воли. Мышление различия не может с отрадной безопасностью предполагать «мнимое сходство с истиной этой philia, предопределяющей одновременно образ мышления и понятие философии» (Делёз, 1998, с. 174). «Некто не позволяет представлять себя, но и не хочет представлять что бы то ни было. Это не частное лицо, наделенное доброй волей и естественным мышлением, но человек особенный, исполненный злой воли, которому не удается мыслить ни естественно, ни понятийно» (Делёз, 1998, с. 164). Это описание позволяет сделать только такое заключение, что новое мышление различия не разделяет субъективные предпосылки традиционного мышления, но не такое, что оно не приемлет никаких предпосылок. В действительности, представляется, что мышление различия, как описывает его Делёз, имеет предпосылку и вполне очевидную: оно возникает из «захвата» «фундаментальной встречи», который насильно вынуждает мыслить и так производит мышление. Цитируя и соглашаясь с Арто, Делёз пишет, «чтобы что-либо мыслить» есть «единственно постижимое "произведение"», оно есть «порыв, сосредоточенность мышления, который проходит через разного рода бифуркации, отправляется от нервов и сообщается с душой для того, чтобы прийти к мысли» (Делёз, 1998, с. 184). Когда Делёз утверждает, что мышление различия беспредпосылочно, несмотря на случайное первоначало в принуждающем порыве, то это, полагаю я, зависит от того, что это мышление не является ничем, кроме порыва, который его вызывает. Само мышление для Делёза есть именно поток энергии, чувственная «витальность». «Действительно, — пишет Делёз, — путь, ведущий к тому, что следует мыслить, начинается с чувственности» (Делёз, 1998, с. 181). Если мышление производится, таким образом, в чувственном порыве, то оно не считается все же предпосланным, поскольку уже в момент своего производства мышление есть «генезис мышления в самом мышлении».

Если хотят признать и оправдать природу рационального мышления, предпосылку, которая все же не оспаривает фундамент понятийного мышления, то ее тогда должны обнаруживать в первоначальном условии, которое уже участвует в рациональности, к производству и ориентированию которой она определена. Важные черты подобной предпосылки мы узнаем из анализа, который предпринимает Кант в своей статье «Что значит ориентироваться в мышлении?» в отношении к «потребности разума».

Как известно, в этом небольшом произведении Кант высказывает свою точку зрения на спинозистский спор между Фридрихом Генрихом Якоби и Моисеем Мендельсоном. Из кантовской аргументации следует признание заслуг Мендельсона в защите разумного характера философского мышления с оговоркой, что он оспаривает доказательность аргумента существования Бога Мендельсона. Центральная тема обоих суждений Канта — «здравый смысл», «здравый разум», или «простой здравый рассудок», к которому обращается Мендельсон для того, чтобы ориентироваться в спекулятивном употреблении разума (Кант, 1993, с. 197). Мендельсону, пишет Кант, «все же принадлежит та заслуга, что он настаивал на следующем: последний критерий допустимости суждения надо искать не где-либо, а исключи-

тельно в разуме; и при выборе своих положений разум мог теперь руководствоваться или проницательностью, или голой потребностью и максимой своей собственной полезности» (Кант, 1993, с. 217). Напротив, согласно Канту, заблуждение Мендельсона состояло в том, что он эту субъективную предпосылку разума смешал с мнимой и объективно необоснованной способностью познания таковой, таким образом, заменил важную максиму, чтобы ориентироваться в мышлении, на объективный познавательно-обосновываемый принцип. Кант пишет: «Это, следовательно, не познание, а испытываемая благодаря чувству потребность разума, и с ее-то помощью Мендельсон (сам того не зная) ориентировался в спекулятивном мышлении. Но так как это направляющее средство есть не объективный принцип разума, основоположение понимания, а всего лишь субъективный принцип (максима) его употребления, дозволяемого исключительно границами самого разума, [есть] лишь следствие потребности, и только для себя составляет полное определяющее основание для нашего суждения о наличном бытии высшего существа, по отношению же к последнему данное средство употребляется лишь случайно, для ориентирования в попытках спекулятивно размышлять об этом самом предмете; — то [Мендельсон], конечно, в данном случае заблуждался, вверяя подобной спекуляции столь мощную способность — добиваться для себя самой, и [притом] на пути демонстративного доказательства» (Кант, 1993, с. 215)[1]. Это заблуждение принудило Мендельсона вступить на старый путь метафизической, догматической философии. Поэтому последнее произведение Мендельсона «Утренние часы», как пишет Кант в своем письме к Христиану Готфриду Шульцу в конце ноября 1785 года, образует «последнее завещание догматизирующей метафизики», «памятник», «непреходящий пример апробирования своих основоположений, чтобы их вследствие этого либо подтвердить, либо опровергнуть» (Kant, AA, Bd. 10, S. 428f). Таким образом, великое произведение Мендельсона является тем не менее памятником прошлого философии, которому новое критическое мышление оказывает последнюю почесть, но которую оно преодолевает и отменяет.

Таким образом, кантовские рассуждения концентрируются на двух пунктах: на разумном характере субъективной предпосылки, на которую ориентируется разум, — за это Кант хвалит Мендельсона, и на чисто ориентирующей, регулирующей природе этой предпосылки, которая не обосновывает никакого объективного познания, — и в этом пункте Кант расходится с Мендельсоном и критикует его, потому что тот остается связанным с догматической философией и не достигает обоснованности критической философии, поскольку он не сохраняет это различие. Догматический характер, в котором Делёз упрекает любую философию, исходящую из здравого смысла, присущ, согласно Канту, только той философии, которая не отдает себе отчета в субъективной природе и, следовательно, в только ориентирующей ценности предпосылки.

Но что понимает Кант под «здравым смыслом» или «здравым разумом»? В рассматриваемой статье он перенимает эти выражения у Мендельсона и в других работах использует уже самостоятельно. Можно легко ус-

---

[1] Я не касаюсь здесь вопроса спора между Кантом и Мендельсоном, который недавно был проанализирован Райнером Мунком в его докладе «Mendelssohn and Kant on the Bond of Reason and Reason's Needs» на конференции «Moses Mendelssohn's Metaphysics and Aesthetics» (Amsterdam, 7.—10. Dezember 2009, im Erscheinen).

тановить, что в продолжении статьи он стремится строго определить значение, в котором эти выражения приемлемы, и отграничить его от других значений, в которых они, напротив, приводят к заблуждениям и путанице. Именно двойственность этих выражений расчищает пространство для позиции Якоби и тех, кто полемизирует с Мендельсоном. Решающий вопрос звучит так: является ли потребность в самом общем разуме рациональной или нет, так как во втором случае разум служил бы тому, чтобы представлять то, что ему произвольно благодаря откровению или определенным интуициям настоятельно рекомендуется, точно как в случае с позицией Якоби и его сторонников: «Даже всеобщий здравый разум, при той двойственности, которую Мендельсон допускает при реализации этой способности в ее противоположении спекуляции, сам подвергся бы опасности послужить основоположением для мечтательности и для полного развенчания разума» (Кант, 1993, с. 197). Можно было бы утверждать, что вся статья представляет собой краткое исследование с целью именно этого пояснения.

Прежде всего Кант предпринимает переименование понятия «здравый смысл», описывая его как «чувство, присущей разуму *потребности*» (Кант, 1993, с. 203). Это выражение, которое избегает вышеназванной любой ссылки на согласие общего мнения, связывает друг с другом два существенных признака: в одном речь идет о потребности (таким образом, о чувстве), которая стремится к удовлетворению; в другом — о потребности разума, при которой рациональное мышление ничем иным не обусловливается и ничем не определяется, как самим собой. «Потребность» в общепринятом смысле, который разделяет и Кант, есть, без сомнения, чувство, не понятие и представляется как напряжение между недостатком и удовлетворением. Но Кант все же уточняет, что в случае потребности разума речь идет не о патологическом чувстве, не о чувственной склонности, но о чувстве разума. При помощи аргументации, которая немного позже, в 1788 году в «Критике практического разума» распространится на «моральное чувство», он уточняет: «Разум не способен чувствовать; он признает этот свой недостаток и с помощью стремления к познанию пробуждает чувство потребности. Здесь дело обстоит точно так же, как с моральным чувством, которое не является причиной возникновения морального закона, ибо последний всецело проистекает из разума, но возникает или действует благодаря моральным законам, следовательно, благодаря разуму, между тем как деятельная и все-таки свободная воля нуждается в определенных основаниях» (Кант, 1993, с. 215). Речь идет кроме того о «присущей разуму» потребности, скорее присущей «разуму самому по себе» (Кант, 1993, с. 205), таким образом, чистому разуму, поскольку перед взором разума согласно его руководству «прежде всего предстает его собственный интерес» (Кант, 1993, с. 217). Это означает, что разум при преследовании этой потребности направляется не представлением чувственного движущего мотива, но только самим собой. Следовательно, потребность разума является чисто априорной.

На пути уточнений Кант осуществляет важные шаги по ограничению и определению приемлемого значения понятия «здравый смысл». В заключении этого процесса пояснения Кант предлагает одно высказывание, которое он считает подходящим для того, чтобы обозначить субъективную предпосылку рационального и критического мышления: «Но так как выражение: “изречение здравого разума” в предложенном вопросе все еще остается двусмысленным и может приниматься либо за суждение на основе

проницательности разума, — как его ошибочно понимал сам Мендельсон, либо за суждение на основе интуиции разума, — как, кажется, его трактует автор "Результатов"; то необходимо этому источнику суждения дать другое обозначение, и самое подходящее — это *вера разума*» (Кант, 1993, с. 217).

Кантовская точка зрения представляется, таким образом, как третья, противостоящая обоим спорящим сторонам, позиция. С одной стороны, субъективная предпосылка разумного мышления не имеет никакой познавательной ценности, но с другой — она не является и результатом непостижимой интуиции или откровения. То, что защищает потребность разума, хотя она и субъективна, от любого смешения с иллюзиями и фантазиями, есть его необходимое отношение к объективному познанию. Кант пишет: «Если же заранее было условлено, что исключается созерцание объекта или что-либо ему аналогичное, с помощью чего мы могли бы представить нашим расширенным понятиям сообразный им предмет, тем самым упрочивая эти понятия соответственно их реальным возможностям, то нам не останется ничего другого, как прежде всего хорошенько испытать то понятие, благодаря которому мы намерены выйти за пределы всякого возможного опыта, [и убедиться], свободно ли оно также и от противоречий; а затем по меньшей мере подвести отношение предмета к предметам опыта под чистые понятия рассудка, чем мы вовсе еще не делаем его чувственным, но все же мыслим нечто сверхчувственное, пригодное хотя бы для опытного употребления нашего разума. Ибо без этой предосторожности мы вовсе не смогли бы найти такому понятию никакого употребления, но грезили бы вместо того, чтобы мыслить» (Кант, 1993, с. 205).

Это уточнение существенно не только потому, что оно обозначает непреодолимое различие между субъективной предпосылкой разума и любой формой мистического и фантастического иллюминативизма, но и потому, что оно позволяет утвердить соразмерную разуму легитимность этой предпосылки. Кант использует интересное выражение «право потребности разума» как право «ориентироваться в мышлении» (Кант, 1993, с. 207). И Делёз подчеркивает, что возможность мышления является не фактическим, но правовым вопросом. Ориентируясь на попытку Арто в производстве мышления в его первоначальной возможности, он подчеркивает: «Трудности, испытываемые им, следует понимать не как факты, но как сложности, по праву касающиеся и затрагивающие сущность того, что значит мыслить. Арто говорит, что [его] проблема состоит не в ориентации мышления, не в совершенном выражении того, что он думает, не в старании и обретении метода или совершенстве стихов, но просто в том, чтобы что-либо мыслить» (Делёз, 1998, с. 183). Право, о котором говорит Делёз, совпадает с фактом, так как здесь мышление является потоком энергии, то право есть ничто иное, как сила, с которой этот поток способен удерживаться. «Право потребности разума», о котором говорит Кант, состоит, напротив, в законности предпосылать, хотя и только субъективно, идею без того, чтобы она была так обоснована и объективно познанное объяснимо: «Все же и при этом пробеле понимания имеется достаточное субъективное основание для предположения таковой первопричины, ибо разум испытывает потребность в том, чтобы нечто для него понятное существовало в качестве предпосылки и чтобы исходя из нее было объяснено данное явление, так как все остальное, с чем разум обычно может связывать одно лишь понятие, не удовлетворяет указанной потребности» (Кант, 1993, с. 211).

Таким образом, вера разума на основе своего отличия как от мнимого объективного познания, так и от мнимого трансцендентного вдохновения в одном характеризуется через невозможность превратиться в «знание» («чистая вера разума даже при наличии всех естественных данных разума и опыта никогда не может превратиться в знание») (Кант, 1993, с. 219), в другом — через законность и достоверность разума, которые равноценны законности знания («принятое за истину… по рангу не уступает знанию, хотя по типу оно и совершенно отлично от знания») (Кант, 1993, с. 211).

В заключении этого пояснения Кант формулирует свою окончательную позицию: «Итак, чистая вера разума есть указатель пути, или компас, с помощью которого спекулятивный мыслитель, идя тропами разума, ориентируется в сфере сверхчувственных предметов, а человек с обыденным, но (морально) здоровым разумом может предначертать свой путь, как в теоретическом, так и практическом отношении, в полном соответствии со всеми целями, отвечающими его назначению» (Кант, 1993, с. 221).

На этом измененном и точнее понятом выражении «общий, все же (моральный) здравый разум», которое для Канта абсолютно равно другому словосочетанию «вера разума», мы должны еще немного задержаться. Как видно, у Канта это выражение имеет совершенно другое значение, нежели тривиальное «всем известно, никто не может отрицать» (Делёз, 1998, с. 164), которое ему приписывает Делёз.

Уточнение, что «всеобщий разум» только тогда приемлем, когда он является «(морально) здоровым», очевидно означает не исключение «больного» разума, оно не касается вопроса сумасшествия, но скорее говорит о том, что должен быть обоснован и всеобщий разум и что это обоснование первоначально следует находить в его практическом, а не спекулятивном интересе. Кант поясняет, что продиктованная потребностью разума субъективная максима представляет из себя лишь не необходимое «приятие», в то время как с практической точки зрения она есть необходимая предпосылка, что значит «постулат разума»: «Куда важнее потребность разума в его практическом употреблении, так как она безусловна, и мы вынуждены предполагать существование Бога не просто в силу того, что мы желаем [о чем-то] судить, а потому, что мы должны выносить суждения» (Кант, 1993, с. 213).

В «Критике практического разума» Кант комментирует упрек, который ему в своем ответе на кантовскую работу 1786 года адресовал Томас Виценман: «В “Deutsches Museum” за февраль 1787 г. помещена статья покойного Виценмана, человека тонкого и светлого ума (о преждевременной смерти которого мы весьма сожалеем), где он оспаривает право заключать от потребности к объективной реальности ее предмета и объясняет свою мысль примером с влюбленным, который, безумно увлекшись идеей красоты, что было лишь плодом его воображения, хотел заключить, что такой объект действительно где-то существует. Я считаю, что Виценман совершенно прав во всех случаях, где потребность основывается на склонности, которая не может постулировать существование своего объекта даже для тех, кто целиком в ее власти, в еще меньшей мере содержит в себе требование, имеющее силу для каждого, и поэтому она есть только субъективное основание желаний. Здесь же она есть потребность разума, возникающая из объективного основания определения воли, а именно из морального закона, который безусловно обязателен для каждого разумного существа, a priori дает право на допущение соответствующих ему условий в природе и

делает эти условия неотделимыми от полного практического применения разума» (Кант, 1997, с. 681, 683). Как видно, «право потребности разума» есть то право, которое является субъективной, но объективно обоснованной максимой, при помощи которой разум ориентирует мышление и которая отличается от чисто субъективного и потому иррационального и фантастического состояния, отвлекающего разум от его строго выверенного направления. Это право дано практическим интересом. В конечном итоге, — это значение кантовского утверждения «О примате чистого практического разума в его связи со спекулятивным» (Кант, 1997, с. 611). Так как «потребность разума» для обязательного практического интереса самого разума является необходимой, она направляет, таким образом, не только практический разум, но и общее систематическое и критическое мышление, выполняя его регулятивно в идее интеллигибельного и безусловного. Исключительно это есть «здравый смысл», который может и должен быть акцептирован как законная, со своей стороны рациональная предпосылка для осуществления мышления.

Можно было бы теперь спросить: что остается ото всей этой кантовской проблематики в философии Германа Когена? Я полагаю, ответ может звучать так, что многое остается, и эта проблематика даже разрабатывается и углубляется Когеном с оригинальными и интересными результатами, которые в отношении к его общему мышлению совершенно не являются второстепенными.

В любом случае, в комментарии Когена к кантовской теории практических постулатов, который мог бы занять привилегированное положение в соответствующих размышлениях, не содержится ничего особенного. В главе работы «Кантовское обоснование этики», посвященной высшему благу и постулатам, Коген развивает чисто восстанавливающее соображение о том, что Кант в своем учении сделал некогерентную уступку эвдемонизму и установил опасную связь чистой этики и религии (Cohen, 2001, S. 359—360). В своем труде Коген однозначно выбирает для этики выход к историческому и политическому идеалу в царстве целей за счет индивидуального учения о высшем благе и отказывает, следовательно, учению о практических постулатах в любой значимости.

Все же Коген уточняет, как должно быть подчеркнуто, что идея свободы у Канта не является постулатом, как бы не могли некоторые места его произведения, особенно в «Диалектике чистого практического разума», намекать на это. Он замечает, что это понятие «нигде не называется постулатом» (Cohen, 2001, S. 357). И все же идея свободы представляют собой идею безусловного par excellence, которая и для Канта выступает как предмет потребности разума. Кантовское соображение не может быть редуцировано к вопросу о существовании Бога. Если он в своих рассуждениях в статье «Что значит ориентироваться в мышлении?» концентрируется вокруг идеи Бога, то это зависит от случайного повода, а именно от оценки дебатов между Мендельсоном и Якоби, которые и вращаются вокруг этой темы, и от того, что его мысль о здравом смысле относилась к вопросу о существовании Бога. Это ничего не меняет в утверждении Канта, что потребность разума существует в отношении к идее безусловного. «Ибо мало того, что наш разум уже испытывает потребность в основу понятия всякого ограниченного, следовательно в основание всех других вещей, положить понятие неограниченного; эта потребность выражается и в том, что налич-

ное бытие этого неограниченного становится предпосылкой, без коей разум вовсе не может предположить никакого удовлетворительного основания случайности существования вещей в мире, и еще менее — целесообразности и порядка, которые достойны восхищения и обнаруживаются повсюду...» (Кант, 1993, с. 209, 211). И в своем осторожном письме к Якоби от 30 августа 1789 года Кант отчетливо ссылается на идею свободы как «компаса разума»: «Я не нахожу, что Вы для этого полагаете компас разума ненужным или даже вводящим в заблуждение. То, что добавляется к спекуляции, но и все же находится в ней, в самом разуме, и что мы именно так (именем свободы, сверхчувственными способностями причинности в нас) называем, но не знаем, как постигнуть, есть необходимое добавление» (Kant, AA. Bd. 11, S. 76).

Если мы последуем за рассуждениями Когена о безусловном у Канта, то найдем много интересного для нашей темы. Относительно трансцендентальных идей как принципов силлогизма Коген пишет, что речь идет об «антиципациях», о «понятиях, в которых интерес метафизики неизменен» и чье «познавательно-критическое значение» состоит в том, чтобы «обозначить вещь в себе, истолковать ее требование», поскольку мы нуждаемся во «всеобъемлющем синтезе» как синтезе суждений благодаря понятиям рассудка. Прежде всего, объясняя свою позицию, он обращает критику на Джона Стюарта Милля, в связи с чем идея как принцип силлогизма есть petition principia (предвосхищение основания — лат.) в позитивном установлении, она есть, без сомнения, «petition» (стремление — лат.), «устремленность разума», в которой собственное значение силлогизма присутствует в качестве задачи высшего синтеза: «То, что в правиле (major) отразилась бы плохая тавтология… никто не может оставить незамеченным. И что это "все" есть "петиция", которая руководит всем методом заключения разума и создает его; что в основной посылке говорит принцип: в этом заключена сила заключения, в этом — его незыблемое значение в аппарате познания и в истории идей. Петиция, которую содержит основная посылка, является принципом; поэтому и в этом смысле силлогистика свободна от petitio principii... Это идея вещи в себе для понятия явлений. Как истолкования вещи в себе не имеют никакой иной цели, так и силлогизм предотвращает "пропасть интеллигибельной случайности"» (Cohen, 2001, S. 79—80).

Коген использует выражение «пропасть интеллигибельной случайности» не только в отношении идеи Бога, но и в отношении всех идей и особенно в отношении идеи свободы, при этом он убежден в примате идеи свободы как единстве и обобщении всех идей. Он заявляет: «Как Платон, мудрость которого еще нуждается в глубоком разъяснении, опирает учение об идеях на идею блага, так и в критическом идеализме категории встраиваются в идеи. И так как… все три связываются с идеей свободы, выносят они строительные камни опыта επέκεινα της ουσίας (за пределами бытия — греч.) и строят над пропастью интеллигибельной случайности наряду со сферой бытия сферу, в которой реально то, что должно быть, хотя и не есть; и если бы она сама, как полагают почитатели опыта, никогда не стала существующей: сферу долженствования» (Cohen, 2001, S. 133).

В главе «Примат практического разума» Коген развивает обстоятельную критику «аффекционального (affektionalen) восприятия примата» со стороны Фихте. Относительно этого опасное заблуждений Фихте, согласно Когену, состояло в том, что он примат практического разума в восприятии

свободы превратил в «последнюю инстанцию», из которой выводятся любые, в том числе и теоретические, познания. Так, Коген пишет: «Мы находимся в том месте, где прекращается философия и начинается биография». То, что у Канта является преимуществом практического интереса в ориентации систематического познания, становится у Фихте абсолютностью практического чувства, на котором покоится вся познавательная система и из которого она выводится. Имея ввиду это искажение критической перспективы со стороны Фихте, Коген утверждает: «Нет больше никакого критерия достоверности в понятиях и законах, но лишь в чувстве. И это чувство также и согласно объекту есть то, что оно субъективно обозначает в качестве психологической функции: самодостоверность практической истины.

Но практическая истина одновременно является основой всей теоретической правильности. Не на учении об опыте должна основываться этика, не в нем имеет она свою норму, но критерием всей истины является практическое чувство» (Cohen, 2001, S. 291—292).

В чем Коген здесь обвиняет и от чего отграничивает свое восприятие, есть ровно то, что Кант осуждает в статье «Что значит ориентироваться в мышлении?» как догматизм Мендельсона. И нашими размышлениями о теме «потребность разума» у Когена тем самым установлена важная граница с тем, чтобы мы в воодушевлении исследованием не совершили ошибки, не потеряли из вида твердое намерение Когена не свернуть с пути строго рационального обоснования системы познания и философского мышления.

Корректное значение примата практического разума Коген устанавливает в регулятивной ценности идей, особенно идеи свободы. Это значение соответствует безудержному «порыву к расширению» исследования и познания разума. Благодаря удовлетворению этого порыва идеи не становятся все же в объектах трансцендентными, но являются правилами разума, поскольку они есть и остаются его проблемами. Только при этих условиях остаются идеи внутри своего рационального значения, и поэтому можно опровергнуть любое подозрение в отношении их регулятивного использования, «как будто само опытное знание в своих границах не позволяет конститутивным понятиям превратиться в проблематичные идеи; как будто сами законы в необходимом и гомогенном ограничении опыта не расширяются до максим по требованию, по заданию безусловного» (Cohen, 2001, S. 258).

Этот комплекс проблем вновь появляется в слабом месте системы Когена, а именно в начале «Этики чистой воли», где он теоретизирует о месте этики в системе философии и ее связи с логикой. Теперь мы должны обратить внимание на это место, а именно на первую главу «Основной закон истины», чтобы продолжить наше исследование.

Основной закон истины как высший закон системы является для Когена систематическим отношением между логикой и этикой. В этом отношении господствует предшествование логики над этикой, потому что метод чистоты является методом логики и от нее переходит к этике, и не наоборот. Если бы этика не придерживалась метода логики, сообразно с чем «основания являются основополаганиями», то она потеряла бы ценность познания разума. И все же Коген признает также «обратное воздействие» этики на логику, на основе которого метод чистоты впервые достигает полноты метода истины и система познания — законченности системы истины. Истина заключена не в логике и не в этике, а в систематическом

единстве обоих, и инстанция и возможность этого единства предусмотрены этикой: «Таким образом, мы ищем этот метод с самого начала как объединяющий, связывающий этику с логикой. Так, он требует основного закона истины. Это не просто перенос плодотворного в логике метода на этику с тем умыслом, не будет ли и она в нем плодотворно обоснована; но с чем со своей стороны прибегает этика к компетенциям логики, что она предполагает и требует единственности метода для обоих интересов разума. Это предположение осуществляет основной закон истины. Это не перенос, но обратное воздействие, которое здесь проявляется. Это — новый свет, который принцип истины проливает на основной метод логики: что она сама столь же требует этики» (Cohen, 1981, S. 85).

Таким образом, этика доставляет методу чистоты «предпосылку» истины, что значит «взаимосвязь и сочетание теоретической и этической проблем». Это не означает, что логический метод чистоты, метод познания был бы сам не в состоянии принести верные результаты, но скорее то, что этот метод приводится в действие благодаря «притязанию на истину», которое предполагает разум и может быть полностью сформулировано для всей системы только в этике. Логическое значение «принципа» как «петиции» достигает в этике своей завершенности как «притязание на истину». Коген пишет: «Высшими всеохватывающими выражениями для оценки познания остаются в логике всеобщность и необходимость. Мы познали их в их методической ценности: что они означают не последние результаты и установления познания, но скорее предлагают новые образования для новых путей исследования. Они имеют не ценность аксиом и основоположений; но они будут востребованными в качестве высшего положения силлогистического способа доказательства. Какие же имелись бы еще другие выражения для внутренней взаимосвязи и для общей характеристики познавательной ценности? Остаются только виды суждения и категорий как всеобщие основополагания.

Отсюда для логики возникают комические затруднения, если она должна определить истину. Комичность возникает из-за ситуации, в которую логика попадает в результате этого вопроса. Она должна иметь дело с правильностью. И ее последняя остановка есть чистота. Что может означать истина, то совершает внутри логики чистота. Откуда вообще берется притязание на истину в языке разума?» (Cohen, 1981, S. 85).

Коген объясняет эту предпосылку «взаимосвязи и сочетания теоретической и этической проблем» посредством примера общего использования «основного закона непрерывности» (Cohen, 1981, S. 107) в логике и этике. В истине речь идет много более, чем о примере, речь идет о «решительном вопросе» такого сочетания. Как независимость логики от психологии учреждается на отличии мышления от представления, так и независимость этики от психологии учреждается на различии между волей и порывом. Это основополагающее отличие создает «единство поступка» через «основной закон непрерывности». Коген замечает: «Уже при волении обращает на себя внимание почти необозримое множество и разнообразие элементов и образований, которые, кажется, возвращают к инстинктивным движениям. Но так как из этого лабиринта все же приходят к поступку, то препятствия этому здесь только возрастают. К путанице порывов добавляется смесь и лабиринт мыслей и представлений. Как должно при этом прийти к единству поступка, которое все же востребовано; без него не может осуществиться понятие поступка?

Именно здесь мыслезакон непрерывности предоставляет этике свою помощь. И здесь обнаруживается действенность суждения первоначала и таким же образом суждения реальности, его действенность и полезность» (Cohen, 1981, S. 104).

То, что в логике является чистым мышлением, то не остается при бытии как основание, но отсылает к ничто, как методический инструмент для основополагания бытия в мышлении, то есть в этике чистого воления, это то, что «должно быть произведено согласно непрерывности из своего первоначала» (Cohen, 1981, S. 102). В чистом волении движение как сущностный компонент воли и действия не следует понимать в качестве психологических данных, «как внутреннее движение», «как те зародышевые инстинктивные движения», но как «чистые движения», как определение времени, поскольку оно есть «антиципация будущего», как оно проявилось уже в логике.

Это согласование мышления и воли в непрерывности движения является для Когена доказательством для закона истины, что значит для «связи и сочетания теоретической и практической проблемы». Он пишет: «Уже в мышлении зарождается воление… так как в мышлении зарождается движение» (Cohen, 1981, S. 107). Принцип первоначала и непрерывности, который составляет сами методы как предпосылки, показывает то сочетание. Коген замечает по этому поводу: «Мы постигаем время не как преемственность последования, но как проекцию так сказать друг друга. Будущее нам предшествует, прошлое движется следом. В этой антиципации будущего, на которой покоится время, действует теперь также движение и желание…

Но теперь все выглядит одновременно так, что это есть приспособление, в котором метод чистоты переносится с логики на этику. Так как эта чистота, которая обнаруживается в логической характеристике движения, в себе и для себя относится к этике. Это можно было бы хорошенько обдумать. Вид воли становится уже очевидным при этом прояснении вида мышления. Так как это было всегда, что волю, желание отличало от мышления, что оно перед нами словно выскакивает, в то время как мышление спокойно подходит, шаг за шагом. Но теперь видят, что и мышление также прыгает и спешит вперед и в этой спешке и предвосхищении образует ряды и звенья; в этой антиципации оно производит не только свой порядок, но и свое содержание» (Cohen, 1981, S. 106).

Следовательно, из основного закона истины получается, что метод критического мышления как системы не имеет никаких предпосылок, потому что он состоит в процессе предпосылания, так же как и метод чистоты не имеет никакого основания, потому что он состоит в основополагании. Никакая предпосылка не дается разуму или им некритически принимается, но чистый разум, мышление и воля продвигаются вперед через обоснования и предположения.

Относясь критически к Делёзу, следует, таким образом, не только установить, что чистый разум не является представлением, ведь именно так он дистанцируется от редукции к психологии; и не только то, что он не является мышлением идентичности, потому что идентичность — это важный, но не самый важный принцип, так как основополагание мышления следует через принцип первоначала, который, со своей стороны, обосновывает идентичность; более того, необходимо сказать, что он не имеет предпосылок, потому что именно процесс предпосылания для него есть критическая антиципация и не догматическое приятие. Мышление, о котором говорит Делёз, нуждается во «власти», «первичном насилии над мышлением» и «возможности встречи с тем, что принуждает мыслить», чтобы, как порыв,

броситься навстречу безусловному. Напротив, чистое мышление разума приводится в движение само по себе. Ориентация на истину и на благо не является неким приспособлением мышления к мнению большинства, некой ортодоксией, но она есть то притязание разума, которое само уже предстает разумом. Истина — первоначало, благо, цель рационального мышления и философии, не поскольку оба воспринимаются догматически, но поскольку они выступают внутренним мотором критического мышления. Коген пишет: «Она [истина] является не сокровищем, но кладоискателем. Она есть метод, но не изолированный и не изолирующий метод; но такой, который гармонизирует основополагающие различия интересов разума» (Cohen, 1981, S. 91).

При сохранении различия контекста мне кажется, что имеется объективная согласованность между этим методологическим характером рационального процесса предпосылания у Когена и высказанном Кантом «праве потребности разума». Решающим пунктом для Канта является не то, откуда разум получает свои предпосылки в виду безусловного, но факт, что разум их воспринимает как свои предпосылки, то есть не как иллюзорные догматические познания (в этом состоит, по его мнению, ошибка Мендельсона), но как правила ориентации критического мышления. В своем письме Фридриху Генриху Якоби от 30 августа 1789 года Кант пишет: «Может ли теперь быть разбуженным разум, чтобы достичь этого понятия теизма благодаря чему-то, чему учит исключительно история, или только благодаря неисследованному нами, сверхприродному внутреннему развитию, это вопрос, который касается только побочных вещей, а именно процесса возникновения и распространения этой идеи. Можно согласиться с тем, что, если бы Евангелие прежде не научило общим нравственным законам в их целостной чистоте, разум не распознал бы их в таком совершенстве до сегодняшнего дня, несмотря на то, что раз они уже здесь, любой может быть убежден в их верности и действительности благодаря простому разуму» (Kant, AA. Bd. 11, S. 76). Таким образом, для Канта и для Когена «потребность разума» является не случайным поверхностным допущением, которое ограничивалось бы обосновывающейся строгостью разума, но самим моментом разумного мышления, моментом, на основании которого разумное мышление при своем систематическом ориентировании на безусловное признает и одновременно претворяет принятие истины в методической антиципации для познания и действия.

Пер. с немецкого В. Н. Белова

Список литературы

1. *Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб., 1998.
2. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. в 4 т. на нем. и рус. яз. М., 1997. Т. 3.
3. *Кант И.* Что значит ориентироваться в мышлении? // Там же. Т. 1.
4. *Pома А.* Yearning for Form: Hermann Cohen in Postmodernism // Yearning for Form and Other Essays on Hermann Cohen's Thought. Springer ; Dordrecht, 2006.
5. *Cohen H.* Kants Begründung der Ethik // Werke / hg. vom Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von Helmut Holzhey. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2001. Bd. 2.
6. *Cohen H.* System der Philosophie. 2. Teil: Ethik des reinen Willens // Werke, zit. Hildesheim ; N. Y., 1981. Bd. 7.
7. *Kant I.* Briefwechsel. Akademie Ausgabe. Bd. 10, 11.

Об авторе

Андреа ***Пома*** — д-р философии, проф. Туринского университета, andrea.poma@unito.it

О переводчике

Владимир Николаевич ***Белов*** — д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры и культурологи философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, belovvn@rambler.ru

ON THE NATURE OF THINKING WITHOUT PRESENTATION

A. Poma

This article focuses on Deleuze's attempt to describe so-called thinking of differences, which severs any connection with the premises of natural pre-philosophical thinking and good will tending towards good and truth. The author believes that Deleuze's thinking of differences does have a rather evident premise. For Deleuze, thinking is an energy flow or sensual "vitality".

Another approach to analysing the fundamentals of thinking can be found in Kant's article "What Does It Mean to Orient Oneself in Thinking?" where he speaks of the "need of reason". Since the "need of reason" is necessary for the practical interest of reason itself, it directs, according to Kant, not only practical reason, but also general systematic and critical thinking. It is "common sense", as the location of this "need of reason", that can and must be accepted as a valid and rational premise for thinking.

As a follower of the tradition of Kant's transcendental philosophy, the founder of Marburg School of Neo-Kantianism, develops and deepens insight into the issue in question thus obtaining original and interesting results.

Key words*: thinking, initial beginning, need of reason, Deleuze, Kant, Cohen, rationality, difference, theoretical and practical reason.*

References

1. Delez, Ch. 1993, Razlichije i povtorenie [*Difference and Repetition*]. S-Petersburg.
2. Kant, I. 1997, Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. In: I. Kant. *Soch. v 4 t. na nem. i russ. jazikach.* [Works in 4 volumes], Moscow. T. 3.
3. Kant, I. 1993. Chto znachit orientirovat'sja v myshlenii [What does to orientate oneself in thinking?] In: I. Kant. *Soch. v 4 t. na nem. i russ. jazikach.* [Works in 4 volumes], Moscow. T. 1.
4. A. Poma, 2006. Yearning for Form: Hermann Cohen in Postmodernism, in ders., *Yearning for Form and Other Essays on Hermann Cohen's Thought*, Springer, Dordrecht.
5. H. Cohen, 2001. Kants Begründung der Ethik, in ders., *Werke*, hg. vom Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von Helmut Holzhey, Band 2, Georg Olms Verlag, Hildesheim, Zürich, New York.
6. H. Cohen, 1981. System der Philosophie. 2.Teil: Ethik des reinen Willens, in ders., *Werke*, zit., Band 7, Georg Olms Verlag, Hildesheim — New York.
7. I. Kant, *Briefwechsel*, Akademie Ausgabe, Band 10, 11.

About the author

Prof. Dr Andrea ***Poma***, University of Turin, andrea. poma@unito.it

About the translator

Prof. Vladimir ***Belov***, Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Faculty of Philosophy, N. G. Chernyshevsky State University of Saratov, belovvn@rambler.ru

УДК 111+141.4+ 211+215

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ СТИВЕНА МЕЙКИНА: ПОНЯТИЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ НЕОБХОДИМОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА[1]

Ю. В. Горбатова[*]

Статья посвящена одному из самых изящных и нестандартных вариантов модальной версии онтологического аргумента, предложенных в XX веке, идея которого принадлежит американскому философу-аналитику Стивену Мейкину. В своем варианте доказательства ему удалось избежать знаменитой критики Иммануила Канта о невозможности признания предиката существования «реальным». Версия Мейкина базируется не на доказательстве необходимо существующего объекта, а на обосновании наличия необходимо экземплифицируемых понятий, одним (возможно, единственным в своем роде) из которых как раз и является Ансельмово знаменитое «то, более чего нельзя помыслить».

Основные идей, отстаиваемых в работе, три: 1) нет оснований считать класс необходимо экземплифицируемых понятий непустым; 2) взаимовыразимость модальностей, на которую при этом опирается Мейкин, в данном случае не имеет аргументативной силы; 3) есть несколько дополнительных трудностей, которые ранее не упоминались при анализе доказательства. В частности, в доказательстве не учитывается многоуровневость онтологии, иерархия уровней которой, как правило, и определяет, сущности какого рода существуют в данной онтологии в полном смысле слова. Кроме того, подход Мейкина хорошо описывается в терминах «офисов» Павла Тихого, что не дает возможности оценивать Бога как всемогущего, всеблагого и всезнающего.

Ключевые слова: *модальный онтологический аргумент, И. Кант, предикат существования, алетические модальности, семантика возможных миров, необходимо экземплифицируемые понятия.*

Онтологический аргумент, впервые сформулированный Ансельмом Кентерберийским в 1077—1078 годах, на протяжении столетий продолжает приобретать как сторонников, так и противников. К числу его приверженцев можно отнести

[1] Данное научное исследование № 14-01-0143 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/15 г.

[*] Кафедра онтологии, логики и теории познания
факультета философии НИУ ВШЭ,
Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, ком. 309.

Поступила в редакцию 14.10.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-4

© Горбатова Ю. В., 2015

Рене Декарта, Готфрида Вильгельма Лейбница и Курта Гёделя, каждый из которых предложил свою версию данного аргумента. Противники аргумента не менее известны: среди них и Фома Аквинский, и Иммануил Кант. Начиная со второй половины XX века благодаря Норману Малкольму и обнаруженной им у Ансельма еще одной — модальной — версии аргумента (Malcolm, 1960) интерес к доказательству чрезвычайно возрос и остается высоким до сих пор. Современные сторонники Ансельма предлагают свои, усовершенствованные версии этого доказательства[2]. Одной из таких версий является рассуждение, предложенное Стивеном Мейкином в статье 1988 года с неброским названием «Онтологический аргумент».

Целью данной статьи является рассмотрение как самого варианта доказательства, предложенного Мейкином, так и критики, поступившей на него. Кроме того, я планирую указать на те слабые места в аргументации, которые до этого времени не были отмечены оппонентами.

Реконструкция модального онтологического аргумента

Мейкин, как и многие современные авторы, занимающиеся онтологическим аргументом, берется рассматривать не то доказательство, которое приводится Ансельмом во второй главе «Прослогиона», но то, что предложено в главе третьей, а именно доказательство того, что «нечто, больше чего нельзя себе представить [aliquid quo nihil maius cogitari posit], существует так подлинно, что нельзя и представить себе его несуществующим» (Ансельм, 1995, с. 102).

Самым известным возражением против онтологического аргумента является то, которое традиционно приписывают Канту: он убедительно продемонстрировал, что существование не является *реальным* предикатом, то есть его добавление к понятию никак не обогащает это понятие. Более того, иначе и быть не может: если бы предикат существования добавлял нечто к понятию, мы никогда бы не могли быть уверены, что имеющийся в наличии предмет подпадает под указанное понятие. Известно также, что это возражение направлено не против аргумента Ансельма, а в первую очередь против варианта доказательства, предложенного Декартом — по этому поводу написано достаточное количество статей[3]. Тем не менее имеет место удивительное явление: с одной стороны, объясняя, почему онтологический аргумент Ансельма не убеждает каждого в существовании Бога, обычно отсылают к возражению Канта (хотя, еще раз, оно неприменимо к данному рассуждению), а с другой стороны, практически все современные сторонники Ансельма, предлагая свои версии онтологического аргумента и стремясь избежать обвинений в признании существования реальным предикатом, все как один «впадают» именно в этот «грех»: в их доказательствах тем или иным образом эксплуатируется как раз та идея, на которую Кант наложил строгий запрет.

Мейкин предлагает следующую реконструкцию аргумента Ансельма:

1. Мы можем помыслить необходимую вещь. (*Доп.*)
2. Необходимая вещь больше случайной вещи. (*Доп.*)
3. Нечто, больше чего нельзя себе помыслить, — необходимая вещь. (*1, 2*)
4. [Нечто, больше чего нельзя себе помыслить, существует.] (*3*)

---

[2] Самые известные версии принадлежат Алвину Плантинге, Чарлзу Хартсхорну, Роберту Кейну, Александру Пруссу, Джоэлю Фридману. Список можно продолжить.

[3] Об этом см. работы А. Плантинга, Е.Г. Драгалиной-Черной и многих других.

При этом Мейкин надеется переформулировать аргумент Ансельма так, чтобы к нему никаким образом нельзя было предъявить обвинение в использовании существования как реального предиката.

Понятие необходимо экземплифицированного понятия

Исходная идея Мейкина элегантна в своей простоте. Опираясь на статью Прайора (Prior, 1955), Мейкин предлагает говорить не о существовании (необходимом или случайном) какого бы то ни было объекта, но об экземплифицированных и неэкземплифицированных понятиях[4].

Относительно последних взгляды Прайора и Мейкина совпадают. Неэкземплифицированные понятия делятся на две категории: а) те, что *просто* неэкземплифицированы и б) те, что *не могут быть* неэкземплифицированы. В качестве просто неэкземплифицированного понятия можно привести словосочетание «жена Иммануила Канта»: таковой не было потому, что Кант так и не женился (хотя, как известно, собирался), а не потому, что вовсе быть не могло. В качестве не могущих быть экземплифицированными можно указать на такие понятия, как «круглый квадрат» или «наибольшее натуральное число». Другими словами, неэкземплифицированные понятия делятся на *случайно* и *необходимо* неэкземплифицированные.

Что касается экземплифицированных понятий, их Мейкин (в противовес Прайору[5]) по аналогии с неэкземплифицированными предлагает поделить также на две категории: а) те, что *просто* экземплифицированы и б) те, что *не могут не быть* экземплифицированы. То есть понятия снова делятся на два класса: случайно и необходимо экземплифицированные. Мейкин обосновывает возможность такого деления тем фактом, что все модальности выразимы друг через друга. Следовательно, там, где есть место случайности, должно быть место и необходимости. Примером просто экземплифицированного понятия будет служить практически любое экземплифицированное понятие: «центральное тело солнечной системы», «человек, первым ступивший на поверхность Луны», «первая жена Шеллинга», в конце концов. А вот что касается примеров для тех экземплифицированных понятий, что не могут быть неэкземплифицированы, тут возникает проблема: «Возможно, ‘являться тем, больше чего нельзя помыслить’, — *единственный* пример необходимо экземплифицируемого понятия или, возможно, *имеются* другие такие же понятия, о которых я просто не думал», — утверждает Мейкин (Makin, 1988, p. 84—85).

В принципе, идея говорить не об объектах — существующих или не существующих, но о понятиях — экземплифицированных или неэкземплифицированных — чрезвычайно привлекательна как своей простотой, так и естественностью. При таком подходе действительно есть шанс обойти стандартные проблемы онтологического аргумента. Тем не менее пока не ясно, как основная идея коррелирует с предложенной Мейкином формулировкой, поскольку в самом рассуждении речь снова идет о необходимом существовании объекта.

---

[4] Экземплифицированным считается то понятие, объем которого непуст. В противном случае понятие считается неэкземплифицированным.

[5] Прайор, в свою очередь, хотя и не заявляет о том, что не может быть понятий, которые *не могут не быть* экземплифицированными, но ссылается на то, что сам таких понятий не знает, а потому предлагает считать все экземплифицированные понятия *просто* экземплифицированными.

Базовые определения

Для того чтобы полностью реконструировать рассуждение Мейкина, важны два следующих момента. Первый — чисто синтаксический — номинальное определение:

Df под **S** будем понимать сокращение для понятия «вещь, больше которой нельзя себе помыслить».

Второй — принципиальный, что отражено и в его названии:

Принцип А: Если F — необходимо экземплифицируемое понятие, а G — нет, тогда вещь из класса Fs больше вещи из класса Gs[6].

Теперь доказательство[7] можно представить в следующем виде:

1. S не является необходимо экземплифицированным понятием. (*Доп.*)
2. S если и было экземплифицировано, то случайно. (*1*)
3. Может быть сформулировано понятие о том, что больше, чем S. (*A, 2*)
4. Поскольку понятие о необходимо экземплифицированном понятии имеет смысл, следовательно, можно помыслить такое понятие F[8], которое как раз и является таковым[9]. (*Очевидно*)
5. Понятие F — это понятие о том, что больше S. (*A, 2, 4*)
6. Понятие F — это понятие о том, что больше вещи, больше которой нельзя себе помыслить. (*Подстановка в 5 согласно Df*)
7. (6) Абсурдно.
8. S — не случайно, но необходимо экземплифицированное понятие. (*1, 6*)
9. С необходимостью существует нечто, больше чего нельзя себе помыслить. (*7*)

Доказательству нельзя отказать в схоластическом изяществе. Тем не менее на него практически сразу поступил ряд возражений. Среди прочих можно выделить статьи трех авторов, замечания которых наиболее интересны, а именно: Макграт (McGrath, 1988), Перл (Pearl, 1990) и Оппи (Oppy, 1991)[10].

Критика аргумента

Все критики в первую очередь сходятся в том, что пункт (4) приведенного выше доказательства вызывает обоснованные сомнения: говорить о том, что если понятие «имеет смысл», значит, оно «может быть помыслено» — слишком сильное утверждение. С одной стороны, действительно, вопрос о том, почему всякое понятие, «имеющее смысл», может быть помыслено, кажется разумным. Однако, если задуматься, как можно признать понятие имеющим смысл, кроме как иметь возможность его помыслить? Я не могу

---

[6] Под выражениями Fs и Gs понимаются объемы понятий F и G соответственно.
[7] Используется метод reductio ad absurdum.
[8] Не важно, о чем это понятие.
[9] То есть необходимо экземплифицированным.
[10] О том, как ответил на критику сам Мейкин, см. (Makin, 1992).

привести подобных примеров. Возможно, однако, что я слишком мало размышляла на данную тему. Впрочем, критики так же не приводят ни одного аргумента в пользу данной позиции. Точнее, те аргументы, которые они приводят, бьют мимо цели.

Так, **Макграт** указывает на то, что «нет никакой гарантии, что имеет смысл говорить о понятиях, которые должны быть экземплифицированы. Верно, что мы понимаем слова "понятие, которое должно быть экземплифицировано", однако из этого не следует, что данное выражение имеет смысл. Мы также понимаем слова "наибольшее натуральное число", однако еще Евклид доказал, что такое число логически невозможно» [McGrath, 1988, p. 529]. Во-первых, следует отметить, что Макграт подменяет тезис, поскольку, если судить по приводимому им примеру, под выражением «иметь смысл» он понимает выражение «объем понятия непуст». Очевидно, что в пункте 4 речь не идет о непустоте объема понятия «быть необходимо экземплифицируемым», но о том, что оно имеет смысл, буквально — не выглядит бессмыслицей, мы его понимаем (также, кстати, как понимаем и выражение «быть наибольшим натуральным числом»). Во-вторых, рассмотрим переформулированное возражение Макграта. Заменив выражение «иметь смысл» на выражение «объем понятия непуст», получим: как пуст объем понятия «быть наибольшим натуральным числом», так может быть пуст и объем понятия о «необходимо экземплифицируемом понятии». В такой формулировке видно, что Макграт оказывается в западне, уготованной Мейкином всем невнимательным читателям: необходимо экземплифицируемое понятие не может быть пустым[11].

Другим серьезным возражением является обвинение в том, что доказательство и базовые понятия, необходимые для его проведения, вместе составляют порочный круг:

> Точно так же обстоит дело с понятием о необходимо экземплифицируемом понятии. Если объем этого понятия непуст, значит, должно быть по крайней мере одно необходимо экземплифицируемое понятие, поскольку, если нет такого понятия, не *могло бы быть* и понятия о нем. Понятия не могут быть поделены на те, которые просто возможны, и те, которые реальны, так как если понятие возможно, оно реально. Просто возможные понятия — это абсурд. Отсюда следует, что если нет необходимо экземплифицируемых понятий, значит, логически невозможно, чтобы было хотя бы что-либо, и, таким образом, понятие о необходимо экземплифицируемом понятии оказывается пусто. С другой стороны, если бы было хотя бы только одно необходимо экземплифицируемое понятие, из этого бы с логической необходимостью последовало бы, что нечто существует и что понятия о том, что ничего никогда не существовало, или обо всей реальности, которая осуществилась и перестала существовать, являются логически невозможными. Если мы принимаем понятие о необходимо экземплифицируемом понятии, следовательно, мы должны привести аргументы в пользу того, что прочие упомянутые выше понятия пусты. Однако сложно представить, как мы могли бы это сделать, за исключением случая, когда бы нам удалось продемонстрировать по крайней мере одно существо, которое не может не существовать, то есть обосновав верность онтологического аргумента (McGrath, 1988, p. 530).

---

[11] Заметим также, что Макграт приводит пример пустого понятия, которое (как и всякое другое) может быть помыслено, но не приводит пример понятия, которое непусто, но мы не можем его помыслить.

Итак, возражение Макграта сводится к тому, что в обосновании имеется порочный круг, так как: 1) вводится понятие о необходимо экземплифицируемом понятии; 2) обоснование того, что такое понятие «непусто», возможно лишь с помощью онтологического аргумента; 3) сам онтологический аргумент базируется как раз на идее о том, что необходимо экземплифицируемое понятие непусто.

После первого прочтения статьи Мейкина мне тоже показалось, что в его рассуждениях имеется порочный круг. Однако последующие размышления заставили меня отказаться от этих подозрений. Очень важными здесь оказываются два момента: 1) доказывать непустоту такого понятия не представляется нужным вовсе; 2) понятие о таком понятии и само это понятие — очевидно, не одно и то же понятие. Итак, по порядку.

1. Поскольку речь идет о необходимо экземплифицируемом понятии, нам не нужно доказывать, что его объем непуст: само понятие говорит об этом со всей возможной очевидностью. Таким образом, сам факт формулировки этого понятия делает его объем непустым. То есть мы имеем дело с «перформативным» понятием[12]: произнося его, мы тем самым признаем и наличие по крайней мере одного объекта, входящего в его объем.

2. Совсем другой вопрос, к какому виду понятий нам следует отнести понятие о необходимо экземплифицируемом понятии? Те, кто не верят в Бога[13], могут расценить это понятие как неэкземплифицируемое (не важно, как именно: необходимо или случайно)[14]. И тогда весь онтологический аргумент, предложенный Мейкином, не имеет никакого смысла. Если же мы, ссылаясь на тот факт, что выражение «необходимо экземплифицируемое понятие» является понятием, признаем, что понятие о нем можно отнести к экземплифицируемым, то тем самым ставим вопрос, в каком смысле (каким образом) оно экземплифицировано: необходимо или случайно.

Леон Перл в статье «A Puzzle about Necessary Being», к сожалению, уделяет внимание реконструкции Мейкином аргумента Ансельма, которая, и правда, вызывает много нареканий. Кроме того, Перл отсылает к утверждению Мейкина о том, что, «возможно, ‘быть существом, больше которого нельзя помыслить’ — это *единственный* пример необходимо экземплифицируемого понятия» (Makin, 1988, p. 84—85). И в одном, и в другом случае речь идет о существах, то есть объектах. Перл стремится показать (вслед за Кантом), что существование не является свойством в ряду прочих свойств, а потому говорить о необходимом существовании некорректно. Надо признать, что в критике подобного рода виноват сам Мейкин, поскольку он довольно небрежно обращается с выражением «то, более чего нельзя помыслить», то добавляя, то не добавляя туда слово «существо» (a being). Однако, как мы уже видели, суть онтологического аргумента Мейкина состоит как раз в том, что о необходимом существовании объектов речь не идет: необходимо существующий объект появляется в некотором смысле вынужденно — в силу того факта, что он является элементом объема необходимо экземплифицируемого понятия.

---

[12] По аналогии с перформативным доказательством, предложенным Е.Г. Драгалиной-Черной как вариант трактовки онтологического аргумента Ансельма.

[13] Конечно, не только они, но для нашего исследования достаточно и такого класса исследователей.

[14] Что потребует дополнительного обоснования, но, на мой взгляд, более вероятно, чем голословное заявление о его случайной неэкземплифицированности.

Грэхем Оппи рассматривает рассуждения Мейкина в терминах семантики возможных миров. Так, он формулирует *принцип А* следующим образом: «Согласно ему необходимо экземплифицируемое понятие должно быть экземплифицировано в каждом возможном мире по крайней мере одним существом (хотя не необходимо одним и тем же в различных возможных мирах)» (Oppy, 1991, p. 66). Однако основное возражение Оппи не затрагивает этот, на мой взгляд, чрезвычайно важный аспект и заключается в следующем. Он полагает, что основной проблемой доказательства Мейкина является неспособность последнего различить два смысла, в которых можно употреблять выражение «понятие С — это понятие о чем-либо». Эти смыслы Оппи называет видами понятийности (concept-of-ness): экстенсиональным и интенсиональным. В экстенсиональном смысле *понятие С* — это понятие о чем-либо, если и только если его объем непуст. В интенсиональном *понятие С* — понятие о чем-либо, если и только если оно само относится к какому-либо «нереляционно характеристическому виду» (a non-relationally characterizable kind). Немного огрубляя, можно сказать, что понятия делятся на два вида: понятия о предметах и понятия о понятиях. Оппи стремится показать, что определение (*Df*) Мейкина следует понимать не в экстенсиональном, но в интенсиональном смысле, а потому становится виден круг в аргументации. Выше я уже высказалась по этому вопросу и не считаю, что схоластические дебри, в которые нас стремится завести Оппи, позволяют посмотреть на ситуацию под другим углом и принять возражение о круге в аргументации как действующее.

Что касается вопроса о возможных мирах, Оппи возвращается к нему мимолетно и в последнюю очередь, замечая, что мы могли бы представить себе логически непротиворечивый возможный мир, в котором есть только одна говорящая голова, которая произносит фразу «нечто, более чего нельзя помыслить». По мнению Оппи, о таком мире нельзя сказать, что в нем есть нечто, удовлетворяющее произносимой дескрипции, поскольку в мире попросту нет ничего, что бы ей удовлетворяло. «Как бы то ни было, поскольку такой мир является *логически* возможным, будет в одинаковой степени неверно применять аргумент и к нашему миру» [15] (Oppy, 1991, p. 113). Не думаю, что такое возражение корректно. На каком основании мы могли бы заключить, что в таком мире ничто не соответствует произносимой дескрипции? Только на основании взгляда на этот мир из своего, более «богатого» мира. Если же не ставить задачу оценивать один мир по сравнению с другим (а на мой взгляд, только так и нужно), то в этом «бедном» на события и предметы мире дескрипций, судя по всему, в любом случае можно указать, что нечто дескрипции соответствует: а) в случае, если Бога не существует, сама голова будет удовлетворять этому описанию; б) в случае, если Бог все-таки существует, Он будет и в этом мире удовлетворять указанной дескрипции (поскольку модальный аргумент доказывает *необходимое* существование Бога, он должен существовать во всех возможных мирах).

---

[15] Данное возражение является несомненной аллюзией на знаменитый пример Алвина Плантинги (Plantinga, 1967) про человека, который только и может, что чесать собственное ухо. С легкой руки Ричарда Лакруа (LaCroix, 1977) персонаж получил имя «господин Макушкин» [*Mr. McEar*] и обрел популярность среди аналитических теологов как классический контрпример для определения всемогущества как возможности делать все то, что можешь делать.

Три важные идеи по поводу доказательства и критики

В данном разделе я хотела бы рассмотреть три базовые идеи, на которые опирается доказательство, но в таком ключе, в котором до сих пор речь не шла. Это идея о взаимовыразимости модальностей, идея «перформативности» понятия, идея о том, что некоторое понятие должно быть непусто во всех возможных мирах. Итак, по порядку.

1. Идея о том, что модальности взаимовыразимы, верна, но это не означает, что она применима в данном случае. Дело в том, что когда мы выражаем модальности друг через друга, то говорим (в случае de dicto, например) об одном и том же положении дел, но двумя различными способами: «Необходимо, что если человек состоит в браке, то у него есть супруг». Это же положение дел можно выразить так: «Невозможно, чтобы человек состоял в браке и не имел супруга»[16]. Мейкин же хочет говорить о классах понятий, утверждая при этом, что раз есть класс случайно экземплифицированных, то должен быть и класс неслучайно (необходимо) экземплифицированных понятий.

Кроме того, несмотря на привычные переводы всех трех ассерторических модальностей друг через друга[17], семантические статусы возможности и случайности разнятся. В зависимости от этого меняется и семантический статус необходимости[18]. Так, когда речь идет о высказываниях, эффективно используются понятия необходимости («быть истинным во всех возможных мирах») и возможности («быть истинным по крайней мере в одном возможном мире»). В то же время события в мире наивным естественным образом делятся на необходимые и случайные. И в то время как несколько искусственно, но все-таки допустимо ввести понятие случайности с помощью семантики возможных миров[19] для высказываний, довольно сомнительным выглядит идея ввести понятие об уже случившихся возможных событиях. Таким образом, вазимопереводимость модальностей имеет определенные границы. И, как мне представляется, «случай Мейкина» подходит под оба ограничения, упомянутых выше.

2. Под перформативным понятием я буду понимать понятие, которое само (своим, так сказать, существованием) обеспечивает непустоту своего объема. В данном случае мы имеем дело как раз с таким понятием — «быть необходимо экземплицируемым». В некотором смысле сходный подход в отношении онтологического аргумента разрабатывает Е.Г. Драгалина-Черная[20]. Она стремится показать, что онтологический аргумент имеет не столько логическую силу, сколько силу «произнесения»: тот, кто действительно осмысленно произнесет доказательство вслед за Ансельмом, не сможет не поверить в его истинность, потому что сам факт произнесения обеспечивает ее. Похоже, что Мейкин использует ту же идею, но несколько иным образом: в его случае внимание уделяется не перформативной силе

---

[16] $\Box(p \rightarrow q) \equiv \neg\Diamond(p \,\&\, \neg q)$.

[17] Речь идет, естественно, о необходимости, возможности и случайности.

[18] Прекрасный в своей ясности и простоте разбор этой идеи см. в (Papineau, 2012).

[19] $\nabla A \equiv (\neg\Box A \,\&\, \neg\Box\neg A) \equiv (\Diamond A \vee \Diamond\neg A)$, где символы ∇, $\Diamond$ и $\Box$ означают случайность, возможность и необходимость соответственно.

[20] См., например, (Драгалина-Черная, 2007).

доказательства в целом (хотя ничто не говорит о том, что такая трактовка недопустима), но самому вводимому им понятию необходимо экземплифицируемого понятия. Идея представляется мне чрезвычайно элегантной, хотя ощущение некоторого трюка, подвоха не оставляет на протяжении всего рассуждения: если провести аналогию с принципами теории именования, возникает ощущение антиномии, саморекурсивности, хотя напрямую обвинить в этом Мейкина, конечно же, невозможно. Тем не менее если отбросить в сторону все ощущения, все равно, как мне представляется, можно привести серьезное возражение против такого подхода.

Однако даже если не удается упрекнуть Мейкина в некорректности рассуждения напрямую, можно это сделать опосредованно. Однажды я уже посвятила работу подробному изложению многоуровневого подхода к семантике возможных миров (Горбатова, 2014). Основная идея же сводится к следующему: при формулировках модальной версии авторы, как правило, не уделяют должного внимания прояснению и структурированию онтологии, полагая, судя по всему, что этот вопрос является второпорядковым. В силу чего термин «существование» используется с той или иной степенью небрежности, что недопустимо при условии, что в доказательстве упоминаются сущности разного рода, как то: положения дел, объекты, понятия, возможные миры. Дело в том, что сущности разного рода в одной и той же онтологии не могут существовать в одном и том же смысле. Более того, в рамках одной онтологии сущности разного рода ранжированы в своем существовании относительно сущностей других родов. Иными словами, в настоящем смысле «существуют» сущности только одного рода, в то время как сущности прочих родов в этом сильном смысле не существуют вовсе.

Таким образом, когда речь заходит о доказательстве существования, одним из главных вопросов становится вопрос о том, существование каких сущностей мы доказываем: тех, чей уровень являются определяющим для всех прочих уровней сущностей, или нет. В случае Мейкина, следуя за его рассуждением, мы видим, что базовым уровнем в его онтологии, судя по всему, является уровень понятий: именно понятие обусловливает наличие объекта в возможных мирах. Тогда можно заключить, что даже если доказательство Мейкина и верно, оно не представляет интереса, поскольку «настоящим» существованием обладает не сам Бог, который является лишь объектом, вызываемым к жизни необходимо экземплифицируемым понятием, но само это понятие. Другими словами, Бог никак не может оказаться всеблагой всемогущей сущностью, ведь даже его существование обусловлено понятием, на которое Он сам никак повлиять не может. Сходная же проблема возникает у Алвина Плантинги в его модальной версии онтологического аргумента, где существованием в сильном смысле обладают лишь положения дел, но не объекты [21].

3. К версии Мейкина, более, чем к какой-либо другой из мне известных, применима идея Павла Тихого о Боге как «офисе»[22]. На это же, как мне представляется, явно указывает замечание, сделанное Оппи и выше уже цитировавшееся: «Необходимо экземплифицируемое понятие должно быть экземплифицировано в каждом возможном мире по крайней мере

[21] Подробно об этом см. (Горбатова, 2012).

[22] Подробный анализ его идеи см. в (Горбатова, 2013).

одним существом (хотя не необходимо одним и тем же в различных возможных мирах)» (Oppy, 1991, p. 66)[23]. Согласно трактовке Тихого, доказывать *необходимое* существование какого-либо объекта — значит наносить непоправимый урон его имиджу, поскольку

> как тождественно-истинная пропозиция является тавтологией, а следовательно, не имеет никакой ценности, так же и офис, занятый с необходимостью, является скучным и тусклым. Вряд ли тот, кто занимает такой офис, имеет в этом основание для гордости и право требовать от других преклонения (devotion) (Tichy, 1979, p. 420).

Здесь так же уместно будет вспомнить о возможном мире, где есть только голова, произносящая одну-единственную фразу: «то, более чего нельзя помыслить». При понимании Бога как «офиса», который с необходимостью должен быть занят в каждом возможном мире (в силу того, что необходимо экземплифицируемое понятие требует в каждом мире наличия по крайней мере одного объекта для непустоты своего объема), именно одинокая, бубнящая одну фразу голова и окажется тем, кто занял офис с табличкой «Бог» в своем возможном мире. При этом возражение Оппи проваливается, аргумент Мейкина срабатывает, но тот (а точнее — те), кто занимает офис Бога, вряд ли способен вызвать какую-либо эмоцию, кроме жалости. При этом идея Мейкина, что единственным (известным) примером необходимо экземплифицируемого понятия является понятие о том, более чего нельзя помыслить, также терпит крушение.

Заключение

Подводя итог, повторюсь и скажу, что версия модального аргумента, предложенная Мейкиным, — одна из самых изящных, которые мне встречались. Увы, у нее есть недостатки. Но они имеют, скорее, формальный, чем содержательный характер. Самым слабым местом в аргументации является утверждение, что мы должны признать существование необходимо экземплифицируемых понятий и, сверх того, признать понятие о том, более чего нельзя помыслить, относящимся как раз к этому виду. Остальное — технические детали, которые можно пытаться усовершенствовать и тщательнее состыковать друг с другом. Но фундаментальный тезис нуждается в гораздо более серьезном обосновании.

Список литературы

1. *Ансельм Кентерберийский*. Сочинения / пер. с лат. М., 1995.
2. *Горбатова Ю. В.* Онтологический аргумент: «офисное» решение // Кантовский сборник. 2013. №3 (45). С. 78—85.
3. *Горбатова Ю.В.* Плантинга и его модальная версия онтологического доказательства // История философии. 2012. №17. С. 243—261.
4. *Горбатова Ю.В.* Семантика возможных миров: уровни анализа и понятие существования // Известия Уральского федерального университета. 2014. №1 (125). С. 72—78.

[23] Хотя сам Мейкин ничего и не говорит о возможных мирах, однако в 1988 году, когда вышла его первая статья, уже было невозможно говорить о модальностях, не подразумевая при этом семантику возможных миров. Поэтому позволим себе пренебречь молчанием Мейкина по этому вопросу.

5. *Драгалина-Черная Е. Г.* «Слово к внемлющему», или диалог с «безумцем»? Логика и риторика «Прослогиона» // Модели рассуждения — 1: Логика и аргументация. Калининград, 2007. С. 170—180.

6. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. М., 1994.

7. *La Croix R.* The Impossibility of Defining 'Omnipotence' // Philosophical Studies. 1977. Vol. 32, № 2. P. 181—190.

8. *Malcolm N.* Anselm's Ontological Argument // The Philosophical Review. 1960. Vol. 69, № 1. P. 41—62.

9. *McGrath P. J.* The Ontological Argument Revisited // Philosophy. 1988. Vol. 63, № 246. P. 529—533.

10. *Makin S.* The Ontological Argument // Philosophy. 1988. Vol. 63, № 243. P. 83—91.

11. *Makin S.* The Ontological Argument Defended // Philosophy. 1992. Vol. 67, № 260. P. 247—255.

12. *Oppy G.* Makin on the Ontological Agrument // Philosophy. 1991. Vol. 66, № 255. P. 106—114.

13. *Papineau D.* Philosophical Devices. Oxford University Press, 2012.

14. *Pearl L.* A Puzzle about Necessary Being // Philosophy. 1990. Vol. 65, № 252. P. 229—231.

15. *Plantinga A.* God and Other Minds. A Study of the Rational Justification of Belief in God. Ithaca ; N.Y., 1967.

16. *Prior A. N.* Is Necessary Existence Possible? // Philosophy and Phenomenological Research. 1955. Vol. 15, № 4. P. 545—547.

17. *Tichy P.* Existence and God // The Journal of Philosophy. 1979. Vol. 76, № 8. P. 403—420.

Об авторе

Юлия Валерьевна ***Горбатова*** — канд. филос. наук, ст. преп. кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ, jgorbatova@hse.ru

STEVEN MAKIN'S ONTOLOGICAL ARGUMENT: THE CONCEPT OF NECESSARY EXISTENCE OF GOD

Y. GORBATOVA

This article deals with one of the most elegant and non-standard versions of the modal ontological argument for God's existence, which was proposed by the analytic philosopher Stephen Makin in 1988. He managed to avoid the famous criticism of Kant concerning the impossibility of acknowledging the predicate 'to exist' as real. Makin's argument is not based on proving the presence of necessarily exemplified concepts rather than the necessary existing object. He argues that there is at least one (and possibly unique) such concept — Anselm's famous "that than which none greater can be conceived".

There are three key ideas, namely: 1) there are no reasons to consider that class of necessarily exemplified concepts as non-empty; 2) interchangeability of alethic modalities does not seem to be a valid argument; 3) there are additional complications that were not mentioned in earlier analyses. In particular, the proof does not take into account the multilevel structure of ontology, whose hierarchy of levels determines, as a rule, what entities exist in ontology in the true sense of the word. In addition, Makin's approach can be described in terms of Tichy's "offices", which makes it impossible to consider God as omniscient, omnipotent, and omnibenevolent.

Keywords: *modal ontological argument, Immanuel Kant, predicate of existence, alethic modalities, possible worlds semantics, necessarily exemplified concepts.*

References

1. Anselm Of Canterbury. 1995, *Sochinenia*. [Works], Moscow, 400p.

2. Gorbatova, Y.V., 2013, Ontologicheskiy argument: ofisnoe reshenie [Ontological Argument: 'Office' Solution], Kantovsky sbornik [*Kant's Compendium*], no. 3(45), p. 78—85, available at: http://journals. kantiana. ru/upload/iblock/759/Gorbatova_78—85.pdf.

3. Gorbatova, Y.V., 2012, Plantinga i ego modal'naya versia ontologicheskogo argumenta [Plantinga and His Version of Ontological Argument], *Istoria Filosofii* [History of Philosophy], no. 17, p.243—261.

4. Gorbatova, Y.V., 2014, Semantika vozmozhnykh mirov: urovni analiza i ponyatie suschestvovania [Possible Worlds Semantics: Levels of Analyses and Concept of Existence], *Izvestia Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seria 3: Obschestvennye nauki* [Newscast of Ural Federal University. Series 3: Social Studies], no. 1 (125), p. 72—78.

5. Dragalina-Chernaya, E.G., 2007, "Slovo k vnemlyuschemu" ili dialog s "bezumzem"? Logika i ritorika "Proslogiona" [Слово к внемлющему» или диалог с «безумцем»? Логика и риторика «Прослогиона» ["Allocution" or Dialogue with the Fool? Logic and Rhetoric of 'Proslogion'], *Modeli Rassughdenia-1: Logika i arguntatia* [Models of Reasoning-1: Logic and Argumntation], p. 170—180.

6. Kant, I., 1994, *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], Moscow, 591 p.

7. La Croix, R., 1977, The Impossibility of Defining 'Omnipotence', *Philosophical Studies*, vol. 32, no. 2, p. 181—190.

8. Malcolm, N., 1960, Anselm's Ontological Argument, *The Philosophical Review*, vol. 69, no. 1, p. 41—62.

9. McGrarth, P.J., 1988, The Ontological Argument Revisited, *Philosophy*, vol. 63, no. 246, p. 529—533.

10. Makin, S., 1988, The Ontological Argument, *Philosophy*, vol. 63, no. 243, p. 83—91.

11. Makin, S., 1992, The Ontological Argument Defended, *Philosophy*, vol. 67, no. 260, p. 247—255.

12. Oppy, G., 1991, Makin on the Ontological Agrument, *Philosophy*, vol. 66, no. 255, p. 106—114.

13. Papineau, D., 2012, *Philosophical Devices*. Oxford University Press.

14. Pearl, L., 1990, A Puzzle about Necessary Being, *Philosophy*, vol. 65, no. 252, p. 229—231.

About the author

Dr Yulia ***Gorbatova***, Assistant Professor, Department of Ontology, Logic, and Epistemology, Faculty of Philosophy, National Research University 'Higher School of Economics', jgorbatova@hse.ru

УДК 1(091):101.9:159.9

ИЗ МАРБУРГА В ОДЕССУ: МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ С. Л. РУБИНШТЕЙНА[1]

Н. А. Дмитриева[*]
В. В. Левченко[**]

Проведена реконструкция отдельных эпизодов раннего периода интеллектуальной биографии С.Л. Рубинштейна (1889 – 1960), русского неокантианца, философа и психолога, и опубликованы следующие архивные документы: письмо Марты Коген (1918), вдовы немецкого философа-неокантианца Германа Когена, учеником которого был Рубинштейн; две автобиографии Рубинштейна начала 1920-х годов; отзыв Н.Н. Ланге (1858 – 1921), видного психолога и философа, профессора Новороссийского университета, о диссертации Рубинштейна, защищенной в Марбургском университете под руководством Г. Когена и П. Наторпа и опубликованной в Германии на немецком языке. Первые три документа публикуются впервые. Отзыв Ланге, уже публиковавшийся исследователями «одесского периода» интеллектуальной биографии Рубинштейна, тщательно сверен с архивным источником. Выявленные при этом ошибки исправлены. Благодаря этим документам, а также старым и новым немецкоязычным публикациям и исследованиям выявлены как некоторые факты и даты биографии Рубинштейна, так и его ранее неизвестные или малоизвестные творческие проекты и планы. Так, например, стало известно, что Рубинштейн планировал перевод на русский язык и издание малых религиозно-философских сочинений Когена, в получении которых в послевоенной Одессе ему способствовали Э. Кассирер и Б. Штраус. Таким образом, в статье находит подтверждение мысль о чрезвычайной ценности изучения личных архивов философов для адекватного установления идейных истоков их концепций и полноценной реконструкции их интеллектуального ландшафта.

Ключевые слова: *С.Л. Рубинштейн, Н.Н. Ланге, Герман и Марта Когены, русское неокантианство, интеллектуальная биография, архив философа.*

---

[1] Исследовательская работа Н. А. Дмитриевой выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-0081а «Человек в истории и культуре: философско-антропологические и философско-исторические концепции русского неокантианства».

[*] Кафедра философии факультета социологии, экономики и права
Московского педагогического государственного университета,
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

[**] Кафедра украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин
Одесского национального морского университета,
Украина, г. Одесса, ул. И.И. Мечникова, 34.

Поступила в редакцию 15.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-5

© Дмитриева Н.А., Левченко В.В., 2015

Сергей Леонидович Рубинштейн (1889—1960) — ученый с мировым именем, известным в области психологии, философии, педагогики, теории и методологии науки. За последние четверть столетия активная разработка истории жизни и творчества С.Л. Рубинштейна привела к появлению многоаспектных по содержанию и полидисциплинарных по научным направлениям исследований, переизданию трудов, изучению интеллектуальной биографии, проведению памятных международных научных форумов.

Особое направление в этой деятельности образует изучение архивных материалов, незаменимых для реконструкции жизненного пути и аспектов научной деятельности, а также для выяснения и осмысления всего богатства того идейного содержания, которым определялся каждый этап непростой судьбы этого поистине уникального мыслителя. С одной стороны, исследователям, безусловно, повезло[1]: после смерти Рубинштейна остался обширный личный архив, переданный в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (ныне Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, далее — НИОР РГБ) и включающий в себя документы всех периодов жизни ученого. Часть его личного архива попала в Архив Института психологии РАН. Кроме того, довольно большой и важный пласт документов, связанных с профессиональной деятельностью Рубинштейна в его родном городе, Одессе, сохранился в фонде Одесского института народного образования (далее — ИНО) (правопреемника Новороссийского университета в 1920-е гг. (Левченко, 2010), в Государственном архиве Одесской области (далее — ГАОО). Личное дело Рубинштейна как студента Марбургского университета, документировавшее процедуру сдачи им государственного экзамена и защиты диссертации по философии, находилось в Государственном архиве земли Гессен в Марбурге вплоть до середины 1990-х — начала 2000-х годов[2], но с 2006 года числится утраченным, и все попытки найти его пока не увенчались успехом...

С другой стороны, археографическая работа с неопубликованным наследием ученого существенно затрудняется сразу несколькими обстоятельствами: во-первых, территориальной разбросанностью его архива по разным учреждениям и даже странам; во-вторых, сложностью почерка фондообразователя, что, к сожалению, зачастую ведет к ошибкам в расшифровке и даже вынуждает исследователей воздерживаться от этой работы: до сих пор, несмотря на большие публикаторские усилия исследователей творчества Рубинштейна, значительное количество его текстов не расшифровано и не опубликовано; в-третьих, многоязычностью документов, в особенности ранних, в которых заметки на русском часто перемежаются, например, с фрагментами на немецком, а некоторые документы написаны только по-немецки — они явно готовились их автором к публикации, но до сих пор так и не увидели свет. Еще одна существенная проблема в работе с этими документами состоит в том, что многие исследователи, движимые благородной целью познакомить современного читателя с интеллектуальной лабораторией, неизвестными идейными источниками и сторонами творче-

---

[1] Далее перечислены только самые крупные собрания документов. Возможно, некоторые архивные фонды, связанные с деятельностью Рубинштейна, например в Ленинграде, еще не выявлены.

[2] Видимо, последним, кто имел возможность работать с этими документами и использовал их в своем исследовании, посвященном Марбургской школе неокантианства (Sieg, 1994), был немецкий историк Ульрих Зиг.

ства ученого, подчас не обладают необходимыми навыками архивной работы[3], в результате чего в публикациях зачастую отсутствует необходимый справочный аппарат и критическое описание источника, что существенно затрудняет дальнейшую работу с опубликованными текстами, а в передаче самого текста нередко обнаруживаются ошибки (см. об этом: Левченко, 2013, с. 109—124), приводящие к искажению смысла или неточностям в датировке ряда важных событий в жизни ученого. С целью исправления некоторых обнаруженных нами ошибок и заполнения ряда лакун в биографии ученого мы осуществляем публикацию четырех архивных материалов одесского периода, выбранных нами из существенного массива документов, хранящихся в ГАОО и НИОР РГБ.

Публикуемые документы имеют отношение к важному этапу жизни С.Л. Рубинштейна, когда он, в начале Первой мировой войны вернувшись из Берлина в Одессу, определял свою профессиональную стезю: с 1917 года преподавал в гимназиях[4], затем в 1919 году трудоустроился в Новороссийский университет — ведущий вуз Юга бывшей Российской империи.

Некоторые сведения уточняющего характера о более ранних годах жизни Рубинштейна можно почерпнуть из его автобиографии, опубликованной на последней странице диссертации. Так, в одесской Ришельевской гимназии Рубинштейн учился только с 1898 по 1903 год, а затем продолжал обучение дома, экстерном[5], — возможно, из-за болезни, о которой он несколько раз упоминает в своих мемуарных записках (Рубинштейн, 1989а, с. 414, 415), не называя, однако, точной даты. В 1908 году в той же гимназии Рубинштейн сдал экзамены на аттестат зрелости (Rubinstein, 1914, S. 68). Учебу в Германии во Фрайбургском университете он начал с летнего семестра 1909 года и остался там на зимний семестр 1909/1910 года, а затем переехал в Марбург. Одиннадцатого июня 1913 года Рубинштейн сдал государственный экзамен и представил к обсуждению диссертацию «Исследование о проблеме метода»[6]. Диплом доктора философии был выдан Рубинштейну 20 июля 1914 года. Время между сдачей экзамена и получением диплома Рубинштейн провел «преимущественно в Берлине» (Rubinstein, 1914, S. 68), где под руководством Германа Когена, вышедшего в 1912 году на пенсию и уехавшего из Марбурга в Берлин, продолжал научные занятия и го-

---

[3] Подробнее об этой проблеме см. заметку А.Н. Круглова (Круглов, 2012), авторитетного историка философии, известного, кроме прочего, своей многолетней исследовательской работой в российских и немецких архивах и ее чрезвычайно успешными результатами.

[4] Не с 1914 года, как ошибочно пишут в некоторых биографиях Рубинштейна, а только с 1917-го (Левченко, 2013, с. 112). Почему этого не случилось раньше, можно объяснить тем, что диплом об окончании университета другой страны не давал до революции права на преподавание. Еще одним негативным фактором при трудоустройстве в среднюю и высшую школу Российской империи следует считать иудейское вероисповедание Рубинштейна. С либерализацией законодательства после Февраля 1917 года эти ограничения, видимо, были сняты (по крайней мере, ограничения дискриминационного характера). В какой из одесских гимназий работал Рубинштейн, выяснить сложно, так как в Одессе только на 1908 год было 8 мужских и 23 женских гимназии (Самойлов и др., 1998, с. 148), и к 1917 году число их только увеличилось. Кроме того, по этому периоду сохранилось очень мало архивного материала.

[5] НИОР РГБ, ф. 642 (С.Л. Рубинштейн), к. 1, ед. хр. 1. Рубинштейн С.Л. Автобиографии. Л. 3, 5.

[6] Машинопись на немецком языке с корректурой от руки хранится в НИОР РГБ, ф. 642, к. 2, ех. хр. 4, 99 л.

товил к публикации диссертацию. Коген был самого высокого мнения о своем ученике, о чем писал в Марбург Паулю Наторпу. Между учителем и учеником сложились самые теплые дружеские отношения (Дмитриева, 2007, с. 180—181), что находит подтверждение в письме Б.Л. Пастернака к отцу от 18 июня 1912 года. Пастернак пишет о Рубинштейне, что это «более, кажется, любимый Когеном ученик, чем даже Гавронский[7]»; он упоминает также мать Рубинштейна, которая дружна с четой Когенов (Пастернак, Поливанов, 1990, 62—63). Это подтверждает и впервые публикуемое ниже письмо Марты Коген, вдовы Г. Когена (4 июля 1842 года—4 апреля 1918 года) (см. прил. 1). Марта Коген (20 июня 1860 года—12 сентября 1942 года), дочь композитора Луи Левандовски, была на 18 лет младше своего мужа и активно помогала ему, записывая под диктовку его тексты, когда он начал терять зрение. После его смерти она оставалась в Берлине, в своем родном городе, откуда 1 сентября 1942 года была депортирована в концлагерь Терезиенштадт, где погибла.

Двадцать четвертого июня 1918 года, за три дня до ответа Марты Коген Рубинштейну, Эрнст Кассирер из Берлина сообщал Наторпу в Марбург: «Рубинштейн недавно написал мне из Одессы, что один русский издатель поручил ему подготовить перевод на русский язык малых религиозно-философских сочинений Когена. Так что мы попытаемся выслать ему в Одессу необходимый материал[8]. Всё же это благоприятный признак, что духовные связи между народами не прервались до конца и когда-нибудь снова завяжутся» (Sieg, 1994, S. 508).

Публикуемые далее материалы — автобиографии (прил. 2 и 4) и отзыв заслуженного профессора Новороссийского университета Н.Н. Ланге[9] на диссертационное исследование С.Л. Рубинштейна (см. прил. 3) — документируют перипетии начала работы Рубинштейна в высшей школе. Не пересказывая изложенные в них факты, считаем необходимым прояснить здесь следующее обстоятельство, не отраженное в этих документах. В апреле 1919 года, как сообщает в них сам Рубинштейн, он начал преподавать в университете. Действительно, 14 (27) апреля 1919 года на 6-м заседании историко-филологического факультета Новороссийского университета[10] постановили, как гласит пункт «б» 2-й статьи протокола заседания, «по предложению проф. Н.Н. Ланге после устного обсуждения и голосования избрать в должности приват-доцента на кафедру философии г. Рубинштейна»[11]. Но далее события развивались в логике Гражданской войны: 23 августа 1919 года в Одессу вступила Добровольческая армия генерала А.И. Де-

---

[7] Дмитрий Осипович Гавронский (1883—1949) — русский неокантианец, защитивший у Когена в 1910 году диссертацию, видный деятель партии эсеров, летом 1918 года эмигрировал в Швейцарию, в 1922 году получил право чтения лекций в Бернском университете. О нем подробнее см.: (Дмитриева, 2007, с. 162—167; Хазан, 2013).

[8] Судя по тому, что в приложении 4 упоминается небольшая книжка Когена «Понятие религии в системе философии» (Cohen, 1915), полученная Рубинштейном «в Одессе в 1918 году во время немецкой оккупации», такой материал был послан и получен. Однако неизвестно, по каким конкретно причинам не был реализован этот издательский проект.

[9] Ланге Николай Николаевич (1858—1921) — психолог, ученик и последователь видного петербургского философа и психолога М.И. Владиславлева, профессор Новороссийского университета (Рубинштейн, 1922; Рубинштейн, 2003; Гордієвський, 1930).

[10] ГАОО, ф. 45, оп. 4, д. 2560, л. 45.

[11] Там же, л. 46.

никина, а за два дня до этого, 21 августа 1919 года, на 12-м заседании историко-филологического факультета[12] было решено отменить пункт «б» 2-й статьи постановления 6-го заседания от 14 (27) апреля 1919 года.[13]. Таким образом, в ожидании деникинцев, реанимировавших имперские порядки, Рубинштейна отстранили от преподавания в университете. В связи с этим возникает вопрос, как получилось так, что в декабре 1919 года его пригласили читать курс в Одесском политехническом институте (см. прил. 2, 4)? Ведь деникинцы покинули Одессу лишь в конце января 1920 году, а советская власть в Одессе была окончательно установлена 7 февраля 1920 года. Документов, объясняющих этот факт, пока не обнаружено. Но можно, следуя общей логике событий тех лет, предположить, что в декабре 1919 года деникинцев уже мало интересовали вопросы и проблемы высшей школы: с ноября 1919 года они начали паническую эвакуацию, а к концу января 1920 года, когда отбыл последний пароход на Стамбул, в Одессе царил хаос. Так что именно отсутствием контроля со стороны властей, а также нехваткой преподавателей[14], как нам представляется, можно объяснить то, что один из вузов Одессы в обход официальных требований к кандидатуре лектора пригласил Рубинштейна читать курс высшей школы. А университет с его консервативными устоями принял Рубинштейна во второй раз только с приходом советской власти, а точнее — с возвращением профессора Е. Н. Щепкина[15], то есть в феврале 1920 года (Левченко, 2012, с. 112—113).

Важную роль в научно-преподавательской карьере Рубинштейна, по крайней мере на ее первом этапе, сыграл отзыв профессора Н. Н. Ланге (прил. 3). Этот документ впервые в полном объеме опубликовал украинский ученый-психолог В. А. Роменец (1926—1998) (Роменец, 1989, с. 104—105). В издании 1989 года при передаче этого текста были допущены некоторые неточности и две существенные ошибки. Одна была только отчасти исправлена в посмертной публикации этой статьи (Роменец, 2011, с. 135—136). Так, вместо: «…для САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ философско-критической работы, для обсуждения и посильного решения тех домыслов…» в издании 1989 года было напечатано: «для самостоятельной философии — критической работы для обсуждения философских личных домыслов…» (Роменец, 1989, с. 104), а в издании 2011 года передано так: «…для самостоятельной философско-критической работы, для обсуждения философских личных домыслов…» (Роменец, 2011, с. 135). Другая ошибка перекочевала из издания 1989 года в издание 2011 года: фраза «…короткой и основательной философски-исторической школы…» было передана как «...коротких и основательных философем...» Неточности исправлены нами по умолчанию.

Освещение этого же периода жизни ученого находим и в статье одесского коллеги Б. И. Цуканова (1946—2007) (Цуканов, 1989, с. 32—34), где была осуществлена только частичная публикация отзыва профессора Ланге.

---

[12] ГАОО, ф. 45, оп. 4, д. 2560, л. 67.

[13] Там же, л. 68.

[14] В период с ноября 1919 года по январь 1920 года город покинуло около 50 преподавателей, из них 20 человек — представители историко-филологического факультета, см. подробнее: (Левченко, 2014).

[15] Двадцать пятого января 1920 года Е. Н. Щепкин был выпущен из Одесской тюрьмы, где находился с 24 августа 1919 года после ареста контрразведкой Добровольческой армии по обвинению в государственном преступлении (Левченко, 2012).

При этом в цитировании Цукановым этого документа нами выявлены две неточности, вторая из которых является достаточно существенной. Первая неточность состоит в том, что в одном из предложений Цуканов упустил местоимение «эти»: «...при обсуждении основных философских проблем автор всюду обнаруживает, что *эти* (курсив наш. — *Н.Д., В.Л.*) исторические знания...» (Цуканов, 1989, с. 33). Вторая неточность, допущенная Цукановым, заключается в том, что выражение Ланге «...исторические знания являются для *него* (курсив наш. — *Н.Д., В.Л.*) не мертвым капиталом учености...» он процитировал как «...исторические знания являются для *нас* (курсив наш. — *Н.Д., В.Л.*) не мертвым капиталом учености...» (Цуканов, 1989, с. 33). На наш взгляд эта неточность полностью изменила первоначальное значение. В новом издании этой статьи (Цуканов, 2011, с. 131) вторая неточность была исправлена, а первая осталась.

Публикуемые ниже материалы способны, на наш взгляд, пролить свет на недостаточно освещенные в исследовательской литературе страницы интеллектуальной биографии С.Л. Рубинштейна. Они позволяют при сопоставлении их с уже опубликованными документами точнее реконструировать процесс вхождения его в научное пространство Одессы, раскрывают не известные ранее факты. Оригинальная пунктуация сохранена, все конъектуры даются в квадратных скобках; все комментарии выполнены публикаторами[16] и приведены в примечаниях в общей номерной системе ссылок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письмо Марты Коген к С.Л. Рубинштейну[17]

Berlin, d. 27.6.18.
Luitpoldstr. 32

Lieber Herr Dr.!

Endlich kommen Ihre lieben Briefe, nachdem mein Mann so lange nach einem Wort von Ihnen sich gesehnt hat u. so oft von Ihnen gesprochen. Wie hätte er sich gefreut, nun ist es leider zu spät. Er weilt nicht mehr unter den Lebenden. Es ist ganz unfassbar u. der Wechsel in meinem Leben kaum zu ertragen. Die Verlassenheit im Inneren u. die Sehnsucht nach ihm sind schrecklich. Wie soll ich weiter leben. — Es ist ganz plötzlich gekommen. Er war so frisch, hielt seine Vorträge, arbeitete ununterbrochen, leider zu sehr. Hatte die 3. Auflage der Theorie der Erfahrung beendet u. zum großen Teil die Korrektur seiner Religionsphilosophie, die im Herbst hoffentlich erscheinen wird. Freunde besorgen die Korrektur. Im Dezember wurde eine Büste von ihm gemacht, dabei erlitt er plötzlich eine Herzlähmung. Doch davon erholte er sich, da traten im März Herzbeklemmungen ein u. nach 8 tägigem Krankenlager hauchte er seine große edle Seele aus. Ein solcher Mann kommt nicht wieder in dieser Eigenart u. Größe. Er hat wenig gelitten, war nur 8 Tage im Bett, davon 4 bewußtlos. Er ist aus voller Arbeit herausgegangen. Seine Arbeitskraft u. Lust hatten fast zugenommen in den letzten Jahren. Aber er hat sich zu Viel zugemutet u. seine Kräfte erschöpft. Unser Zusammenleben u. arbeiten war so einzig schön.

---

[16] Авторство не разделено.

[17] НИОР РГБ, ф. 642, к. 33, ед. хр. 8. Письмо Марты Коген (Martha Cohen) к С.Л. Рубинштейну от 27 июня 1918 года. Автограф на немецком языке черными чернилами. Публикуется впервые. Публикация Н.А. Дмитриевой.

Ich werde den Weg ins Leben schwer zurückfinden. Ich ziehe im Oktober in eine kleine Gartenwohnung nach der Dörnbergstr. 6. Vielleicht sehe ich Sie u. Ihre lieben Eltern, denen es hoffentlich gut geht, einmal wieder. Danken Sie ihnen heut für ihre herzlichen Worte. Ich schreibe ihnen bald. Ihre Bücherkisten stehen jetzt bei Warmuth, einem großen Spediteur, Berlin C. hinter der Garnisonkirche. Es stehen auch dort die Sachen von Gawronsky. Vielleicht schreiben Sie einmal an ihn. Unsere Ausgaben betragen in den Jahren:

17. Mai 1915:	38 Mrk.	
Oktober 17:	44	die ersten Rechnungen
14. Juli 17 "	38 "	sind mir leider
3. Nov. 17 "	13 "	nicht zur Hand
	133	

Noch war es wohl in den ersten Jahren 38 Mrk u. dann wurde es erhöht auf 44 " im Jahr. In den Jahren 14 u. 15, [u. 16,][18] 38 Mrk. im Jahr, dann 44 Mrk.

Doch eilt das nicht. Ich schrieb es nur auf Ihren Wunsch. — Inzwischen werden Sie vom auswärtigen Amt die gewünschten Schriften für den Verleger erhalten haben. Herr Dr. Strauß hat Ihnen darüber geschrieben. Ich hoffe, daß der Verleger die Arbeit rasch in Angriff nimmt. Denn in Rußland ist großes Interesse für meinen Mann. Sie werden auch dafür sorgen, daß sein Andenken dort erhalten bleibt. — Seine schöne Bibliothek geht nach Frankfurt. Es waren schon zu Lebzeiten Verhandlungen dort angeknüpft, die jetzt hoffentlich zu einem guten Ende kommen.

Leben Sie für heute wohl, schreiben Sie mir bitte bald wieder, u. seien Sie aufs herzlichste gegrüßt mit Ihren lieben Eltern von Ihrer

Martha Cohen.

Перевод[19]:

Берлин, 27.06.18.
Луитпольдштрассе 32

Дорогой господин д-р!

Наконец-то пришли Ваши милые письма, а ведь мой муж так долго ждал от Вас хоть слова и так часто говорил о Вас. Как бы он был рад[20], но теперь, к сожалению, слишком поздно. Его больше нет среди живущих. Это совершенно непостижимо, и едва ли можно вынести эту перемену в моей жизни. Это чувство покинутости и тоска по мужу ужасны. Как мне жить дальше[?] — Это случилось совершенно внезапно. Он был так свеж, выступал с докладами, непрерывно работал, слишком много, к сожалению. Закончил 3-е издание [«]Теории опыта[»][21] и в основном корректуру своей философии религии, которая выйдет, надеюсь, осенью[22]. Друзья обеспечи-

[18] Приписка ниже уровня строки.

[19] Пер. с немецкого Н. А. Дмитриевой.

[20] Начало письма до этого места написано шрифтом «зюттерлин», далее — обычным латинским шрифтом.

[21] Имеется в виду «Теория опыта Канта», вышедшая третьим изданием в 1918 году (Коген, 2011).

[22] Опубликована под названием «Религия разума из источников иудаизма» в 1919 году (Cohen, 1919).

вают корректуру. В декабре делали его бюст[23], вдруг у него случился паралич сердца. Хотя после этого он восстановился, но в марте начались приступы давящей сердечной боли и после 8-дневной болезни его большая благородная душа отлетела. Такого человека в его своеобразии и величии больше не будет. Он мало страдал, только восемь дней провел в постели, из них четыре без сознания. Он ушел в полном разгаре работы. Его работоспособность и желание работать в последние годы, пожалуй, только увеличились. Но он слишком многого требовал от себя, и его силы истощились. Наша совместная жизнь и работа были так неповторимо прекрасны.

Мне будет трудно вернуться назад в жизнь. В октябре я въезжаю в маленькую квартиру в доме с садом на Дёрнбергштрассе, 6. Может быть, однажды я снова увижу Вас и Ваших дорогих родителей, у которых, надеюсь, все хорошо. Поблагодарите же их пока за их сердечные слова. Я скоро напишу им. Ваши ящики с книгами находятся теперь у Вармута, крупного экспедитора, Берлин С. за Гарнизонной церковью[24]. Там же находятся и вещи Гавронского[25]. Может быть, Вы как-нибудь напишете ему. Наши расходы за эти годы составили:

17 мая 1915:	38 марок	
Октябрь 17:	44	Первые счета
14 июля 17 "	38 "	у меня, к сожалению,
3 ноября 17 "	13 "	не под рукой
	133	

Еще в первые годы было, пожалуй, 38 марок и потом было поднято до 44 " в год. В 14-м и 15-м [и 16-м][26] годах — 38 марок в год, — затем 44 марки.

Но это не срочно. Я пишу об этом только по Вашему желанию. — Тем временем Вы должны были получить от Министерства иностранных дел[27] желаемые тексты для издателя. Господин д-р Штраус написал Вам об этом[28]. Я надеюсь, что издатель быстро приступит к работе. Ведь в России существует большой интерес к моему мужу[29]. И Вы позаботитесь о том,

[23] Речь идет о работе скульптора Генриха Глиценштейна (Henryk Glicenstein, 1870—1942). Фотографию этой работы см. в статье: (Lewkowitz, 1918, Sp. 131—132).

[24] Название евангелической церкви в центре Берлина, построенной для солдат берлинского гарнизона в начале XVIII века. Несколько раз перестраивалась. Разрушена во время Второй мировой войны, руины снесены в 1962 году.

[25] См. [Дмитриева, 2008].

[26] Приписка ниже уровня строки.

[27] По всей видимости, пересылка литературы была организована сотрудниками этого ведомства. Пересылка обычной почтой была в это время очень ненадежна.

[28] Имеется в виду Бруно Штраус (1889—1969), педагог, литературовед-германист, историк философии, издавший в 1919 году последнюю работу Когена «Религия разума из источников иудаизма» (ее второе сверенное и исправленное издание осуществлено Штраусом в 1929 году) (Cohen, 1919; Cohen, 1924), а также его статьи по проблемам еврейской религии, культуры и философии в трех томах (Cohen, 1929).

[29] Марта Коген опирается здесь на собственные впечатления и впечатления своего мужа от поездки по Российской империи с докладами в апреле — мае 1914 года, в которой она его сопровождала. См. об этом публикации последних лет (Вихнович, 2014; Кацис, 2014; Белов, 2011, с. 64; Ермичев, 1997). Предложение некоего русского издателя Рубинштейну перевести малые религиозно-философские сочинения Когена (см. выше цитату из письма Кассирера к Наторпу и [Дмитриева, 2007]) говорит

чтобы память о нем там сохранилась. — Его прекрасная библиотека едет во Франкфурт[30]. Еще при его жизни там начались переговоры, которые, надеюсь, теперь благополучно завершатся.

Пока всего хорошего, напишите мне поскорее снова и примите вместе с Вашими дорогими родителями самые сердечные приветы от Вашей

Марты Коген.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Curriculum vitae С. Л. Рубинштейна[31]

По окончании в 1908 г. Одесской Ришельевской Гимназии я отравился в Германию с тем, чтобы посвятить себя специальному изучению философии. Первые два семестра я провел в Фрейбурге, где я работал по философии и, в частности по философии истории у Риккерта[32], слушал его курсы и принимал участие в работах его семинария, работал одновременно по политической экономии у Diehl'я[33] и Шульце-Геверница[34]. После этого я перешел в Марбургский университет[35], где в течение 6 семестров работал по философии у Cohen'a[36] и Natorp'a[37]. В 1913 г. я окончил Марбургский

о том, что какой-то интерес в России к этой сфере духовного творчества немецкого философа сохранялся и после войны, несмотря на активную прогерманскую милитаристскую позицию, занятую Когеном во время войны (Дмитриева, 2014). О религиозно-философской концепции Когена см., например: (Сокулер, 2008; Цайер, 2013, с. 342—349).

[30] Вся богатейшая библиотека Когена (около 15 тыс. томов) при содействии Кассирера как одного из душеприказчиков покойного философа была приобретена еврейской общиной Франкфурта, где находилась до 1938 года. О ее дальнейшей судьбе см.: (Wiedebach, 2000).

[31] ГАОО, ф. Р-1593, оп. 1, д. 281. Л. 1—1об. Автограф — черными чернилами. Публикуется впервые. Публикация В. В. Левченко.

[32] Генрих Риккерт (1863—1936) — немецкий философ, один из основателей Баденской школы неокантианства. В 1896—1916 годах — ординарный профессор Фрайбургского университета.

[33] Карл Диль (1864—1943) — немецкий экономист, профессор политической экономии и финансового дела сначала в Галле (с 1893 года), затем в Ростоке (1898 год), в Кёнигсберге (1899 год), а с 1908 года до выхода на пенсию в 1933 году — во Фрайбургском университете; главный представитель социально-правового направления в политэкономии, к которому в Германии принадлежал Р. Штаммлер, а в США — Т. Веблен и В. К. Митчел.

[34] Герхарт Шульце-Геверниц (1864—1943) — немецкий экономист, политик, с 1893 года экстраординарный, а с 1896 года ординарный профессор политической экономии Фрайбургского университета.

[35] Марбургский университет — первый протестантский университет в Германии, основан в 1527 году.

[36] Герман Коген (1842—1918) — немецкий философ, глава и основной представитель Марбургской школы неокантианства, профессор Марбургского университета (1876—1912). См. о нем, например: (Рубинштейн, 1994; Белов, 2006; Сокулер, 2008; Белов, 2012; Коген, 2012; Вихнович, 2014; Речь Якова Мазе, 2014).

[37] Пауль Наторп (1854—1924) — немецкий философ, представитель Марбургской школы неокантианства. С 1885 года экстраординарный, а с 1893 года ординарный профессор философии и педагогики Марбургского университета. См. о нем публикации последних лет: (Дмитриева, 2007; Дмитриева, 2008; Наторп, 2006; Наторп, 2009; Тетюев, 2014).

университет с высшей степенью и представил[38] работу под заглавием «Eine Studie zum Problem der Methode», первая часть которой: I[.] absoluter Rationalismus была по отзыву профессоров Когена и Наторпа принята Марбургским университетом в качестве докторской диссертации. Вся работа печат[ается][39]. После окончания Марбургского университета я до 1914 продолжил работать в Берлине.

В апреле месяце 1919 г. я по предложению и на основании отзыва о моей работе Н. Н. Ланге (копию которого при сем прилагаю) был избран историко-филологическим факультетом Новороссийского университета приват-доцентом по кафедре философии. В декабре 1919 г. мне был поручен курс Введения в философию в Одесском Политехническом Институте[40]. С основания Гуманитарно-Общественного Института[41] состою приват-доцентом философии в Гум.[анитарно-] Об.[щественном] Ин[ститут]-е[42].

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Копия отзыва проф. Н. Н. Ланге о работе С. Л. Рубинштейна: «Eine Studie zum Problem der Methode (I[.] Absoluter Rationalismus)» (Подлинник в канцелярии Истор.[ико]-Фил.[ологического] факультета Нов.[оросийского] университета)[43]

В настоящем кратком отзыве об этой диссертации нет возможности входить в подробное и сложное обсуждение положенных в ней соображений по существу дела. Это потребовало бы критического анализа всего основного для философии вопроса — об отношении мышления и бытия. Для специальной задачи нашего отзыва достаточно указать две существенных черты исследования. Изложение их содержания ясно показывает нам, во-первых, основательное знакомство автора с историей философии, в частности с учениями нового и древнего идеализма, с Кантом, Гегелем и Платоном, и умение критически пользоваться этими знаниями, во-вторых, при обсуждении основных философских проблем автор всюду обнаруживает, что эти исторические знания являются для него не мертвым капиталом учености, но служат ему и используются им для САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ[44] фило-

[38] Слово «представил» зачеркнуто и сверху написано слово «написал».

[39] Вписано здесь над строчкой.

[40] Одесский политехнический институт открыт 15 сентября 1918 года. Обстоятельства приглашения Рубинштейна в этот вуз и его работы там неизвестны, в фонде вуза в сохранившихся списках преподавательского состава его имя не встречается.

[41] Одесский гуманитарно-общественного институт (1920—1921) — правопреемник Новороссийского университета, открыт в июне 1920 года и просуществовал до 1 сентября 1921 года (Левченко, 2008).

[42] Автобиография не датирована, но есть основания отнести ее написание к июню — началу июля 1921 года, поскольку, как гласит более поздняя автобиография (см. прил. 4), в июле 1921 года конкурсной комиссией при Одесском ИНО Рубинштейн был избран в штат ИНО. Эту догадку подтверждает и тот факт, что данное CV идет первым листом в личном деле Рубинштейна по ИНО.

[43] ГАОО, ф. Р-1593, оп. 1, д. 281. Л. 4—4об. Рукопись черными чернилами. Копия с отзыва Н. Н. Ланге рукой С. Л. Рубинштейна. Публикация В. В. Левченко.

[44] Здесь и далее в подобных случаях выделено в оригинале документа прописными буквами.

софско-критической работы, для обсуждения и посильного решения тех домыслов, к которым побуждает его собственное живое философское творчество. При таких условиях, то есть, с одной стороны[,] короткой и основательной философски-исторической школы, давшей автору знания классиков философии, а с другой — в ЖИВОМ САМОСТОЯТЕЛЬНОМ философском личном домысле, ищущем всегда ответов на вечные проблемы человеческой мысли и заставляющем автора все дальше углубляться в смысл ставимых им проблем, лежит, по нашему мнению, вполне надежное и достаточное основание ожидать и в дальнейшем успехов в философской деятельности С. Л. Рубинштейна, а равно и уверенность, что его деятельность в качестве преподавателя нашего университета может быть ВЕСЬМА ЦЕННОЙ для кафедры философии и для руководства занятиями студентов, относящимися к этой кафедре. Поэтому я имею честь предложить факультету признать доктора философии Марбургского университета С. Л. Рубинштейна приват-доцентом нашего университета по кафедре философии.

Подпись (засл.[уженный] орд.[инарный] проф. Н. Ланге)

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Curriculum vitae С. Л. Рубинштейна[45]

Я родился 6-го июня 1889 г. В 1909 г. по окончании Одесской Ришельевской Гимназии я уехал в Германию, где учился сначала в Фрейбургском, а потом в Марбургском университете, изучал специально философию, а также математику (у Hensel'я[46], Loewy[47] и др.) и политическую экономию (в семинариях Шульце-Геверница и Диля). В 1913 г. я окончил Марбургский университет [с высшей степенью (summa cum laude)][48] и получил звание доктора философии. Я работал по философии у Профессоров Риккерта, Наторпа и Когена: у первого главным образом по философии и методологии истории и общественных наук; у Когена и Наторпа по логике и, в частности, логике математики и математического естествознания, а также по истории философии (особенно Платон у Наторпа и Кант у Когена).

Имею работу на немецком языке: Eine Studie zum Problem der Methode. I Teil: Absoluter Rationalismus, Marburg 1914. II-ая часть в печати: Принята была Когеном и Наторпом в 1914 перед самым началом войны к печатанию в редактируемой ими серии монографий под заглавием: «Philosophische Arbeiten». В полученной в Одессе в 1918 г. во время немецкой оккупации

---

[45] НИОР РГБ, ф. 642, к. 1, ед. хр. 1. Л. 4—4об. Автограф черными чернилами. Публикуется впервые. Не датирован (не ранее осени 1921 года). Публикация Н. А. Дмитриевой.

[46] Курт Хензель (1861—1941) — известный немецкий математик, профессор Марбургского университета, академик «Леопольдины», старейшей Академии естественных наук в Германии; с 1903 по 1936 год главный редактор самого авторитетного в те годы отраслевого периодического издания — «Журнала чистой и прикладной математики».

[47] Альфред Лёви (1873—1935) — немецкий математик, из ортодоксальной еврейской семьи, с 1903 года экстраординарный, с 1916-го гонорарный, а с 1919 года ординарный профессор Фрайбургского университета; с 1912 года академик «Леопольдины».

[48] Зачеркнуто карандашом.

~~новой~~ [вышедшей во время войны][49] книги Cohen'a: Der Begriff der Religion, напечатанной в тех же «Philosophische Arbeiten»[50], на обложке имеется указание на выход в свет в ближайшее время моей работы[51].

В апреле 1919 г. по предложению проф. Н. Н. Ланге на основании отзыва, представленного им о моей работе истор.[ико]-филологическому факультету Новороссийского Университета[,] я был истор[ико]-филол[огическим] факультетом избран приват-доцентом по кафедре философии. В декабре 1919 г. мне было поручено чтение курса Введения в философию на эконом.[ическом] отделении Од.[есского] Политехнического Института. Когда истор.[ико]-филол.[огический] фак.[ультет] и экон.[омического] отд.[еления] полит.[ехнического] инст.[итута] влились во вновь образованный Гум.[анитарно-] Общ.[ественный] Институт, я перешел в Гум.[анитарно-] Об.[щественный] Ин.[ститут.]

В июле 1921 г. я конкурсной комиссией ~~при Институте~~ был избран на освободившуюся за смертью Н. Н. Ланге кафедру психологии в Институте Народного Образования. В текущем семестре читаю курсы по Логике и Теории познания, веду семинарий по общей психологии и по истории философии (последний на украинском отделении). В настоящее время готовлю к печати работу по логике и теории знания[52].

Список литературы

1. *Белов В. Н.* Система критического идеализма Германа Когена // Вопросы философии. 2006. №4. С. 144—150.
2. *Белов В. Н.* Предисловие к переводу «Теории опыта Канта» // Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем., предисл. и коммент. В. Н. Белова. М., 2012. С. 5—69.
3. *Вихнович В. Л.* Петербургский эпизод Германа Когена и не только // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, №1. С. 199—209.
4. *Гордієвський М. І.* Наукова й громадсько-педагогічна діяльність професора М. М. Ланге // Записки Одеського наукового при ВУАН товариства. 1930. №1. С. 1—47.
5. *Гусев Д. А., Рябов П. В., Манекин Р. В.* История философии. М., 2004.
6. *Дмитриева Н. А.* «Вечный мир» И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель — XXI век. 2014. №2. Ч. 1. С. 46—61.
7. *Дмитриева Н. А.* Религия в пределах *человечности*: к истории проблемы религии в философии Пауля Наторпа // Вера и знание: соотношение понятий в классической немецкой философии / отв. ред. Д. Н. Разеев. СПб., 2008. С. 260—270.
8. *Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.

---

[49] Вставлено над строчкой.

[50] См.: (Cohen, 1915).

[51] Действительно, в этом издании на последней странице с анонсом готовящихся к выходу книг в самом низу имеется набранное петитом сообщение о том, что эта работа Рубинштейна выйдет позднее.

[52] В. А. Роменец сообщает, что работа Рубинштейна под названием «О законах логики и основах теории знания» была принята к печати Одесским губиздательством в середине 1920-х годов (Роменец, 2011, с. 138). Однако в документе, на который он здесь ссылается, значится только следующее: «В настоящее время я работаю над исследованием: "О законах логики и Основах теории знания"» (ГАОО, ф. Р-1593, оп. 1, д. 281, л. 21) — и ни на л. 20, ни на л. 21, вопреки указанию Роменца, ничего не сказано о принятии этого сочинения к печати Одесским губиздательством. В НИОР РГБ сохранились проспекты и наброски, которые исследователи связывают с подготовительными этапами этой книги: «Наука и действительность (основы точного знания)» (Рубинштейн, 1989b). Текст готовой книги не найден.

9. *Ермичев А. А.* Приезд Германа Когена в Россию // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1997. Сер. 6. Вып. 4 (27). С. 42—45.

10. *Кацис Л. Ф.* Журнал «Новый восход» — орган русско-еврейского неокантианства (1910 —1915) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2010—2011 [10] / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2014. С. 251—272.

11. *Круглов А. Н.* Архивы как помощь и препятствие для историка философии // Statements: Российская научная конференция «История философии: вызовы XXI века». 15—16 ноября 2012 г., Институт философии РАН. URL: http://iph.ras.ru/page 32804070.htm (дата обращения: 25.11.2014).

12. *Коген Г.* Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М., 2012.

13. *Левченко В. В.* Історія Одеського інституту народної освіти (1920—1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса, 2010.

14. *Левченко В. В.* Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова / сост. В. Б. Жиромская ; отв. ред.: В. А. Тишков, Ю. А. Петров. М., 2014. С. 139—156.

15. *Левченко В. В.* Одеський гуманітарно-суспільний інститут (1920—1921): до питання спадкоємності традицій університетської освіти // Записки історичного факультету. Вип. 19. Одеса, 2008. С. 207—216.

16. *Левченко В. В.* Сергей Леонидович Рубинштейн: грани интеллектуальной биографии одесского периода (1910—1920-е гг.) // Вісник Одеського національного університету. Одеса, 2013. Т. 17, вип. 2 (8) за 2012. С. 109—124.

17. *Левченко В. В.* Хроніка останнього року життя «червоного професора» // Історик Євген Миколайович Щепкін (1860—1920): постать в контексті доби. Одеса, 2012. С. 123—132.

18. *Наторп П.* Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М., 2006.

19. *Наторп П.* Об исходном пункте философии / пер. с нем., коммент. и послесл. Н. А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2009. №1 (29). С. 110—121.

20. *Пастернак Е. В., Поливанов К. М.* Письма Бориса Пастернака из Марбурга // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник — 1989. М., 1990. С. 51—75.

21. *Речь* Якова Мазе в честь Германа Когена (1914) / предисл. и пер. с иврита Р. Кацмана // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2010—2011 [10] / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2014. С. 467—480.

22. *Роменец В. А.* О научной, педагогической и общественной деятельности С. Л. Рубинштейна на Украине // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. К 100-летию со дня рождения / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М., 1989. С. 103—113.

23. *Роменец В. А.* О научной, педагогической и общественной деятельности С. Л. Рубинштейна на Украине // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / отв. ред. К. А. Абульханова ; сост. С. В. Тихомирова. М., 2011. С. 134—143. URL: http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboty_uch/filosofsko3.html (дата обращения: 22.11.2014).

24. *Рубинштейн С. Л.* История создания книги «Человек и мир» // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. К 100-летию со дня рождения / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М., 1989a. С. 413—423.

25. *Рубинштейн С. Л.* Наука и действительность (основы точного знания) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989b. С. 336—343.

26. *Рубинштейн С. Л.* Николай Николаевич Ланге // Народное просвещение. 1922. №6—10. С. 69—70.

27. *Рубинштейн С. Л.* Николай Николаевич Ланге // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 452—457.

28. *Рубинштейн С. Л.* О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник' 92. М., 1994. С. 230—259.

29. *Самойлов Ф.О, Скрипник М.О., Ярещенко О.Т.* Одеса на зламі століть (кінець XIX — початок XX ст.). Одеса, 1998.

30. *Тетюев Л.И.* Эстетика в системе философии Пауля Наторпа // Кантовский сборник. 2014. №2 (48). С. 53—61.

31. *Хазан В.* Из повести об одном еврейском семействе // Евреи: другая история. М., 2013. С. 307—355.

32. *Цайер К.* Религиозная философия Кузанца в трудах Германа Когена: Коген и проблемы «восточного еврейства» // Verbum. 2013. №15. С. 340—357.

33. *Цуканов Б.И.* Одесский период жизни С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10, №3. С. 32—34.

34. *Цуканов Б.И.* Одесский период жизни С.Л. Рубинштейна // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. М., 2011. С. 130—133.

35. *Cohen H.* Der Begriff der Religion im System der Philosophie. Giessen, 1915. — (Philosophische Arbeiten, Bd. 10, H. 1).

36. *Cohen H.* Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. Leipzig ; Frankfurt a/M, 1919.

37. *Cohen H.* Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. 2. Aufl. Nach dem Manuskript des Verfassers neu durchgearbeitet und mit einem Nachwort versehen von B. Strauss. Frankfurt a/M, 1929.

38. *Hermann Cohens* Jüdische Schriften. Mit einer Einleitung von F. Rosenzweig / hrsg. von B. Strauss. In 3 Bd. Berlin, 1924.

39. *Lewkowitz J.* Hermann Cohen // Ost und West: illustrierte Monatsschrift für das gesamte Judentum. 1918. Jg. 18. H. 5/6 (Mai — Juni). Sp. 129—134. URL: http://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/cm/periodical/pageview/2606379 (дата обращения: 28.11.2014).

40. *Rubinstein S.* Eine Studie zum Problem der Methode: I. Absoluter Rationalismus (Hegel). Marburg, 1914.

41. Sieg U. Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus. Die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft. Würzburg, 1994. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus, Bd. 4).

42. *Wiedebach H.* Die Hermann-Cohen-Bibliothek // Cohen H. Werke. Supplementa, Bd. 2 / hrsg. von H. Holzhey, J.H. Schoeps, Ch. Schulte. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2000.

Об авторах

Нина Анатольевна ***Дмитриева*** — д-р филос. наук, проф. кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета, na. dmitrieva@mpgu.edu

Валерий Валерьевич ***Левченко*** — канд. истор. наук, доц. кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета, levchenkolav@yandex.ru

FROM MARBURG TO ODESSA: A CONTRIBUTION TO A SCIENTIFIC BIOGRAPHY OF S.L. RUBINSTEIN

N. Dmitrieva, V. Levchenko

This article reconstructs certain episodes of the early intellectual biography (1889—1960) of S.L. Rubinstein — a Russian Neo-Kantian, philosopher, and psychologist — and presents the following archive documents: the letter of Martha Cohen (1918), the widow of the German neo-Kantian Hermann Cohen, S.L. Rubinstein's teacher; two Rubinstein's autobiographies of the early 1920s; a review of Rubinstein's thesis, which was supervised by H. Cohen and P. Natorp and de-

fended at Marburg University, prepared by N.N. Lange (1858—1921), an eminent psychologist and philosopher, a professor at Novorossiysk University. The first three documents are published for the first time. Lange's review, which was initially published in Germany in the German language and was presented earlier by researchers of the "Odessa period" of Rubinstein's intellectual biography, was checked against the archive document. The mistakes identified were corrected. These documents, as well as old and new publications and studies in the German language made it possible to reveal certain facts and dates of Rubinstein's biography, as well as his earlier little or unknown creative projects and plans. For instance, it was established that Rubinstein intended to translate into the Russian and publish Cohen's smaller religious philosophical works, which he obtained in post-war Odessa with the help of E. Cassirer and B. Strauss. The article stresses the need to study personal archives of philosophers in order to establish the ideational sources of their concepts and reconstruct their intellectual landscape.

***Key words**: Sergey Rubinstein, Nikolai Lange, Hermann and Martha Cohen, Russian Neo-Kantianism, intellectual biography, philosopher's archive.*

References

1. Belov, V.N., 2006, Sistema kriticheskogo idealizma Germana Kogena [System of critical idealism of Hermann Cohen], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], no. 4, p. 144—150.

2. Belov, V.N., 2012, Predislovie k perevodu «Teorii opyta Kanta». In: H. Cohen, 2012, *Teorija opyta Kanta* [Kants thoery of experience], transl. from German by V.N. Belov, Moscow, p. 5—69.

3. Vihnovich, V.L., 2014, Peterburgskij epizod Germana Kogena i ne tol'ko [St. Petersburg episode of Hermann Cohen], *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of Russian christian humanitarian academy], Vol. 15, no 1, p. 199—209.

4. Gordijevskij, M.I., 1930, Naukova j gromadsko-pedagogichna dijalnist profesora M.M. Lange, *Zapiski Odes'kogo naukovogo pri VUAN tovaristva* [Proceedings of scientific association], no. 1, p. 1—47.

5. Gusev, D.A., Rjabov, P.V., Manekin, R.V., 2004, *Istorija filosofii* [History of Philosophy], Moscow 2004.

6. Dmitrieva, N.A., 2014, "Vechnyj mir" I. Kanta na rubezhe vekov i v period Pervoj mirovoj vojny [The "Perpetual Peace" of Immanuel Kant at the turn of the 19th and 20th centuries and during the First World War], *Prepodavatel' — XXI vek* [Lecturer — the 21st century], no. 2, part 1, p. 46—61.

7. Dmitrieva, N.A., 2008, Religija v predelah chelovechnosti: k istorii problemy religii v filosofii Paulja Natorpa [Religion in the limits of humanity: to the histiry of the problem of religion in the philosophy of Paul Natorp]. In: D.N. Razeev (ed.), 2008, *Vera i znanie: sootnoshenie ponjatij v klassicheskoj nemeckoj filosofii* [Faith and Knowledge: the correlaton of the concepts in the classical German philosophy], Sankt-Petersburg, p. 260—270.

8. Dmitrieva, N.A., 2007, *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical-philosophical studies], Moscow.

9. Ermichev, A.A., 1997, Priezd Germana Kogena v Rossiju [The Coming of Herman Cohen in Russia], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of Sankt-Petersburg University], Series 6, no. 4 (27), p. 42—45.

10. Katsis, L.F., 2014, Zhurnal "Novyj voshod" — organ russko-evrejskogo neokantianstva (1910 —1915) [Magazin "New Rise" — the organ of Russian-Jewish Neo-Kantianism], M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov (ed.), *Issledovanija po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik 2010—2011 [10]* [Studies in the history of Russian thought. Yearbook 2010—2011], Moscow, p. 251—272.

11. Kruglov, A.N., Arhivy kak pomoshh' i prepjatstvie dlja istorika filosofii [Archives as a help and an obstacle of historian of philosophy], Statements: Rossijskaja nauchnaja konferencija "Istorija filosofii: vyzovy XXI veka". 15—16 nojabrja 2012, Institut filosofii RAN. URL: http://iph. ras. ru/page32804070.htm (data obrashhenija: 25.11.2014).

12. Cohen, H., 2010, *Teorija opyta Kanta*, transl. into Russian by V.N. Belov, Moscow.

13. Levchenko, V.V., 2010, *Istorija Odes'kogo institutu narodnoï osviti (1920—1930 gg.): pozitivnij dosvid nevdalogo eksperimentu*. Odesa.

14. Levchenko, V.V., 2014, Odesskie uchenye v uslovijah russkoj jemigracii pervoj volny: puti, adaptacija, sud'by [Odessa scientists during the first Russian emigration]. In: V. Zhiromskaja (ed.), 2014, *Mir glazami istorika: pamjati akademika Jurija Aleksandrovicha Poljakova*, Moscow, p. 139—156.

15. Levchenko, V.V., 2008, Odes'kij gumanitarno-suspil'nij institut (1920—1921): do pitannja spadkoємnosti tradicij universitets'koï osviti [Humanitarian-social institut of Odessa (1920—1921)], *Zapiski istorichnogo fakul'tetu* [Proceedings of historical faculty], no. 19, Odesa, p. 207—216.

16. Levchenko, V.V., 2013, Sergej Leonidovich Rubinshtein: grani intellektualnoj biografii odesskogo perioda (1910—1920-e gg.) [Sergei Rubinstein: the sides of his intellectual biografy of the Odessa period (1910—1920)], *Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu* [Bulletin of the Odessa national university]. Series: Bibliotekoznavstvo, bibliografoznavstvo, knigoznavstvo. Odesa, Vol. 17, no. 2 (8), p. 109—124.

17. Levchenko, V.V., 2012, Hronika ostann'ogo roku zhittja "chervonogo profesora" [Chronic of the last year of the life of the "red professor"]. In: *Istorik Євgen Mikolajovich Shhepkin (1860—1920): postat' v konteksti dobi* [Historian Eugen M. Schepkin (1860—1920): the person in the context of time], Odesa, p. 123—132.

18. Natorp, P., 2006, *Izbrannye raboty* [Selected works], ed. by V.A. Kurennoj, Moscow.

19. Natorp, P., 2009, Ob ishodnom punkte filosofii [About a starting point of philosophy]. Translation, commentaries and afterword of N.A. Dmitrieva, *Kantovskij sbornik* [Kantian collection], no. 1 (29), p. 110—121.

20. Pasternak, E.V., Polivanov, K.M., 1990, Pis'ma Borisa Pasternaka iz Marburga [Letters of Boris Pasternak from Marburg]. In: *Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija. Ezhegodnik 1989* [The monuments of culture. The new discoveries. Writings. Art. Archeology. Yearbook 1989], Moscow, p. 51—75.

21. Rech' Jakova Maze v chest' Germana Kogena (1914) [Jacob Mase's Speach in Homor of Hermann Cohen], preface and translation from Hebrew by R. Katsmana, *Issledovanija po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik 2010* [Studies in the history of Russian thought], year 2011 *[10]*, Moscow, p. 467—480.

22. Romenec, V.A., 1989, O nauchnoj, pedagogicheskoj i obshhestvennoj dejatel'nosti S.L. Rubinshtejna na Ukraine [About scientifical, pedagogical und social activity of S.L. Rubinstein in Ukraine]. In: B.F. Lomov, (ed.), 1989, *Sergej Leonidovich Rubinshtein. Ocherki. Vospominanija. Materialy. K 100-letiju so dnja rozhdenija* [Sergei Leonidovich Rubinshtein. Essays. Memoires. Materails. To the 100 years from his birthday]. Moscow, p. 103—113.

23. Romenec, V.A., 2011, O nauchnoj, pedagogicheskoj i obshhestvennoj dejatel'nosti S.L. Rubinshtejna na Ukraine [About scientifical, pedagogical und social activity of S.L. Rubinstein in Ukraine]. In: K.A. Abul'hanova, S.V. Tihomirova, (ed.), 2011, *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna* [Philosophical-psychological heritage of S. Rubinstein], Moscow, p. 134—143. URL: http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboty_uch/filosofsko3.html.

24. Rubinshtejn, S.L., 1989a, Istorija sozdanija knigi «Chelovek i mir» [History of the composing of the book "Man and world"]. In: B.F. Lomov, 1989, *Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Ocherki. Vospominanija. Materialy. K 100-letiju so dnja rozhdenija*, Moscow, p. 413—423.

25. Rubinshtejn, S.L., 1989b, Nauka i dejstvitel'nost' (osnovy tochnogo znanija) [Science and reality (the foundations of the exact knowledge). In: B.F. Lomov, 1989, *Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Ocherki. Vospominanija. Materialy. K 100-letiju so dnja rozhdenija*, Moscow S. 336—343.

26. Rubinshtejn, S.L., 1922, Nikolaj Nikolaevich Lange, *Narodnoe prosveshhenie* [People's Enlightment], no. 6—10, p. 69—70.

27. Rubinshtejn, S.L., 2003, Nikolaj Nikolaevich Lange. In: Rubinshtejn, S.L., 2003, *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and world], Sankt Petersburg, p. 452—457.

28. Rubinshtejn, S.L., 1994, O filosofskoj sisteme G. Kogena [About philosophical system of Hermann Cohen], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik' 92* [Historical-philosophical Yearbook' 92], Moscow, p. 230—259.

29. Samojlov, F.O, Skripnik, M.O., Jareshhenko, O.T., 1998, *Odesa na zlami stolit' (kinec' HIH — pochatok HH st.)* [Odessa at the turning of the centuries (the end of the 19th — the beginning of the 20th century], Odesa.

30. Tetjuev, L.I., 2014, Jestetika v sisteme filosofii Paulja Natorpa [Aesthetics in the system of Paul Natorp], *Kantovskij sbornik* [Kant's collection], no. 2 (48), p. 53—61.

31. Hazan, V., 2013, Iz povesti ob odnom evrejskom semejstve [From the novel about one Jewish family]. In: *Evrei: drugaja istorija* [Jews: another history], Moscow, p. 307—355.

32. Zeier, K., 2013, Religioznaja filosofija Kuzanca v trudah Germana Kogena: Kogen i problemy "vostochnogo evrejstva" [Religious philosophy of Cusanus in the writings of Hermann Cohen: Cohen and the problems of the "Eastern Jewry"], *Verbum*, no. 15, p. 340—357.

33. Tsukanov, B.I., 1989, Odesskij period zhizni S.L. Rubinshtejna [Odessa period in the life of S. Rubinstein], *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], vol. 10, no. 3, p. 32—34.

34. Tsukanov, B.I., 2011, Odesskij period zhizni S.L. Rubinshtejna [Odessa period in the life of S. Rubinstein]. In: K.A. Abul'hanova (ed.), 2011, *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna* [Philosophical-psychological heritage of S. Rubinstein], Moscow, p. 130—133.

35. Cohen, H., 1915, *Der Begriff der Religion im System der Philosophie*, Giessen. — (Philosophische Arbeiten, Bd. X, H. 1).

36. Cohen, H., 1919, *Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*, Leipzig; Frankfurt am Main.

37. Cohen, H., 1929, *Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums*, 2. Aufl., nach dem Manuskript des Verfassers neu durchgearbeitet und mit einem Nachwort versehen von B. Strauss, Frankfurt am Main.

38. Cohen, H., 1924, *Jüdische Schriften*, mit einer Einl. von F. Rosenzweig hrsg. von B. Strauss, in 3 Bd., Berlin.

39. Lewkowitz, J., 1918, Hermann Cohen, *Ost und West: illustrierte Monatsschrift für das gesamte Judentum*, Jg. 18, H. 5/6 (Mai — Juni), Sp. 129—134. URL: http://sammlungen.ub.uni-frankfurt. de/cm/periodical/pageview/2606379 (дата обращения: 28.11.2014).

40. Rubinstein, S., 1914, *Eine Studie zum Problem der Methode: I. Absoluter Rationalismus (Hegel)*, Marburg.

41. Sieg, U., 1994, *Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus. Die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft*, Würzburg. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus, Bd. 4).

42. Wiedebach H., 2000, *Die Hermann-Cohen-Bibliothek*. In: H. Cohen, 2000, Werke. Supplementa, Bd. 2, hrsg. von H. Holzhey, J.H. Schoeps, Ch. Schulte, Hildesheim; Zürich; New York.

About the authors

Prof Nina ***Dmitrieva***, Department of Philosophy, Faculty of Sociology, Economy, and Law, Moscow State Pedagogical University, na.dmitrieva@mpgu.edu

Dr Valery V. ***Levchenko***, Associate Professor, Department of Ukrainian Studies and Historical, Legal, and Linguistic Sciences, Odessa National Maritime University, levchenkolav@yandex.ru

УДК 130.122

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ ВОЗРОЖДЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА (П. И. НОВГОРОДЦЕВ)

Е. А. Фролова*

Рассматриваются вопросы понимания естественного права с позиции неокантианской философии права в конце XIX – начале XX века, проблемы соотношения изменчивых норм права с неизменной формой предписаний морали.

Автор обращает внимание на развитие кантианского подхода в решении вопроса моральной философии. Сущность нравственности раскрывается не столько в построении идеальных проектов, сколько в потребности действия: нравственный закон должен осуществиться во внешнем мире. Нормативно-этическая теория оценивает нравственные начала как внутреннюю абсолютную ценность. Но определения морали получают свой смысл только как индивидуальные переживания личности, социальные требования приобретают нравственный характер только через самоопределяющуюся личность. Являясь по сути критическим и формальным, моральный принцип не устраняет возможности своего сочетания с временными конкретными целями. Формулы категорического императива обращаются к отдельной личности, но ставят ей требования исходя из представлений объективного порядка, к которым относятся право и государство.

В статье показано, что основанием нравственной критики права, по учению П.И. Новгородцева, является сознание того, что правообразование совершается при участии человеческой воли, то есть нравственный суд возможен только над человеческим действием. Оценки права могут быть двоякого рода: с точки зрения целесообразности и с точки зрения нравственности. Автор отмечает, что отечественный философ права призывал видеть в праве не только продукт человеческой воли, но и явление нравственного мира – естественному праву свойственно убеждение, что право есть не только средство к достижению известных практических целей, но оно служит и к удовлетворению высших моральных требований.

Ключевые слова: *возрожденное естественное право, философия права, неокантианство, мораль, Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев.*

В настоящее время растет интерес к проблемам методологии, социологии, философии права, важной составляющей ко-

* Кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13—14 (4-й гуманитарный корпус).
Поступила в редакцию 25.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-6
© Фролова Е.А., 2015

торых является поиск идеальных основ права (Белов, 2008, 2014; Жуков, 2013, Пома, 2012; Финнис, 2012; Штраус, 2007). Отечественные философы и теоретики права еще в конце XIX — начале XX века обращали внимание на эти проблемы, глубоко и всесторонне исследовали природу естественного права. Полемизируя со своими немецкими коллегами, они создавали содержательные, во многом оригинальные учения о праве, не уступавшие философско-теоретическому уровню западноевропейских правоведов. Разработке естественно-правовой доктрины в среде неокантианцев уделялось особое внимание, поскольку источник права представители этой теории видели в правовом сознании. Большой вклад в изучение этих вопросов внес известный философ права, государствовед, теоретик неолиберализма, родоначальник концепции возрожденного естественного права в России Павел Иванович Новгородцев. Интерес к этой проблематике возник в самом начале его творческой деятельности и сохранился на протяжении всей жизни; уже целью написания его первой крупной работы (Новгородцев, 1896) стал анализ проблем естественного права в немецкой литературе XIX века. Ученый стремился показать, насколько историческое направление в юриспруденции смогло упразднить идею естественного права. В итоге в работе «Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба» он констатирует, во-первых, что идея естественного права пережила нападки со стороны исторической школы права и, во-вторых, что центр естественно-правовой концепции заключается не во взгляде на происхождение права, а в возможности нравственного суда над ним. В связи с этим исследованием идеи естественного права представляется важным акцент, который был сделан П. И. Новгородцевым применительно к области философии права — в рамках этой науки необходимо изучать не условия правообразования, а проблемы самостоятельного значения нравственной оценки явлений (Новгородцев, 1901а, с. 2).

Поставив вопросы философского познания права на почву этики, Новгородцев, яркий представитель Баденской школы неокантианства, оправдывал идеализм как исходный пункт всех моральных определений и абсолютизм как неизменную форму и сущность моральных предписаний. Этика как область свободы, полагал мыслитель, предполагает самодостаточность и самоопределение личности. Определения морали получают свой смысл только как индивидуальные переживания личности: даже если эти определения направлены на интересы многих лиц, то общие цели сознаются отдельными личностями. Социальные требования приобретают нравственный характер только через самоопределяющуюся личность. Это — почва, на которой воздвигается высшее благо нравственного мира, нравственная основа социума. Вне общественных союзов личность не может проявить всего содержания нравственных целей, с другой стороны, вне автономной личности вообще нет нравственности. Таким образом, личность, с точки зрения этой философии, является границей между царством необходимости и царством свободы.

Неокантианцы, как немецкие, так и русские, не отрицали влияния общественной среды на конкретное содержание нравственного требования: по их мнению, этический индивидуализм не отменяет необходимость социальной среды для проявления нравственных предписаний, напротив, он подчеркивает значение общественных учреждений, так как они создают соответствующую атмосферу в обществе и тем самым способствуют нрав-

ственному самосознанию его членов. Нравственный идеализм определяет направление и цель развития общественной среды; его конечная цель — возвышение нравственного достоинства и нравственного сознания всех индивидов. Это положение доказывается отечественным правоведом следующим образом. Коль скоро мы сформулировали нравственную норму личности в качестве всеобщего долженствования, то мы тем самым уже предположили существование некоторого количества лиц. Формулы категорического императива обращаются к отдельной личности, но ставят ей требования, исходящие из представления объективного порядка. Те воззрения, которые настаивают на социальной сущности морали, смешивают, по мнению сторонников Канта, условия нравственного развития с его основанием, средства с целью. С позиции философии нравственного идеализма основанием и целью является только личность: общество существует только лишь в лицах. В этом заключается основополагающий аксиологический момент философии неокантианства (Новгородцев, 1902, с. 283—284).

По мнению отечественного ученого, нормативно-этическая теория рассматривает нравственное начало как внутреннюю абсолютную ценность. Абсолютизм нравственного долженствования заключается в том, что это абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы (Новгородцев, 1902, с. 286). Неизменность формы нравственных предписаний наполняется различным содержанием нравственной идеи; из этого соотношения проистекает необходимость построения идеалов. «Вечным, — подчеркивает Новгородцев, — остается лишь требование относительного согласия разума с собою и верности человека своей разумно-нравственной природе. Выражаясь современным языком, формальный нравственный принцип есть признание идеи вечного развития и совершенствования» (Новгородцев, 1902, с. 288).

Согласно учению Новгородцева, важной особенностью нравственной идеи является то, что она всегда заключает в себе преобладание критических стремлений над положительными указаниями. Из истории философии права хорошо известно, что самые возвышенные идеальные построения были сильны своим критическим духом и слабы положительными предначертаниями. Вместе с тем и критическая составляющая нравственной идеи имеет свою созидательную силу.

Развивая философию Канта, отечественный теоретик права утверждал, что абсолютизм нравственного закона относится только к его форме, но не к содержанию. В связи с этим нравственный закон может быть масштабом оценки явлений, в том числе в области политики и права. Таким образом, являясь по существу формальным, моральный принцип не устраняет возможности своего сочетания с временными конкретными целями. Один из ведущих представителей баденской школы неокантианства В. Виндельбанд отмечал, что «критический метод способен путем телеологического анализа установить систему этики, которая совершенно независима от многообразия специальных предписаний в исторически обусловленных формах человеческого общества и вместе с тем далеко не исчерпывается одними пустыми абстракциями» (Виндельбанд, 2011, с. 296). Немецкий философ справедливо полагал, что отвлеченный анализ идеи должного не дает советов по поводу решения вопросов дня, но за это он вознаграждает напоминанием о том, что будет иметь значение одинаково в конце дней, как и в их начале.

Представляется, что наибольший вклад в развитие кантианского подхода в решение вопроса моральной философии Новгородцев внес указанием на практическую сторону нравственного закона. По его убеждению, умозрительная моральная философия формулирует только общие цели и основные принципы, а сущность нравственности раскрывается в потребности действия: нравственный закон должен осуществиться во внешнем мире.

Отечественный правовед развивал идеи моральной философии И. Канта с учетом дополнений ее положениями учений родоначальников баденского неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. По его мнению, реализация нравственного закона зависит не только от нашей воли и силы ее нравственных стремлений (Кант), но также и от наличных средств, поэтому представление о нравственном долженствовании должно быть восполнено изучением причинных соотношений (Баденская школа неокантианства). В духе оценок В. Виндельбанда и Г. Риккерта Новгородцев определял задачу объективной этики: рассмотреть вопрос об условиях осуществления нравственного закона, поскольку именно так проявляется практический характер теории естественного права. Если речь идет об устройстве общества, то мысль с неизбежностью вступает в область политики и права, что является предметом естественно-правовых исследований.

Новгородцев показал, что идея естественного права получает свои высшие принципы от моральной философии; однако реализация этих требований в конкретных условиях — это проблема построения идеала, то есть вопрос о средствах его достижения. На уровне осуществления принципов естественного права важны методы исследования, применяемые в юриспруденции, политэкономии, истории. Вместе с тем Новгородцев подчеркивал «чисто служебное» значение этих наук: «Они должны явиться арсеналом средств для тех целей, которые указываются этикой. Первенство принадлежит нравственному долженствованию: причинные соотношения берутся только в соответствии с этим высшим и первенствующим принципом» (Новгородцев, 1902, с. 294).

Как известно, Кант впервые четко определил грань между бытием и долженствованием и установил между этими областями жесткий дуализм: нравственная идея оказывалась недосягаемой целью человеческих устремлений. Новгородцев, пытаясь преодолеть этот кантовский дуализм, соединял принципы нравственного долженствования с принципами причинной необходимости. «Задача нашего времени, как и эпохи непосредственных преемников Канта, — заявляет он, — состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики» (Новгородцев, 1902, с. 296). В философии права, отмечает ученый, неоднократно обращалось внимание на то, что элементы причинной необходимости могут вступать в противоречие с нравственными законами, однако это случается только в пределах эмпирических явлений: «конечное торжество принадлежит высшей гармонии». Именно в этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели неокантианцы видели соединение принципов долженствования с началами бытия.

В конце XIX — начале XX века, несмотря на господство в юриспруденции историзма и позитивизма, наметился рост интереса к идее естественного

права[1]. При этом, как указывал Новгородцев, признание заслуг естественного права проявлялось не как возрождение метода, а как восстановление проблемы преобразования права (Новгородцев, 1904, с. 8—10, 11, 13, 14).

Русский ученый целью своего учения полагал прежде всего выяснение вопроса о самостоятельном значении нравственной проблемы в независимости от ее генетического анализа (Новгородцев, 1896, с. 7, 10, 11; 1904, с. 52; 1902, с. 8—9). Не ставя своей задачей более полное рассмотрение методологии философии права, он сконцентрировал свое внимание на изучении этой проблемы, показав возможную связь этического начала с правовыми воззрениями в философии права. Его известная работа «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909 год), содержащая изложение и критический разбор значительных политико-правовых концепций XIX — начала XX века, доказывала необходимость восстановления утраченного под влиянием позитивизма и историзма авторитета естественно-правовой концепции, обновленной методологией и научными идеями XX века. «Характер постоянного искания и творчества, — подчеркивает Новгородцев, — относится не только к индивидуальным решениям, но также и к социальным идеалам — в этом проявляется критический и формальный характер нравственного долженствования. Закон безусловного долженствования — форма и призыв к исканию. Однако эта форма должна быть исполнена, призыв должен привести к определенному результату» (Новгородцев, 1904, с. 98).

Для теоретиков естественного права разных времен (Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Лильберн, Дж. Мильтон, Дж. Уинстенли, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А.Н. Радищев и др.) была характерна мысль, что естественно-правовая идея является протестом против несправедливых положительных законов и издающей их государственной власти. Именно поэтому многие философы естественного права XVII—XVIII веков обосновывали существование естественных прав человека, классический пример которых — триада прав в концепции Локка: свобода, равенство, собственность. Посредством идеи прав человека вся теория естественного права была ориентирована на признание правовой автономии личности, на утверждение ее самостоятельности по отношению к государству, призванному обеспечивать неотчуждаемые права каждого члена общества.

В учении Новгородцева естественное право предстает не как «абстрактное право природы», а как отражение качеств личности, имеющей разум, волю, индивидуальную неповторимость и моральную ценность, юри-

---

[1] В 1896 году в русской юридической литературе были сделаны первые заявления о необходимости возрождения естественного права: Л.И. Петражицким в статье «Введение в науку политики права» (Киевские унив. известия, авг. и окт. 1896 года) и П.И. Новгородцевым в книге «Историческая школа юристов» (1896 год, сентябрь). Петражицкий высказывался и ранее (начиная с 1893 года) в том же духе в своих сочинениях, изданных на немецком языке. С 1902 года в России начинается возрождение интереса к проблемам естественного права — на русском языке появляется несколько статей, касающихся этого вопроса: враждебная школе естественного права — М.М. Ковалевского («Вестник Воспитания», 1902 год, февраль, напечатана ранее на французском в 1900 году), сочувственная — В.М. Гессена («Право», 1900. №10, 11), примирительная — Н.И. Кареева («Русское Богатство». Апр.), апологетические — П.И. Новгородцева «Нравственный идеализм в философии права» (Сборник: «Проблемы идеализма», 1902 год), «О задачах современной философии права» (1902 год), «Из лекций по общей теории права» (1904 год), «Государство и право» (1904 год).

дическим выражением которых может быть только институт прав и свобод человека. Особенность его позиции по вопросу предоставления и обеспечения прав и свобод заключается в том, что он как теоретик неолиберализма отстаивал право на достойное человеческое существование. Новгородцев доказывал необходимость признания за указанным правом не только нравственного, но и юридического значения: «…на наших глазах, — писал он, — совершается один из тех обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права. И быть может, у нас в России ранее, чем где-либо, этому новому виду права суждено получить ясное принципиальное значение» (Новгородцев, 1911, с. 3).

По вопросам понимания и назначения права Новгородцев полемизировал с известным государствоведом и философом права Б. Н. Чичериным, который был представителем классического либерализма и видел задачу права в охране личной свободы и невмешательстве государства в эту сферу (Чичерин, 2005, с. 72, 563, 587). Новгородцев, наоборот, доказывал необходимость обеспечения материальных гарантий личной свободы именно государством: «без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недосягаемым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически» (Новгородцев, 1911, с. 6). При этом ученый понимал, что одного провозглашения права на достойное человеческое существование недостаточно, важны конкретные юридические следствия этой установки: право на труд, регулирование санитарных условий труда, право на обеспечение на случай болезни, неспособности к труду и старости. Кроме этого ученый показывал роль профессиональных союзов в деле обеспечения достойного человеческого существования и подчеркивал значение положительных функций государства, среди которых выделял заботу о бедных, которая «из добровольной благотворительности должна стать под санкцию государства», то есть приобрести юридический характер (Новгородцев, 1911, с. 9—12).

Вместе с тем было бы упрощением теорию естественного права с изменяющимся содержанием в понимании Новгородцева рассматривать лишь как вариант обновленной концепции прав человека, включающей некоторые новые, дополнительные по отношению к перечню времен XVIII века права и свободы, пусть даже это дополнение состоит в крайне важном праве на достойное человеческое существование. В концепции отечественного мыслителя эта проблема ставится и решается глубже и сложнее, на основе разработанных им методологических принципов соотношения права и морали. Естественное право, по теории Новгородцева, это и протест личности против властного произвола, и требование лучшего законодательства, и моральная основа для общественного строя и государства, гарантирующего права и свободы человека.

Основным вопросом философии права Новгородцев считал вопрос о высших и последних основаниях юридических установлений. Исходя из различения теоретической и практической областей духовной жизни человека, мотивы естественно-правовых построений теоретик права соотносил с опытом (наукой) и этикой (нравственным сознанием) (Новгородцев, 1896, с. 4; 1902, с. 263). Человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от личной воли и в то же время составляющее часть нравственной субстанции. Если осмысливать право как продукт воли индивида, то возникает стремление воздействовать на положительное право в смысле приближе-

ния его к нравственному идеалу. Таким образом, ученый обосновывал идею естественного права как синтеза двух разнородных областей: права и нравственности.

Следует также указать на то, что некоторые видные отечественные теоретики и философы права критиковали учение Новгородцева о естественном праве, считая его не юридическим, а скорее этическим, лишь нравственным суждением о положительном праве. Так, сторонник формально-догматической юриспруденции Г.Ф. Шершеневич, в противовес Новгородцеву, призывал изучать не общие исходные пункты права и нравственности, а их отличительные признаки и задавался вопросом, почему проблемы естественного права относятся к философии права, а не нравственности (Шершеневич, 1995, с. 35).

Открытая, бескомпромиссная, во многом пристрастная полемика Новгородцева с представителем психологической теории права Л.И. Петражицким по вопросам понимания естественного права велась на страницах «Юридического вестника» в 1913 году (Новгородцев, 1913б; Петражицкий, 1913; Новгородцев, 1913а). Необходимо отметить, что в этом же году Новгородцев по-новому осмысливает концепцию естественного права с изменяющимся содержанием известного представителя Марбургской школы неокантианства Рудольфа Штаммлера. В статье «Современное положение проблемы естественного права» русский правовед отмечает: «Естественное право с изменяющимся содержанием — есть идея противоречивая и несостоятельная... Это попытка эклектически сочетать старые философские воззрения с историческим созерцанием» (Новгородцев, 1913б, с. 19). В данной работе П.И. Новгородцев выступил противником теории Р. Штаммлера, считая, что для философов тут дается слишком мало, а для историков — слишком много. Для отечественного ученого очевидно, что идеальные представления о праве изменяются с развитием исторических условий, это факт, не подлежащий сомнению, однако критерий, являющийся масштабом для оценки права, не должен сам меняться. Критике подвергалась и формула Штаммлера «общество свободно хотящих людей». Новгородцев полагал, что немецкий теоретик права не уделяет должного внимания качественным характеристикам лиц, образующих общество, увлекается только количественной стороной вопроса и потому не может раскрыть понятие общества как особой самобытности. Новгородцев видел в положениях Штаммлера идеал индивидуальной свободы в духе учений Руссо, Канта и др. Л.И. Петражицкий же называл оценку Новгородцевым подхода Штаммлера «принципиальным недоразумением»: «Формула Штаммлера имеет совсем другой смысл, Штаммлер — антипод учения Руссо и Канта» (Петражицкий, 2010, с. 569). Л.И. Петражицкий тщательным образом разбирал теорию Р. Штаммлера и по-своему объяснял упреки, высказанные Новгородцевым в адрес немецкого мыслителя, а именно — недоразумениями фактического свойства в силу недостаточной ясности изложения философии права самим Штаммлером. Излагая и комментируя наиболее сложные положения его социальной философии, Петражицкий уверял, что вопросы системы правовой мотивации, социальных функций права и другие, о которых писал Штаммлер, близко примыкают к его (Петражицкого) политике права и вообще не относятся к неокантианским идеям. Немецкий философ права, по мнению отечественного правоведа, “переодел” идею свободы и другие идеи в “кантианские костюмы”, применяя на каждом шагу из-

любленные неокантианские выражения, построения фраз и проч.». (Петражицкий, 2010, с. 578). Представляется, что Петражицкий проявлял чрезвычайную субъективность в оценках теории Штаммлера. Согласно убеждениям отечественного автора, философия права Штаммлера является антиподом учений Руссо, Канта, Гумбольдта и др. Сам же Петражицкий «*вполне одобряет* (курсив наш. — *Е. Ф.*) идеи Руссо, Канта, Гумбольдта, как и Адама Смита и т. д., как *вполне удачные (хотя и наивно-удачные, без знания и понимания, что, как и почему, без понимания причинно-эволюционной связи и т. д.*) (курсив наш. — *Е. Ф.*) учения для той стадии культурного воспитания западноевропейских народов...» (Петражицкий, 2010, с. 579).

Современный отечественный исследователь В. А. Савельев, проанализировав теорию «возрожденного естественного права» в учении Новгородцева, сделал вывод о смене «этики деонтологической», основу которой образует идея долга, «этикой аксиологической», обосновывающей ценностные ориентиры (Савельев, 1979, с. 123). Следует согласиться с утверждением о том, что учение Новгородцева о естественном праве эволюционировало. Более того, создается впечатление резкого отхода отечественного философа права от своих прежних позиций в оценке концепции Р. Штаммлера. До 1913 года он всецело разделял концепцию естественного права с изменяющимся содержанием, позже — даже не вспоминает о ней. Дело в том, что на протяжении своей творческой деятельности Новгородцев стремился отыскать эквивалент понятиям «долг» и «ценность» в общественной жизни индивидов, найти критерий нравственности как в области автономной личности, так и в области социального организма. Поэтому ему необходимо было показать постоянный характер норм морали к развивающемуся, исторически преходящему характеру понятия общества. Построение идеального права есть уже, по его мнению, суд над правом положительным. Сущность естественно-правовой критики, по Новгородцеву, в том и состоит, что устанавливая идеальное и должное и требуя его осуществления, мы тем самым осуждаем то существующее и недолжное, отмены которого желаем.

По мнению правоведа, естественное право — совокупность моральных представлений о праве не положительном, а долженствующем быть как «идеальное построение будущего». Он обращал внимание на практическую сторону естественного права, заявляя о протесте нравственного сознания против недостатков действующего правопорядка. Вывод философа права заключался в констатации двух существенных моментов естественно-правовой идеи: нравственной оценки положительных учреждений и стремления к философскому исследованию основ права (Новгородцев, 1896, с. 6).

Оценки в правовой сфере, согласно подходу Новгородцева, могут быть двоякого рода: с позиции целесообразности и с точки зрения нравственности. Ученый призывал видеть в праве не только продукт человеческой воли, но и явление нравственного мира — естественному праву свойственно убеждение, что право не только есть средство к достижению известных практических целей, но оно служит и к удовлетворению высших моральных требований (Новгородцев, 1901а, с. 147). Следует отметить, что праву, конечно, необходимо единство сознания лиц для успешного регулирования общественных отношений, для утверждения самой идеи права, однако не только с помощью нравственных норм формируются юридические нормы. Существует и собственно правовое сознание масс, институт обыч-

ного права со своими законами развития, и их недостаток не всегда может быть заменен нравственным сознанием людей. Не впадает ли Новгородцев в заблуждение Штаммлера, о котором сам же говорил: нравственность приходит на помощь праву, область этики (должное) восполняет область опыта? (Новгородцев, 1896, с. 8—9). Отечественный философ прав в понимании того, что успех действия правовых предписаний в жизни обусловлен степенью их проникновения в сознание членов общества. Смысл естественного права состоит в том, чтобы подвергать анализу существующие отношения и законы, поскольку именно из-за их несоответствия идее права и возникает несправедливое право, официально признанное законодателем, но противоречащее идее права.

Новгородцев обращал внимание на коллизию права и нравственности — summum jus est summa injuria. Общеизвестно, что установлением писаных законов право получило абстрактную форму твердых и общих определений. Однако как бы удачно ни были сформулированы законы, они могут оказаться несправедливыми в применении к отдельным случаям либо стать неудовлетворительными с течением времени. Эта коллизия не может быть решена одними законодательными мерами — изданием твердой нормы, поскольку отношения, к которым она применяется, подлежат изменению. Возникает проблема соответствия изменяемой области права и неизменной сферы нравственности. Новгородцев считал, что естественное право — это «протест против абстрактных постановлений закона; результат обособления права от общей нравственной субстанции» (Новгородцев, 1896, с.10). В первом положении, очевидно, речь идет о положительном праве; во втором — о необходимости поиска границ областей права и нравственности. Право, исходя из этих замечаний Новгородцева, является частью нравственности, имеющей свои собственные пустоты и противоречия, в том числе чисто юридического характера, не относящиеся к морали (система процессуальных норм).

Основу и права и нравственности Новгородцев видел в развитии личного сознания. Действительно, естественное право возникает как продукт индивидуального сознания, которое критически оценивает несправедливые предписания положительного права. Нравственная критика права, по мнению ученого, равносильна сознательному отношению к действительности. Следуя кантовской методологии, рационализм в области моральной философии Новгородцев видел в стремлении к сознательному усвоению каждой личностью нравственных начал.

В современной трактовке проблем философии права остаются востребованными идеи естественного права в качестве морального масштаба оценок поведения всех членов общества и деятельности должностных лиц. Полемика, которая велась философами и правоведами сто лет назад по вопросам понимания и назначения естественного права, актуальна и для нашего общества в XXI веке, поскольку нередко отличить социально-детерминированную волю, возведенную в закон от произвола, выраженного в том же законе, не представляется возможным без обращения к оценочным формам естественного права.

Список литературы

1. *Белов В.Н.* Введение в философию культуры : учеб. пособие. М., 2008.
2. *Белов В.*Н. Кант и Конституция РФ // Кантовский сборник. 2014. №3.

3. *Виндельбанд В.* О принципе морали // Прелюдии. М., 2011.

4. *Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.

5. *Еллинек Г.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания / пер. И. И. Власова со второго, просмотренного автором издания ; под ред. прив.-доц. А. А. Рождественского, с предисл. проф. П. И. Новгородцева. М., 1910.

6. *Жуков В. Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013.

7. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / пер. с нем., англ., фр. ; сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. СПб., 2015.

8. *Коген Г.* Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М., 2012.

9. *Кузнецов Э. В.* Философия права в России. М., 1989.

10. *Новгородцев П. И.* Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904.

11. *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.

12. *Новгородцев П. И.* К вопросу о современных философских исканиях. (Ответ Л. И. Петражицкому по поводу книги Новгородцева «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве») // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (66). М., 1903.

13. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М.,1901а.

14. *Новгородцев П. И.* Нравственная проблема в философии Канта // Вопросы философии и психологии. Кн. 2 (56). М., 1901б.

15. *Новгородцев П. И.* Нравственный идеализм в философии права. (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М.,1902.

16. *Новгородцев П. И.* Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913а. Т. 3.

17. *Новгородцев П. И.* Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник, 1913б. Т. 1.

18. *Новгородцев П. И., Покровский И. А.* О праве на существование. М., 1911.

19. *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010.

20. *Петражицкий Л. И.* О социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Т. 2.

21. *Пома А.* Критическая философия Германа Когена / пер. с итал. О. А. Поповой. М., 2012.

22. *Савельев В. А.* Теория «возрожденного естественного права» в учении П. И. Новгородцева // Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI—XIX вв. М., 1979.

23. *Трубецкой Е. Н.* Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. Кн. 1 (61). М., 1902.

24. *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака, А. В. Панихиной. М., 2012.

25. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права : учеб. пособие (по изданию 1910—1912 гг.). М., 1995. Т. 1.

26. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В. А. Краснокутского. М., 1908.

27. *Штраус Л.* Естественное право и история. М., 2007.

28. *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство / подг. текста, вступ. ст. и коммент. И. И. Евлампиева. СПб., 2005.

Об авторе

Елизавета Александровна ***Фролова*** – д-р юр. наук, доц., доц. кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, frolova.msu@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF THE DOCTRINE OF REVIVAL OF NATURAL LAW (P.I. NOVGORODTSEV)

Y. Frolova

This article considers the understanding of natural law from the perspective of neo-Kantian legal philosophy of the late 19th/early 20th century and the problem of correlation between changing rules of law and the unchanged form of moral prescriptions.

The author focuses on the development of Kantian approach in solving the problem of moral philosophy. The essence of morals is revealed not in the creation of ideal projects but rather in the need for action: the moral law must be implemented in the outside world. The theory of standards and ethics evaluates moral foundations as an internal absolute value. However, a definition of morals is meaningful only as an individual experience of a person, social requirements become moral only through a self-determined person. Being critical and formal, the moral principle does not eliminate the possibility of a combination with certain temporary goals. The formulas of a categorical imperative are aimed at an individual but their requirements are based on such objective representations as law and state.

This article shows that, according to Novgorodtsev, the moral critique of law rests on understanding that law is created with the participation of human will, i.e. moral judgement is possible only regarding a human action. Law can be assessed from the perspectives of purposiveness and morals. It is stressed that the Russian philosopher of law interpreted law not only as a product of human will but also as a phenomenon of the moral world. Natural law suggests a belief that law is not only a means to achieve certain practical goals but also an instrument of satisfying the highest moral requirements.

Key words: *revival of natural law, philosophy of law, Kantianism, morality, R. Stammler, P. Novgorodtsev.*

References

1. Belov V.N. 2008, *Vvedenie v filosofiju kul'tury: Uchebnoe posobie* [Introduction to culture philosophy: Textbook], Moscow.
2. Belov V.N. 2014, *Kant i Konstituzija RF* [Kant and the Constitution of the Russian Federation], N 3.
3. Chicherin B.N. 2005, *Sobstvennost' i gosudarstvo* [The Property and The State], St. Peterburg.
4. Dmitrieva N.A. 2007, *Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian neokantianstvo: "Marburg" in Russia. Historico-philosophical sketches], Moscow.
5. Ellinek G. 1910, *Social'no-jeticheskoe znachenie prava, nepravdy i nakazanija* [Socio-ethical significance of law, iniquity and punishment], Moscow.
6. Finnis Dzh. 2012, *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural law and natural rights], Moscow.
7. Kelzen Gans. 2015, *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [The blank doctrine about the right, justice and the natural right], St. Peterburg.
8. Kogen G. 2012, *Teorija opyta Kanta* [Kant's theory of experience], Moscow.
9. Kuznecov Je.V. 1989, *Filosofija prava v Rossii* [Philosophy of law in Russia], Moscow.
10. Novgorodcev P.I. 1896, *Istoricheskaja shkola juristov, ee proishozhdenie i sud'ba. Opyt harakteristiki osnov shkoly Savin'i v ih posledovatel'nom razvitii* [Historical school of lawyers, its origins and destiny. Experience characteristics of Savigny school in their consistent development], Moscow.
11. Novgorodcev P.I. 1901a, *Kant i Gegel' v ih uchenijah o prave i gosudarstve. Dva tipicheskih postroenija v oblasti filosofii prava* [Kant and Hegel in their teachings about the law and the state. Two typical constructions in the field of philosophy of law], Moscow.

12. Novgorodcev P.I. 1901b, *Nravstvennaja problema v filosofii Kanta* [Moral issue in the philosophy of Kant] // Voprosy filosofii i psihologii. Book II(56), Moscow.

13. Novgorodcev P.I. 1902, *Nravstvennyj idealizm v filosofii prava. (K voprosu o vozrozhdenii estestvennogo prava)* [Moral idealism in philosophy of law. (On the question of the revival of natural law)] // Problemy idealizma, Moscow.

14. Novgorodcev P.I. 1903, *K voprosu o sovremennyh filosofskih iskanijah. (Otvet L.I. Petrazhickomu po povodu knigi Novgorodceva «Kant i Gegel' v ih uchenijah o prave i gosudarstve»)* [On the question of modern philosophical inquiry. (Answer Petrazhitsky about the Novgorodtsev`s book "Kant and Hegel in their teachings of law and state")] // Voprosy filosofii i psihologii. Book I(66), Moscow.

15. Novgorodcev P.I. 1904, *Iz lekcij po obshhej teorii prava. Chast' metodologicheskaja* [Of lectures on the general theory of law. Methodological part.], Moscow.

16. Novgorodcev P.I. 1913, *Psihologicheskaja teorija prava i filosofija estestvennogo prava* [Psychological theory of law and philosophy of natural law] // Juridicheskij Vestnik, vol. 3.

17. Novgorodcev P.I. 1913, *Sovremennoe polozhenie problemy estestvennogo prava* [The current situation of the problem of natural law] // Juridicheskij Vestnik, vol.1.

18. Novgorodcev P.I., Pokrovsky I.A. 1911, *O prave na sushhestvovanie* [The right to exist], Moscow.

19. Petrazhickij L.I. 2010. *Teorija i politika prava. Izbrannye trudy* [Theory and Politics of law. Selected Works] / nauch. red. E.V. Timoshina, St. Peterburg.

20. Petrazhickij L.I. 1913, *O social'nom ideale i vozrozhdenii estestvennogo prava* [About the social ideal and the revival of natural law] // Juridicheskij Vestnik. vol. 2.

21. Poma A. 2012, *Kriticheskaja filosofija Germana Kogena* [Critical philosophy of Hermann Cohen], Moscow.

22. Savel'ev V.A. 1979, *Teorija «vozrozhdennogo estestvennogo prava» v uchenii P.I. Novgorodceva* [The theory of "revival of natural law" in the teaching of Novgorodtsev] // Voprosy gosudarstva i prava v obshhestvennoj mysli Rossii XVI-XIX vv., Moscow.

23. Shershenevich G.F. 1995, *Obshhaja teorija prava. Uchebnoe posobie (po izdaniju 1910 – 1912 gg.)* [General Theory of Law. Textbook (publishing 1910—1912 years)] vol. 1, Moscow.

24. Shtammler R. 1908, *Sushhnost' i zadachi prava i pravovedenija* [Essence and problems of law and jurisprudence], Moscow.

25. Shtraus L. 2007, *Estestvennoe pravo i istorija* [Natural Law and History], Moscow.

26. Trubeckoj E.N. 1902, *Novoe issledovanie o filosofii prava Kanta i Gegelja* [A new study of the Kant and Hegel philosophy of law] // Voprosy filosofii i psihologii. Kn. I (61), Moscow.

27. Vindelband V. 2011, *O principe morali / Preljudii* [About the principle of morals / Prelude], Moscow.

28. Zhukov V.N. 2013, *Russkaja filosofija prava: ot racionalizma k misticizmu* [Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism], Moscow.

About the author

Prof. Yelizaveta ***Frolova***, Associate Professor, Department of Theory of Stateand Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, frolova.msu@mail.ru

Адель Анатольевна Кравченко
19.04.1938 — 15.01.2015

Пятнадцатого января ушла из жизни Адель Анатольевна Кравченко, или Ада (она настаивала, чтобы все, независимо от возраста и званий, называли ее именно так), — доктор философский наук, исследователь творчества И. В. Гёте, Э. Кассирера, неокантианства, член Российского философского общества[1].

Ее основными научными интересами последнее время были:

- неокантианство как интерпретация философии Канта;
- эволюция Марбургской школы неокантианства от философии естествознания к философии культуры;
- Кассирер и Гёте: гётевское понимание символа и «символические формы» Кассирера, «символическое отношение» Гёте как «основной принцип» гётевского и кассиреровского взгляда на мир.

Адель Анатольевна закончила философский факультет МГУ (училась на кафедре логики) и аспирантуру того же факультета по кафедре истории зарубежной философии. В 1971 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Эволюция неокантианства Марбургской школы (историко-критический очерк)», а в 2000 году в Институте философии РАН — докторскую диссертацию по теме «Обоснование Кассирером гуманитарного знания» (степень присуждена Президиумом ВАК 16 ноября 2001 года).

Адель Анатольевна работала в таких научных учреждения, как, например, Институт философии АН СССР, сектор философии культуры (1966 − 1969); Всесоюзный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры (1976 − 1988); Институт философии РАН, сектор философских проблем истории науки (1995 − 2005); а с 2005 года сотрудничала с Институтом логики, когнитологии и развития личности.

В 1999 году Адель Анатольевна выпустила монографию «Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гёте» (М., 1999), которая в исправленном и дополненном виде была переиздана ею в 2010 году.

Поступила в редакцию 20.01.2015 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-7
© Шиян А. А., Шиян Т. А., 2015

[1] Основные биографические сведения взяты из сохранившегося англоязычного Curriculum vitae примерно конца 2000-х годов.

В 2000-е годы Адель Анатольевна интенсивно общалась с зарубежными коллегами, поддерживала знакомство с потомками Эрнста Кассирера. В 2004 году в Институте философии РАН ею была подготовлена и проведена двуязычная русско-немецкая Международная научная конференция «Методология естественных и гуманитарных наук: философия Э. Кассирера и современность».

До последних дней жизни ей был свойственен интерес к новому, стремление к расширению кругозора. Так, она регулярно посещала различные лекции и спецкурсы по философии на философских факультетах РГГУ и МГУ.

Адель Анатольевна принимала активное участие в работе Российского философского общества: участвовала в коллективных зарубежных поездках на Международные философские конгрессы и в повседневной работе общества, часто публиковалась в Вестнике РФО.

Адель Анатольевна, Ада, была простым, добрым, общительным, жизнерадостным человеком, готовым в любой момент прийти на помощь. Именно такой ее запомнят все, кто был с ней знаком. Вечная память!

А. А. Шиян,
Т. А. Шиян

УДК 1(091)

О РЕЦЕНЗИИ, ОБДУМАННОЙ КАНТОМ И ВЫШЕДШЕЙ ПОД ИМЕНИЕМ ХР. Я. КРАУСА[1]

Л. А. Калинников*

В статье обсуждаются условия приведения к такому странному положению, когда текст публикуемой рецензии на «Элевтерологию» И.А.Г. Ульриха по современным нормам должен был бы выйти в соавторстве И. Канта и Хр.Я. Крауса, но появился в печати сначала под именем ученика и друга философа, а затем перекочевал в собрание сочинений самого Канта.

Показано, что в рецензии критикуется натурализм предлагаемой Ульрихом теории свободы, что сформулирована основная причина его неудачи, заключающейся в том, что автор книги не различает функций сознания теоретической и практической, а это затрудняет понимание, что один и тот же поступок в одном отношении может принадлежать природной детерминации, а в другом — детерминации свободной.

Утверждается, что методология рецензии содержится в анализе третьей антиномии чистого разума в главе второй «Антиномия чистого разума», второй книги «Трансцендентальной диалектики» и что при решении антиномии Кант исходил из содержания всей системы как целостной философской теории.

Ключевые слова: *элевтерология, И.А.Г. Ульрих, Хр.Я. Краус, антиномия свободы и детерминации по законам природы, примат практического разума.*

Предлагаемая вниманию читателей рецензия Канта (?) на книгу Иоганна Августа Генриха Ульриха «Элевтерология» имеет туманную, так до конца еще и не проясненную судьбу: почему рецензия на книгу по теории свободы, предмету, представляющему немалый для основателя философского критицизма интерес, значится как *Краусова* рецензия? Какое отношение имеет к этому тексту, речь и стиль которого во многих местах — любой специалист по этим вопросам скажет это, нимало не колеблясь, — с головой выдают кантовское авторство, Христиан Якоб Краус, ученик и ближайший друг Канта?

[1] Статья является предисловием к публикациям И. Канта и Хр. Я. Крауса.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 04.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-8

© Калинников Л. А., 2015

Вот что об этих обстоятельствах сообщает Пауль Менцер (Menzer, 1923, S. 524), редактируя в 1912 году 8-й том «Полного собрания сочинений Канта, осуществленного Королевской Прусской академией наук» и включив значащуюся Краусовой рецензию в этот том в качестве приложения под названием «Краусова рецензия Ульриховой "Элевтерологии"». Основанием для него было собственноручное свидетельство Крауса, что он при составлении рецензии использовал «kleinen Aufsatz Kants» (небольшую статью Канта); при этом П. Менцер отсылал за подтверждением этого факта к сообщению, известному из книги *Reicke R.* Kantiana. Königsberg, 1860. S. 53. Исходя из этого признания Крауса еще Ханс Файхингер (H. Vaihinger) опубликовал эту рецензию в 16-м томе «Философского ежемесячного журнала» («Philosophische Monatshefte») под названием «До сих пор неизвестное сочинение Канта о свободе» и попытался реконструировать вклад самого Канта в него. Пауль Менцер воздержался давать какие-либо собственные пробы реконструкции, но высказал мнение, что попытки Файхингера вполне корректны, особенно относительно начала рецензии.

Впервые рецензия была опубликована во «Всеобщей литературной газете» («Allgemeine Literaturzeitung») от 25 апреля 1788 года (№100) и затем перепечатана в книге «Философское наследие Хр. Я. Крауса» (*Nachgelassene* philosophische Schriften von Chr. Jac. Kraus. Königsberg, 1812. S. 417—434).

Кантовские наброски для этой рецензии были найдены и опубликованы в 23-м томе «Vorarbeiten und Nachträge» («Подготовительные работы и добавления»), завершающем раздел III «Handschriftlicher Nachlass» («Рукописное наследие») полного собрания сочинений Канта в 1955 году.

Определенный свет на всю историю возможного происхождения странной рецензии проливает в своих воспоминаниях под названием «Иммануил Кант, охарактеризованный в письмах его другом…» Рейнгольд Бернхард Яхман. Книга из восемнадцати писем появилась почти сразу же после смерти Канта в 1804 году вместе с воспоминаниями Л. Э. Боровски (L. E. Borowski) и Э. А. Хр. Васянски (E. A. Ch. Wasianski), объединив всех троих под скромным названием «Об Иммануиле Канте». Сейчас эта книга служит одним из основных источников сведений для многочисленных биографий прославленного философа. Известна она под названием «Иммануил Кант. Его жизнь в изложении современников».

Вот и по интересующему нас вопросу Р. Б. Яхман в «Третьем письме» (Jachmann, 1993, S.114—115) сообщает, что в расцвете творческих сил, во время завершения работы над вторым изданием «Критики чистого разума», Кант начал задумываться, что осуществлена лишь пропедевтическая часть стоящей перед ним задачи построения системы трансцендентальной метафизики, что силы его не беспредельны, — у него просто нет времени ни на что другое, если он собирается завершить свою работу. Число же откликов на его «Критику…», как враждебных, так и дружественных, начало стремительно расти, не переставали появляться в печати и новые попытки построения философских систем. Надо было быть в курсе всего этого. Кант воспользовался услугами его лучших студентов и друзей, прося их прочитывать все сколь-либо значительное и знакомить его с появляющимися важнейшими идеями и суждениями; если он считал нужным, то, обсудив прочитанное, предлагал написать и опубликовать рецензию на ту или иную работу.

Активно участвовал в этом Иоганн Шульц, который, например, только в 1787 году рецензировал четыре книги, выступающие как за, так и против идей Канта. Привлечен к этой работе был и Краус; но если перо Шульца было бойким и он легко справлялся с поставленными задачами, то Краус испытывал большие затруднения: плохо давалось ему изложение на письме даже собственных мыслей, передача же чужих осложняла задачу значительно. Шульцу довольно было обсуждения рецензируемой книги, для Крауса же, Кант это видел, нужна была более основательная помощь. И поскольку проблема свободы и необходимости, обсуждаемая в Ульриховой «Элевтерологии», была необычайно важна для всей системы кантовской трансцендентальной антропологии, а Ульрих критиковал кантовское решение этой антиномии свободы и детерминизма, то «Кант послал Краусу *некоторые материалы* (курсив наш. — *Л.К.*), и Краус использовал их» (Kuehn, 2001, p. 330).

О том, что свидетельство Яхмана о линии поведения Канта имеет все основания, можно судить по словам самого философа, который как раз в это время создавал предисловие ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787). В заключении к нему Кант писал о своих друзьях: «Из различных опубликованных сочинений (отчасти из *рецензий на некоторые книги* (курсив наш. — *Л.К.*), отчасти — из отдельных трактатов) я с удовольствием и чувством благодарности усмотрел, что дух основательности в Германии не угас, что он только на короткое время был заглушен модной манерой гениальничающего свободомыслия и что тернистые тропы критики, ведущие к систематической, но благодаря этому единственно прочной и потому в высшей степени необходимой науке чистого разума, не помешали отважным и светлым умам овладеть этой наукой. Этим достойным людям, столь счастливо сочетающим основательное понимание с даром ясного изложения (которого я в себе не нахожу), я предоставляю завершить работу над кое-где неудовлетворительной формой моего изложения» (Кант, 1964, с. 103; B XLIII — XLIV). Первые три-четыре года после выхода «Критики чистого разума» в свет (1781) Кант ничего такого писать еще не мог. Противники его идей обнаружились довольно скоро, но сторонникам и адептам понадобился больший срок, чтобы оценить открывающиеся с трансцендентальных высот горизонты. «В споры я отныне пускаться не буду, — продолжил Кант излагать принятую стратегию, — но все указания друзей и противников я старательно буду принимать во внимание, чтобы использовать их при будущем построении системы согласно этой пропедевтике. Так как за время этих работ я уже успел состариться (в этом месяце мне исполняется шестьдесят три года), то я должен бережливо относиться ко времени, если я хочу выполнить свой план — построить метафизику природы и метафизику нравов в подтверждение правильности критики как спекулятивного, так и практического разума. Разъяснения же неясных мест, вначале неизбежных в этом произведении, а также защиты всего [моего учения] в целом я жду от почтенных лиц, усвоивших его» (Кант, 1964, с. 103; B XLIII — XLIV).

Возможно, что на такое решение Канта подвигла еще и история с его рецензированием двух первых частей Гердеровых «Идей к философии истории человечества», опубликованных им в 1785 году. «Критика чистого разума» к этому времени уже четыре года как была в руках читателей, увидели свет и «Пролегомены…» Кант размышлял над проблемами метафи-

зики нравов, и книга Гердера не могла не привлечь его внимания. Чрезмерно самолюбивый, Гердер имел обыкновение вступать в яростный спор с любым из своих критиков. Вот и справедливой, но достаточно острой критики своего великого учителя он не принял и до конца жизни стал оппонентом Канта[1]. Когда в 1787 году появилась третья часть (окончательно книга была завершена лишь в 1791 году) «Идей…», философ уже принял свое стратегическое решение не тратить на полемику ни сил, ни времени, особенно же не вступать в споры с Гердером. Поэтому он сделал еще одну попытку поручить Краусу рецензию этой части труда Гердера. Однако попытка эта оказалась еще менее удачной, чем рецензия на «Элевтерологию» Ульриха: учитель и ученик серьезно поссорились. Рецензии же так и не суждено было сбыться.

Получив задание Канта сразу же по выходе третьей части «Идей к философии истории человечества», Краус приступил к написанию рецензии только летом 1788 года, всячески откладывая эту «отвратительную работу». Манфред Кюн, опираясь на сочинение Вернера Штарка «Кант и Краус», приводит собственные объяснения Крауса о конечной причине его неудач: «Все то, что я пишу сейчас, могло быть написано два месяца тому назад, если бы Кант постоянно не удерживал меня от работы. Он даже дал мне свои соображения о пантеизме, чтобы прояснить главный пункт моей рецензии. Но это представило вещи значительно более трудными; поскольку я потерял свой собственный путь, то найти себя следующим по пути Канта я не смог» (Kuehn, 2001, p. 330). Кант явно довлел над интеллектом своего ученика и друга, будучи заинтересованным в том, чтобы рецензия Крауса соответствовала его собственной оценке двух первых частей «Идей…» Гердера.

И надо сказать, что Кант строго исполнял обещание заниматься лишь разработкой своей системы, по крайней мере до тех пор, пока не счел, что она в основных своих границах очерчена, то есть до опубликования «Критики способности суждения» (1790). Только тут Кант позволил себе отвлечься и ответить на назойливую критику И. А. Эберхардом различных сторон его философской системы и прежде всего предложенного им различия между аналитическими и синтетическими суждениями энергичным полемическим сочинением «Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней» (1790)[2]. Такого же рода трактат «О поговорке: может быть это верно в теории, но не годится для практики» с защитой своих взглядов в области этики против критических выпадов Христиана Гарве и в области международного права против Моисея Мендельсона был написан Кантом в 1793 году. Полемика в нем значительно более приглушенная, о чем свидетельствует наличие раздела, в котором Кант критикует государственно правовую теорию Томаса Гоббса.

Если все вышесказанное учесть, то становится понятной возможность появления рецензии под именем Хр. Я. Крауса, хотя по современной научной этике она значилась бы под двумя фамилиями. Соавторство в XVIII веке принято не было, да и в XIX это было все еще редкостью.

---

[1] Обо всех обстоятельствах этой полемики см.: (Калинников, 1978, с. 50—56).

[2] Этот важный трактат опубликован в переводе на русский язык в кн.: *Кант И.* Трактаты. Рецензии. Письма (впервые издана в «Кантовском сборнике», см.: Кант, 2009, с. 38—115).

Что касается содержания публикуемого текста, то основная его идея, проходящая через всю рецензию, явно принадлежит Канту. Это его фундаментальное положение о принципиальном различии двух важнейших функций сознания: теоретической и практической, которые ни в коем случае нельзя отождествлять. Разум теоретический и разум практический различны по самой своей сути. Теоретический разум спекулятивно-регулятивен, тогда как практический — конститутивен. Теоретический разум диалектически-антиномичен, и антиномия между строжайшим природным детерминизмом и свободной причинностью — важнейшая из всех четырех антиномий теоретического разума. Практический же разум диалектически синтетичен, в нем личностно-индивидуальное заключает в себе общечеловечески-родовое. Методология первого — механицизм, тогда как методология второго есть телеология. Недаром Артур Шопенгауэр сравнивал эту идею Канта по ее неожиданности для умственного горизонта эпохи с тем эффектом, который оказали опыты Лавуазье по разложению простой воды на кислород и водород (Шопенгауэр, 2011, с. 54).

Разрешить проблему соотношения, взаимосвязи натуралистического детерминизма и антропологической элевтерии на почве одного лишь спекулятивного разума нельзя ни при каких теоретических ухищрениях, что в рецензии Канта — Крауса и демонстрируется с полной убедительностью. И. А. Г. Ульрих ограничивает себя одним только теоретическим разумом — отсюда и все несуразности его позиции: настоящее детерминировано прошлым, а вот будущее настоящим якобы не детерминируется и допускает свободу. Не спасает положения и «нравственное учение для всего человечества» (явно имеется в виду «Воспитание человеческого рода» Г. Э. Лессинга, написанное им в 1780 году), с помощью которого Ульрих обращается к решению вопроса, поскольку спинозизм может дать только фатализм, где свобода предстает в качестве безропотного подчинения необходимости, абсолютной ей покорности. И. А. Г. Ульрих уповает на то, что убежищем свободы является психология, разложимая на механическое, химическое, органическое и другие неизвестные ее составляющие, где она и может находиться. Однако идея эта в рецензии оценивается крайне скептически. Кант в «Критике чистого разума» прямо заявляет, что свобода представляет собою проблему не «*физиологическую*, а *трансцендентальную*. — И продолжает: …вопрос о возможности свободы затрагивает, правда, психологию, но решением его, поскольку он основывается на диалектических аргументах одного лишь чистого разума, должна заниматься *исключительно* (курсив наш. — *Л. К.*) трансцендентальная философия» (Кант, 1964, с. 479; B 563; A 535). По поводу таких идей, которые демонстрируются Ульрихом, Кант в «Критике чистого разума» писал: «Если эмпиризм (как это в большинстве случаев бывает) сам становится догматическим в отношении идей и дерзко отрицает то, что находится за пределами его созерцательных знаний, то он сам впадает в нескромность, которая здесь тем более заслуживает упрека, что ею наносится невозместимый ущерб практическому интересу разума» (Кант, 1964, с. 438; B 499; A 471).

Было бы неверно понять Канта с той позиции, что проблема решается на почве одного практического разума, учитывая его синтетический характер, — решается она лишь в границах философской системы как целого,

лишь при признании активнодеятельностной природы автономного человечества, сознание которого несет в себе практико-теоретический и ценностно-ориентирующий синтез. Когда же не осознается, что же синтезировано сознанием человека и человечества как индивида и как рода, из каких элементов создается сознание в качестве сложной системы, обеспечивающей их деятельное бытие, и целое системы отождествляется с одним из элементов, — возникают с неизбежностью ситуации, подобные той, в которой оказался И. А. Г. Ульрих. Сознание вовсе не ограничивается *познанием,* а несет в себе еще нормы и ценности — те элементы его, которые Кантом рассматриваются в «Критике практического разума» и «Критике способности суждения», но подразумеваются и в первой «Критике…», в качестве *детерминирующего самого себя разума*.

«В высшей степени примечательно, — пишет Кант, занимаясь синтезирующим разрешением третьей антиномии, согласно которому природный детерминизм и социальная свобода «по крайней мере не противоречат» (Кант, 1964, с. 495; B 585; A 557) друг другу, — что практическое понятие свободы основывается на… *трансцендентальной идее свободы*, которая и составляет настоящий источник затруднений в вопросе о возможности свободы. *Свобода в практическом смысле* есть независимость воли от *принуждения* импульсами чувственности. «В самом деле, воля *чувственна*, поскольку она *подвергается воздействию патологически* (мотивами чувственности); она называется *животной* (arbitrium brutum), когда необходимо *принуждается (necessitiert warden kann) патологически*. Человеческая воля есть, правда, arbitrium sensitivum, но не brutum, а liberum, так как чувственность не делает необходимыми ее действия, а человеку присуща способность самопроизвольно определять себя независимо от принуждения со стороны чувственных побуждений» (Кант, 1964, с. 478—479; B 561—562; A 533—534).

Дело в том, что три психокогнитивных способности: чувственность, рассудок и разум — действуют совместно в любой из функций сознания. Поэтому и воля функционирует при их участии. Когда вклад в мотивацию поведения осуществляет главным образом чувственность при пассивности рассудка и разума, то воля человека близка животной. Если решающую роль играет рассудок совместно в чувственностью, а разум участвует, лишь задавая конечную цель, воля ведет себя легально; так она действует в правовой регуляции поведения. Когда же волей руководит разум, подчинив себе не только чувство, но и рассудок, воля моральна, она руководствуется одним категорическим императивом. Только в последнем случае воля абсолютно свободна, ибо руководствуется в выборе мотива лишь сущностью своей человеческой природы — чистым практическим разумом, заключающимся в категорических императивах. Когда же человек в качестве мотива выбирает «идею максимума зла, превышающего человечность» (Кант, 1980, с. 97), он становится дьяволом, руководствуется «дьявольскими пороками» (Кант, 1980, с. 97), далеко выходя за пределы «задатков животности», чему содействует тот же разум, но действующий только как теоретический. Ибо разум, утративший практическую свою природу, обладающую приматом по отношению к теоретическому разуму, извращает и природу человека, выводя ее не только за пределы естественного, но и социального мира.

Проблема свободы, таким образом, решается Кантом как проблема соотношения разных уровней внутренней (автономной) и внешней (гетеро-

номной) детерминации, о чем упоминается и в данной рецензии. Но ни Кант, ни Краус не стали подробно развивать эту идею, согласно которой свобода есть мера относительно беспрепятственного достижения цели субъекта.

Список литературы

1. *Калинников Л. А.* Проблемы философии истории в системе Канта. Л., 1978.
2. *Кант И.* Критика чистого разума // И. Кант. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
3. *Кант И.* Религия в пределах только разума // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980.
4. *Кант И.* Трактаты. Рецензии. Письма. Калининград, 2009.
5. *Шопенгауэр А.* Новые Paralipomena // А. Шопенгауэр. Соч. : в 6 т. М., 2011. Т. 6.
6. *Jachmann R. B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund… // Immanuel Kant. Sein Leben in Darschtellungch von Zeitgenossen / hrsg. von. F. Gross. Darmstadt, 1993.
7. *Kuehn M.* Kant. A Biography. Cambridge University Press, 2001.
8. *Menzer P.* Kraus' Recension von Ulrich's Eleutheriologie // Kant's gesammelte Schriften. Berlin ; Leipzig, 1923. Bd. 8.

Об авторе

Леонард Александрович ***Калинников*** — д-р филос. наук, проф. кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, kant@kantiana.ru

ON A REVIEW DELIBERATED BY KANT AND PUBLISHED UNDER THE NAME OF CHR. J. KRAUS

L. A. Kalinnikov

This article analyses the circumstances that resulted in the situation when the review of J. A. H. Ulrich's eleutheriology, which would be published today as a work co-authored by I. Kant and Chr. J. Kraus, was first published under the name of the philosopher's friend and student and later in collections of Kant's works.

It is shown that the review criticises the naturalism of Unlrich's theory of freedom and stresses the major reason behind its failure, namely, that its author did not distinguish between the theoretical and practical functions of consciousness. This circumstance complicates that understanding of that the same act can belong to natural determination in one aspect and free determination in another.

It is stressed that the review's methodology is presented in the analysis of the third antinomy of pure reason in "Chapter II: The antinomy of pure reason" of "Book II: Of the dialectical conclusions of pure reason" and that Kant based his solution to the antinomy on the whole system as a comprehensive philosophical theory.

Key words: *eleutheriology, J. A. H. Ulrich, Chr. J. Kraus, antinomy of freedom and determination by natural laws, primacy of pure reason.*

References

1. Kalinnikov, L. A. 1978, *Problemy filosofii istorii v sisteme Kanta* [Problems of the philosophy of history in Kant's system], Leningrad.

2. Kant, I. 1963, Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason], in Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 tomah* [Collected works in 6 volumes], Moscow, t. 3.

3. Kant, I. 1980, Religija v predelah tol'ko razuma [Religion within the Limits of Reason Alone]. In: Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Трактаты и письма], Moscow.

4. Kant I. 2009, *Traktaty. Recenzii. Pis'ma* [Treatise. Reviews. Letters], Kaliningrad.

5. Shopengaujer, A. 2011, Novye Paralipomena [New Paralipomena], in Shopengaujer, A. Sobranie sochineniy v 6 tomah [Collected works in 6 volumes], Moscow, t. 6.

6. Jachmann, R.B.1993, Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund, in Immanuel Kant. Sein Leben in Darschtellungch von Zeitgenossen. Darmstadt.

7. Kuehn, M. 2001, *Kant. A Biography*. Cambridge.

8. Menzer, P.1923, Kraus' Recension von Ulrich's Eleutheriologie, in *Kant's Gesammelte Schriften*, Berlin, Bd. 8.

About the author

Prof Leonard ***Kalinnikov***, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru

УДК 1(091)

РЕЦЕНЗИЯ НА ЭЛЕВТЕРОЛОГИЮ ИОГАННА АВГУСТА ГЕНРИХА УЛЬРИХА[1]

Хр. Краус

Йена, в книжной лавке Крёкера: Элевтериология[2], или о свободе и необходимости, Иоганна Августа Генриха Ульриха. Для использования в курсе лекций на Михайловских каникулах. 1788. 7 ½ Л. 8. (6 больш. листов).

Различают физическое и моральное в человеке постольку, поскольку он, с одной стороны, как подданный природы, ощущает неизменное влияние ее причин и вынужден сам по ее определенным законам с помощью своего рассудка заранее просчитывать, а затем и объяснять все свои поступки. А с другой стороны, являясь повелителем природы, он позволяет себе независимо от нее развивать самостоятельно свою деятельность и давать самому себе законы, по которым он вопреки всем внешним влияниям организует свои будущие действия. Что же касается прошедших деяний, то он считает непреложным внутренним требованием, подобно изречениям судьи, неумолимо одобрять или проклинать — это различие свойственно самому обыденному разуму; правда, он должен бы был — но сделать это он не может и не смеет — перестать различать то, что есть и происходит, от того, что должно быть или должно произойти, если он хотел бы это различие не признавать или подвергать его сомнению. И напротив, умение связывать это физическое и моральное в человеке, именно поскольку он одни и те же поступки должен мыслить не только в соответствии с определенной природной необходимостью, но и с безусловной самостоятельной деятельностью, а именно и то, и другое вместе, превосходит все возможности его духа. Если человек будет пытаться мыслить эти поступки в соответствии с потребностями

[1] Перевод выполнен по изданию: *Kant's* Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1923. Bd. 8. S. 453—460.

Поступила в редакцию 05.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-9
© Копцев И.Д., пер. с нем., 2015

[2] Eleutheriologie (лат. eleutheria от греч. Ελευθερία — свобода) может быть транскрибировано как элевтерология, то есть учение о свободе.

рассудка как определенные природой или в соответствии с требованиями морали как обусловленные свободой, то вскоре он поймет, что в первом случае будет вынужден отказаться от нравственности, а во втором — от применения рассудка. И, таким образом, не будучи в силах отказаться ни от одного из них, обнаружит, что тут перед ним есть какая-то тайна. Что же в таком случае остается, кроме тайны, для мышления? Ничего, кроме как сначала пролить ярчайший свет на существенное различие природного и морального и достичь в этом вопросе, вопреки всем сомнениям и возражениям сопротивляющегося этому самомнения, полной достоверности и уверенности; а затем путем критического анализа всей нашей познавательной способности попытаться получить удовлетворительный ответ на вопрос, почему связь этих обеих сторон непостижима, и выяснить — при невозможности проникнуть в то, каким образом взаимосвязаны в человеке природа и свобода, — в какой мере все же можно непротиворечиво мыслить то, что они обе в нем, действительно, связаны воедино. Правда, это кажется весьма незначительным и, пожалуй, даже меньше того, чего жаждет ненасытная любознательность, хотя, пожалуй, столько, сколько всегда только и могут запрашивать цели жизни. Однако если бы при исследованиях, позволивших нам сделать упомянутый выше вывод, полностью обнаружилось бы и выяснилось, что именно по причине ограниченности знания разум, который обычно впадает в своих рассуждениях о теоретическом и практическом в противоречие с самим собой, достиг бы относительно обоих полной гармонии, и именно в силу своей заявленной неспособности соединить природу и нравственность между собой, и наш дух получил бы обнадеживающую возможность проникнуть в мир рассудка, отличающийся от чувственного мира, а также открыл бы самые радужные перспективы относительно своего предназначения и достоинства, то было бы, в самом деле, недальновидно жаловаться на ограниченность нашего знания и на бессилие нашего разума; и было бы неразумно не признавать того, что является также несомненным, а именно: самая важная и привлекательная из всех проблем разума для нас неразрешима. Между тем как бы ясно все это ни было показано тем не менее время от времени будут наблюдаться попытки решить эту проблему. Ибо так уж устроен человек, что в деле рефлексии о преимущественно темных и именно поэтому привлекательных предметах приходит ко всему скорее, чем к пониманию своего незнания, и справляется со всем легче, чем с признанием своей неспособности. И так, видимо, это и должно быть, потому что такие попытки, но не подобные тем, которые имеют отношение к громким открытиям в математике, предпринимаются не новичками или невеждами в науке, а часто мужами, в остроте ума и знаниях которых едва ли можно усомниться; они — как это также часто бывает — заблуждаются относительно главной задачи при постановке этого вопроса или будут ошибочно принимать сокрытие трудностей за их решение, примером чего во всех отношениях является настоящий труд. Его в такой же степени остроумный, как и ученый автор прилагает усилия к тому, чтобы подвести систему тотальной природной необходимости всех проявлений сил человека под понятие, называемое детерминизмом, как единственно правильное и объявить его не только как единственно согласующееся с нравственностью, но и восхвалить его как способствующее ей. Требовать новых, и хотя бы только в формах и методах, поворотов, не говоря уж об основаниях и доказательствах, означало бы заблуж-

даться относительно предмета обсуждения, над которым человеческий дух в течение тысячелетий работал и истощил себя. Поэтому подобно тому как, с одной стороны, в том, что касается истинности самого этого учения, все сводится *обычно* к физически необходимому, если оно только может быть воспринято внешним или внутренним чувством и должно быть понято рассудком, должно — за исключением случайного — также отвечать необходимым требованиям рассудка. И следовательно, человек как природное существо должен подчиняться законам природы (положение, которое хотя и невозможно опровергнуть, все же оставляет открытым вопрос, следует ли рассматривать человека всего лишь как естественное существо), точно так же, с другой стороны, все сводится в том, что касается отношения физической необходимости к моральности, за исключением логических формальностей, — опять во многом к тому, как оно есть, в частности, в известной попытке создания нравственной доктрины для всех людей, — к фатализму, который не оставляет более места для настоящих понятий о долге и ответственности. Это не может удивить ни одного знатока, но то, что нас все же удивило, — это отчасти заявление автора (с. 8) «не позволять себе сдержанности и нарочито заумной двусмысленности или неопределенности»; отчасти заверение, в которым он в посвящении, адресованном любимцам своей души, то есть своим дорогим слушателям, «не желает себе иного, кроме как того, чтобы они все нашли в этом его учении для себя успокоение и удовлетворение, которые он сам от него испытал». И призывает их «показать своим примером, что правильно сформулированный детерминизм (понятый так, как он здесь изложен) не упраздняет нравственность, а напротив, способствует ей». В действительности оба сравнительно с формой изложения и содержанием труда производят отчасти впечатление странного контраста, и было бы наверняка неплохо конкретизировать его для читателя с помощью последующего пояснения основной мысли. Так как долженствование предполагает способность, иными словами, так как независимое от всего действительно происходящего должное предполагает в такой же мере независимую от всего, что действительно происходит, способность, то есть нравственная обязанность предполагает изначальную самостийность, которая, собственно, и есть то, что следует полагать под *свободой* и что, тем не менее, недоступно пониманию, то автор, дабы избежать этого недоразумения, пытается, напротив, сделать обратный переход от способности к долженствованию. Но есть, правда, такая способность, которая также называется свободой и которая тем не менее вполне доступна пониманию, а именно: поскольку человек действует не как машина с помощью толчка и не как зверь с помощью чувства, а с помощью мысли, постольку все мысли, какие бы человек ни получал с помощью внутреннего чувства и какие бы ни воспринимались им в том, что касается их возникновения, исчезновения, возвращения, усиления или ослабления их ясности, их живости и действенности, короче их явления и их смены должны быть поняты и объяснены точно так же, как и феномены чувственного мира. Это и есть именно то, из чего исходит автор при объяснении свободы, опираясь среди прочего (с. 59) на совершенствование нашего практического знания и на перечисление причин, от которых зависит его получение и развитие, например частично от удобного случая, от научения из опыта и частично от целенаправленного размышления и преднамеренного внимания, от упражнения и т. д. Относительно последнего он прямодушно везде и в осо-

бенности на с. 62 добавляет, что «само это все целесообразное, в свою очередь, целиком зависит от тысячи различных обстоятельств, которые находятся во всеобщей связи (физических причинах)». Такого признания требует, тем не менее, его система вполне, ввиду того, что психологическое в отношении его объяснимости как предмета восприятия приложено к ряду механического, химического, органического, и тем самым множество детальных вторичных разновидностей образует основной вид физического. Но есть ли переход от этой номинальной свободы, которая есть не что иное, как *естественная необходимость*, к совершенно отрезанной от нее моральности, или от этого зависимого «могу» к абсолютному «должен»? — Переход? Да, но вместо того, чтобы этот переход, в котором все дело, показать, автор на с. 17 жалуется: «Понятие абсолютного долга (для эмпирического моралиста это настоящий дух мучения) является самым трудным во всей морали, исследование которого он откладывает на другое время», а на с. 88 он просит своих слушателей «вспомнить то, что они слышали в лекциях по вопросам морали при обсуждении сложной идеи абсолютного долга», о чем, к сожалению, читатель ничего не знает. Он упорно старается спасти правильность своего учения, по крайней мере, частично в отношении будущего, но не прошедшего; пока, в конце концов, любовь к истине в форме поправок и дополнений на предпоследней странице не выманивает у него наивный вопрос: «Чтобы было бы в случае, если бы все нравственное могло быть сведено к чему-либо физическому?» — Что бы было? Да, пожалуй, ничего, кроме того, что, в конечном счете, не было бы вообще ничего нравственного, а с различием физического и морального сразу же исчезло бы и различие между тем, что есть и происходит, и тем, что должно быть и должно происходить. Но это и есть как раз теория, в отношении которой автор призвал любимцев своей души опровергнуть ее путем своего совершенствования. Однако, как сказано, автор делает заявки и на половинчатость. «Человек должен (говорится на с. 63, 82 и др.) измениться или стать лучше; и он может стать таковым; *но ни один человек не может уже теперь стать другим или стать лучше, чем он есть*». Итак, только *уже теперь нет* и *до теперь нет.* А как быть, если из продолжающегося *Теперь* возникает *Всегда*, подобно тому, как из далее проводимой точки возникает линия, и с любого места будущего или прошедшего времени имело бы силу «*теперь*», подобно тому, как для любого места линии, рассматриваемой вверх и вниз, имеет силу точка? И в самом деле, если все будущее станет когда-либо действительным подобно тому, как все прошедшее уже стало таковым, то деятельность человека, если она в любом случае «до теперь» определяется необходимостью, должна быть таким же образом определена во все последующие времена до бесконечности. А принятое за границу необходимости «*теперь*» должно по порядку пройти все последующие фазы времени. И если автор стал бы это отрицать, то он должен бы был утверждать, что, например, деятельность жителей Йены в прошедшем году в настоящее время по окончании года совершенно необходимо такова, какой она была, а по отношению к началу года не является с необходимостью такой, какой она была. И точно так же поступки всех людей во все последующие времена, взирая назад от «Б» к «А», с необходимостью не могли быть иными, но при направленности вперед от «А» к «Б» могли быть полностью иными: последние после монотонных суждений о монотонных вещах, будучи взяты объективно, были бы одновременно истинными и ложными. Эта несуразность — боль-

шая, чем та, которая по причине движения в обход нравственной свободы не должна была бы быть допущена и в которую автор впал не по недосмотру, а потому, что на этом самом пути любой человек, вопреки всей предосторожности, непременно в конце концов должен запутаться. Таким образом, после устранения обмана, играющего словами «теперь», и «уже», и «когда-то», со всей очевидностью обнаруживается, что главная мысль автора попросту несостоятельна, а его труд, вопреки связанным с ним надеждами, есть не что иное, как ненужный вклад в доказательство самого по себе очевидного тезиса о том, *что свобода*, лежащая в основе нравственности, *не может быть постижима*, а познаваемая свобода не может служить основой нравственности, а скорее имеет целью превратить весь моральный мир рассудка, покоящийся на личной самостийности, в мир физической чувственности, где все совершается согласно определению извне и неизменной природной необходимости. И в этом мире (поскольку в нем (с. 90) никто еще не способствовал и не может способствовать своими целенаправленными усилиями совершенствованию состояния своей нравственности или безнравственности) ни человек, являющийся только причиной, а не творцом своих поступков или поступков других, ни даже божество, которое во всем видит свое творение и себя как деятельную силу, не могут найти в нас в целом ни малейшего повода для порицания, и в нем речь не может идти о долге и обязанностях, а о деяниях и событиях, ни о заслугах и виновности, ни о добродетели и пороке, а только о счастье или несчастье, удовольствии и страдании. Это попытка превратить мир, по отношению к которому не остается ничего другого, кроме как убаюкивать ослабевший разум с помощью фантазии, этой досадной утешительницы, в непреодолимый сон о провидении, которое с помощью естественной цепочки необходимых причин, среди следствий из которых некоторые в силу благотворного представления кажутся нам свободными поступками, механически ведет всех людей и всех разумных существ или лиц как сплошь механических машин, одних — позднее по обходному пути так называемых пороков, других — раньше по сокращенному пути мнимых добродетелей, к всеобщей внешней цели — блаженству. Каким образом такая система (хотя нелегко найти мыслящего человека, которому бы в голову не приходила подобная идея) может доставить полное удовлетворение — это само по себе необычно; а со стороны автора даже полностью странно, потому что он сам выразил против этого большие сомнения. Дело в том, что в полемической части своей книги, направленной против Кантовой теории свободы (теории, достойной настоящего мудреца, стремящегося к достижению научной достоверности, которая только возможна, но и честно признающего невежество там, где ему совершенно невозможно помочь, и об основных чертах которой говорилось в начале этой рецензии), господин У. как раз признает (с. 33), что эта теория неопровержима, если окончательно принять тезис о том, что время — это только субъективная форма явлений, из чего совершенно явно следует, что если ни сам этот тезис не будет поколеблен, ни его доказательство, на котором он покоится, не потеряет своей силы, то она сохранит свою истинность, и то удовлетворение, которое получено от противоположной этой теории системы Генриха Ульриха, должно оказаться просто заблуждением. От этой озабоченности он может оградить себя только в случае, если убедительно покажет полную несостоятельность того самого положения или содержащейся в нем мысли, за что, если это ему удастся

сделать, как противники, так и знатоки Кантовой философии и сам ее автор будут ему благодарны. Первые — потому что тем самым они получат средство, позволяющее, как казалось до сих пор, выйти за пределы решаемой только с помощью этого самого положения антиномии разума и льстить себя надеждой на окончательную победу. Вторые — потому что тем самым они получили неожиданные выводы о человеческом познании, которые они более приветствуют, чем системы; последние они любят только потому, что благодаря им получают необходимые и желаемые результаты. Только против того самого положения простыми возражениями (как, например, на с. 33 читаем: «Говорите, что хотите, но оно не вытекает еще из всего, а на то, что о нем столь часто говорили, еще нет ответа») или простыми доводами ничего не добиться, причем последние сводились либо к тщеславному недоразумению, либо к простому пояснению тезиса, не касаясь самого тезиса. Большинство из этих возражений обоих типов здесь приведено. Так, например, одно среди прочих (с. 34) гласит: «Как можно, утверждая о наличии изначальной деятельности чистой способности разума, уклониться от вопроса, почему эта способность при одних действиях применяется, а при других — нет, так как либо в одном случае должна быть причина для применения, либо в другом случае причина для ее неиспользования или неиспользования, и следовательно, в первом случае действует необходимость, а в другом случайность?» Ибо избежать этого и подобных ему вопросов, которые предполагают не только знание о том, что свобода существует, но и о том, какими свойствами она обладает, можно совершенно очевидно с помощью признания того, что относительно последнего ничего невозможно знать, потому что свобода не проявляет себя в чувственном восприятии, хотя можно говорить о ее следствиях постольку, поскольку они являются нашей чувственности, как и о всех других явлениях, происходящих во времени, и, следовательно, в этом отношении нет необходимости уклоняться от этого вопроса. Также обстоит дело и с другим возражением (с. 38), где говорится следующее: «Самим Кантом признавалось, что наш разум практичен не без препятствий и, следовательно, наша самостоятельная деятельность совершается не без препятствий, ибо эти препятствия и преграды, которые мы воспринимаем благодаря чувственному ощущению, имеют опять-таки силу только относительно того, что вообще может быть воспринято нами, но не в отношении того, что, будучи лишено подобного восприятия, только нами мыслится. И подобным же образом обстоит дело с дальнейшими возражениями, требующими объяснения понятия, подобного которому не может встретиться во всей сфере опыта и о предмете которого, свободе, спекулятивная философия (с отказом от проникновения в его свойства) вынуждена довольствоваться возможностью познания только того, что он ни сам по себе, ни в связи с природной необходимостью его явлений, то есть наших поступков, противоречив, а мыслится как существующий в человеке в двойственной форме своего бытия — во времени и вне всякого времени.

Пер. с немецкого И.Д. Копцева

УДК 1(091)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ НАБОРОСОК ДЛЯ РЕЗЕНЦИИ НА ЭЛЕВТЕРОЛОГИЮ ИОГАННА АВГУСТА ГЕНРИХА УЛЬРИХА[1]

И. Кант

Разрозненный лист D 5
Первая страница

Это сочинение полезно. Автор основательно доказывает, как должна мыслиться свобода, если рассматривать существование вещей, поскольку оно детерминировано временем, как способ существования вещей самих по себе. Оно — простой механизм природы.

— Однако он видит трудности, если предположить другой способ (форму) существования этой самой сущности помимо времени, и поэтому предполагает наличие детерминизма и придает ему форму, совместимую с моралью настолько, насколько это возможно. — И если ничто другое не удерживает его, кроме этих самых затруднений, то последние легко преодолимы.

— Следует пожелать, что основательный автор будет обращаться с остальными трудностями системы К. точно так же, как здесь, а именно покажет, как можно справиться со всеми трудностями, с которыми обычно сталкивается чистый разум за пределами свободы, не обращаясь к тем же самым основным принципам различения чувственного и интеллектуального, и лишь только затем выскажет возражения против системы, ибо только таким образом можно будет лучше всего увидеть, где следует искать этому помощь.

В этой форме представления явлений отсутствует чувство раскаяния, виновности, потому что речь идет только о физических основаниях объяснения, по которым нечто происходит, а не о моральных, по которым нечто, существующее всего лишь в идее и не являющееся осуществленным, могло бы произойти. И тут вместо физического закона выступает моральный, вместо физической свободы (странное название) — моральная свобода, а вместо объяснения — чувство виновности.

---

[1] Перевод выполнен по изданию: *Kant's* Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1955. Bd. 23. S. 79—81.

Поступила в редакцию 15.12.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-10
© Копцев И.Д., пер. с нем., 2015

Поступки, если они в обоих случаях берутся в одном и том же смысле, противоречат друг другу, или, более того, исчезает свобода или природа. Но если должны быть обе, то один и тот же поступок одного и того же субъекта должен, во-первых, быть подвержен законам природы, и то же самое существо и относительно того же самого поступка не должно быть подвержено законам природы и тем не менее быть их основанием.

То, что поэтому моральность и виновность вполне согласуются друг с другом, то в это можно поверить, только перевернув все моральные принципы.

Вторая страница

Если поступок плох, то для оправдания необходимо, чтобы в то же самое время субъекту должна быть предоставлена возможность его не совершать, а если он хорош, чтобы никакая другая причина не воздействовала на волю.

Прежде, чем совершить поступок, субъект осознает, что он может и должен стать лучше, но не то, что он обязательно станет лучше. Но когда поступок совершен, то он находит, что при тех обстоятельствах, в которых он был прежде, было действительно невозможно, что он со временем сможет стать лучше. Следовательно, есть возможность, даже при тех обстоятельствах, в которых он был прежде, стать лучше (в том, что касается поступка) и в то же время невозможно, что он может стать лучше; если бы он прежде осознал те условия, в которых он находился, то он уже заранее увидел бы, что хотя по своим способностям, рассматривая абстрактно, улучшение возможно, но по причине обстоятельств совершенно невозможно, о чем он может заключить лишь потом, когда происходит то, чего он не предусмотрел согласно физическим законам.

Далее в том, что касается поступка, ввиду того, что он полагает, что может стать лучше, он с необходимостью признает, что он виновен и подлежит наказанию, если не станет лучше, и лишь затем, так как зло свершилось, он не может ничего поставить себе в вину, потому что обстоятельства не позволяли, чтобы поступок был совершен иначе.

Физическая система моральности — непрерывное противоречие, а воображаемое долженствование — какими бы ни были обстоятельства — это в лучшем случае воображаемая свобода и ничего больше.

Физическая необходимость несовместима с нравственным законом человека. Несмотря на это она не может быть также и упразднена. Следовательно, необходимо найти такую форму отношения субъекта к событиям чувственного мира (поступок есть одно из них), которая может существовать вместе с физической необходимостью и быть одновременно независимой от нее. Но бытие субъекта во времени может существовать только с физической необходимостью. Следовательно, ее бытие должно рассматриваться как необусловленное временем. Однако автор признает на с. 33.

Разрозненный лист D 9
Вторая страница

Итак, вскоре он признает невозможность физического способа объяснения свободы в нравственном смысле и (так как она неотделима от абсолютной реальности времени и существования вещей в нем как вещей в себе) невозможность рассмотрения подобного существования как существования вещей самих по себе. Следовательно, неудача своей попытки выну-

дит признать то, что само по себе для него связано с трудностями. Но тем самым он приносит пользу. Ибо выводы, подобные выводам относительно времени, доставляют большие трудности в том, чтобы сделать их полностью понятными, потому что представления сами нуждаются во времени для своего проявления. Только в применении главным образом к антиномиям они обнаруживают свою необходимость. Именно это, то есть попытки разрешить антиномии противоположным образом, если они будут предприняты в отношении остальных антиномий, то возникнет желание, прежде чем заняться разрешением трудностей, связанных с принципами, без которых нельзя обойтись, преградить самому себе путь многочисленными трудностями.

Грешник г-на а.[втора] переживает также и в том, что касается его нравственного достоинства, приятные дни, следуя этим принципам. У него есть осознание должного, хотя и несерьезного воления, но все это так определено его внутренним свойством и обстоятельствами, и иначе не должно было быть. Но зато он осознает возможность (чтобы не сказать способность), что в будущем он станет более совершенным человеком, чему способствует также представление о том, что он должен стать таковым. Если случится, что он станет таковым, то будет хорошо, а если этого не произойдет, то это также хорошо, ибо в соответствии с обстоятельствами времени это в нем и вне его невозможно, чтобы это могло совершиться иначе.

Если бы время было формой существования вещей самих по себе, то каузальность причины мира была бы каузальностью начала мира во времени, и не было бы, следовательно, первой и необходимой причины. Следовательно, должна быть еще одна форма существования вещей и случайность мира зависит только от феноменов, которые… [текст обрывается]

Пер. с немецкого И.Д. Копцева

О переводчике

Иван Демьянович ***Копцев*** — д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. Канта, ivan.kopcev@mail.ru

About translator

Prof. Ivan ***Koptsev***, Department of Language Theory and Cross-Cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, ivan.kopcev@mail.ru

Агнес Мигель. Предисловие к переводу

В 2014 году исполнилось 50 лет со дня смерти самой известной поэтессы в истории Кёнигсберга Агнес Мигель. Она умерла в возрасте 85 лет и была похоронена в месте, на которое заранее указала сама, под неровным, похожим на миниатюрную дюну камнем на кладбище в нижнесаксонском городке Бад Ненндорф. Однако в общественном сознании послевоенной Германии Агнес Мигель была похоронена задолго до своей физической кончины, несмотря на огромную популярность и любовь в кругах изгнанников из Восточной Пруссии. Причиной этого общественного неприятия и забвения стало то, что Агнес Мигель приняла национал-социализм в отличие от тех немецких писателей и поэтов, которые ушли во внешнюю, как Томас Манн, или во внутреннюю, как Эрнст Вихерт, эмиграцию. По свидетельству писательницы Мари-Луизы Кашнитц, проживавшей в Кёнигсберге с 1932 по 1937 год со своим мужем, профессором археологии в Альбертине, в середине 1930-х годов Мигель резко прекратила все отношения со своими еврейскими знакомыми. В 1940 году она вступила в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. В предисловии к сборнику своих стихов «Остланд» (1940) Мигель помещает поэтическое посвящение Гитлеру «К Фюреру».

Во всем этом общественном и творческом коллаборационизме талантливой поэтессы и прозаика есть какая-то мистическая подоснова, имеющая отношение к возможной связи между тайной художественного вдохновения и демонической реальностью, что попытался исследовать и Томас Манн в своем романе «Доктор Фаустус». И после войны Мигель не раскаялась, оставшись в своем творчестве в мифопоэтическом хронотопе потерянной на веки родины и будучи до конца преданной своему погибшему городу, воспетому ею в многочисленных произведениях. В этом она похожа на жену Лота, которая не смогла уйти, не обернувшись, от приговоренного к гибели родного города Содома и превратилась в соляной столб (Быт. 19: 26). Или на созданный ею в знаменитой балладе «Женщины Ниды» образ одной из семи дочерей восточнопрусского рока, воплощенного в образе Дюны: после гибели от чумы всей своей деревни семеро оставшихся в живых женщин приходят к Белой Дюне и, называя ее Матушкой, просят прийти, дабы быть погребенными ею…

С точки зрения научного литературоведения, которое отказывается от глубокого изучения Мигель по причине ее связи с режимом «коричневой чумы», ее творчество, однако, свидетельствует о безусловном художественном даровании. Это доказывают и многочисленные литературные премии, полученные ею как до, так и после прихода нацистов к власти. Среди них — премия немецкого Союза Шиллера (1911), премия Клейста (1916), присуждение степени почетного доктора Кёнигсбергского университета (1924), премия Гердера (1936), премия Гёте г. Франкфурт-на-Майне, присуждение диплома почетного гражданина Кёнигсберга и другие. Своеобразный парадокс, свидетельствующий о герменевтической слепоте и непрерывной драме идейных краж в истории мира, заключается в том, что избрание Мигель почетным доктором Альбертины в 1924 году было приурочено к меро-

приятиям, посвященным 200-летию со дня рождения Канта. В апреле 1924 года именно кафедра философии Кёнигсбергского университета после торжественного заседания Кантовского общества в городском театре вручила ей почетную докторскую степень философского факультета Альбертины.

В предлагаемом к публикации выступлении Агнес Мигель в 1952 году перед членами так называемого Геттингенского рабочего круга, занимавшегося прежде всего проблемами правовой, политической и духовной истории Пруссии, она честно признается, проявляя художественное мастерство самоиронии, что уже с детства ей хотелось посмотреть на «императив», о котором все вокруг нее говорили в Кёнигсберге, особенно в апрельские дни кантовских юбилеев. Зловещий парадокс истории, однако, заключается в том, что ни Германия предвоенных времен, ни Мигель, ни город, в котором этот «категорический императив» был сформулирован, не последовали ему. Публикуемый материал интересен прежде всего в плане аутентичных и литературно мастерски изложенных свидетельств об атмосфере Кёнигсберга во времена детства и юности Агнес Мигель. Она родилась в 1879 году в небольшой квартире в доме у Соборной площади в Кнайпхофе. Ее поэтический дар проявился уже в ранние годы. В 90-е годы XIX века выходят первые сборники ее произведений, наполненные гениальными балладами и проникновенной лирикой, — «Стихи» (1901), «Баллады и песни» (1907) и другие. В их основе — восточнопрусская тематика: мир гибнущего древнепрусского язычества, мистика средневекового рыцарства, ландшафтная лирика и т.д. С 1920 по 1926 год Мигель работала журналистом в «Восточно-Прусской газете». С 1926 года была свободным сотрудником газеты «Кёнигсбергер Альгемайне». С 1929 года, уже завоевав широкое литературное признание, Мигель получила право свободного проживания (то есть без оплаты коммунальных услуг) и почетную пенсию от городских властей Кёнигсберга. В феврале 1945 года Мигель навсегда покидает разрушенный бомбежками Кёнигсберг и находит прибежище во временных лагерях беженцев в Дании. С 1948 года до самой смерти она вместе с двумя близкими подругами жила в небольшом доме в Бад Ненндорфе, в котором сегодня находится ее музей, основанный на средства землячества Восточной Пруссии.

Двадцать шестого октября 1992 года по инициативе Общества Агнес Мигель (Германия) и Калининградского фонда культуры, который тогда возглавлял писатель Юрий Иванов, на фасаде дома по ул. Сержанта Колоскова (бывшая ул. Хорнштрассе) была открыта мемориальная доска в честь Агнес Мигель.

В. Х. Гильманов

УДК 1(091)

ПАМЯТИ УНИВЕРСИТЕТА АЛЬБЕРТИНА

Доклад, прочитанный перед Геттингенским рабочим кругом (1952)[1]

А. Мигель

Мне самой кажется это почти дерзостью — выступать здесь со своими воспоминаниями перед теми, кого наши пращуры называли представителями высокой учености. Говорить перед вами об университете в Кёнигсберге, о его исторической памяти в академическом ключе, пожалуй, едва ли уместно для меня: мои воспоминания об Альбертине — всего лишь только маленькие арабески, не претендующие на полноту.

Я — дитя Кнайпхофа, и мои первые годы я провела там, у собора, словно в большой, обоими рукавами Прегеля обнимаемой детской в общем доме Кёнигсберга. К моим первым впечатлениям принадлежит двор у собора вместе с гимназией, которая тогда еще звалась кнайпхофской. К этим впечатлениям относилось и здание старого университета — угловая постройка сероватого цвета. Когда я слышала, как с подчеркнутым почтением это неприметное вытянутое сооружение называли Альбертиной на Кнайпхофе, то старалась смотреть на это неприглядное здание с маленькими окнами позади каштанов с повышенным уважением и только удивлялась тому, что так мало людей входит и выходит из него.

Гораздо больше мою детскую любознательность занимало приземистое строение у северной стены собора — профессорский склеп. С ним рядом — еще один некрополь с примечательным именем «Stoa Kantiana», и в один из апрельских дней туда хаживало много взрослых, будто в гости к живому философу, получив приглашение на его день рождения. Я уже знала, что его зовут Иммануил и что он изобрел императив. О нем все время упоминали не только в устных рассказах, но даже в стихотворении, которое одна из моих тетушек поручила мне торжествен-

[1] Перевод с немецкого выполнен по изданию: *Erinnerungen* um die Königsberger Universität — Vortrag gehalten fur den Göttingener Arbeitskreis, 1952 // Miegel A. Aus alten Zeitungen und Schriften. Jahresausgabe 1994; der Agnes Miegel Gesellschaft.

Поступила в редакцию 15.10.2014 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-11
© Гильманов В.Х., Спесивцев И.А., пер. с нем., 2015

но продекламировать по случаю дня рождения автора императива. Я все время собиралась заглянуть к нему, переступив порог некрополя с его гробницей, но меня неизменно удерживало то, что для этого я должна сначала стать взрослой и, среди всех прочих благословений моего права посетить философа, иметь то, что имеют взрослые девочки, а именно — длинное платье и приколотые заколками косы.

Однако мой отец не заставил меня ждать так долго, и в один из очередных дней рождения философа 22 апреля он вместе с моим дядей-крестником взял меня с собой совершить обряд торжественного визита. Видимо, он поспешил, поскольку мои ожидания, пусть и к большому сожалению для меня, не оправдались, что, наверное, вполне объяснимо для моего тогдашнего возраста. Так или иначе, но этим посещением я была несколько разочарована. До этого мне уже не раз приходилось бывать на траурных церемониях, связанных с кончиной кого-нибудь из моей многочисленной родни, поэтому я была посвящена в ритуал благочестивого стояния перед гробом почившего родича. Он был соблюден и в этот визит на день рождения философа: я честно и скорбно простояла четверть часа среди многих посетителей его могилы, которые всем своим видом подчеркивали, что пришли совсем не на день рождения, а выразить скорбную печаль. В общем я справилась со всем, что предписано ритуалом, и только влажные плесневелые стены и ледяной затхлый воздух в склепе несколько стесняли меня.

Если честно, то мне было жаль великого покойника, ведь он мог бы упокоиться не здесь, в сырости соборного склепа, а под зеленью лип где-нибудь на одном из наших кладбищ у городского вала. Ко всему прочему, разочарование усилило напрасное ожидание того, что кто-нибудь из важных, что-то все время шептавших господ скажет и покажет, наконец, то сокровище Иммануила с загадочным именем «императив», о котором все вокруг говорят. Ну и поскольку детям нечего приставать с расспросами в такие минуты да и отец мой и крестный, между которыми я стояла, были полностью поглощены происходящим и тихим таинством, будто заново хоронили Иммануила, я, несколько удрученная могильной атмосферой, выскользнула из склепа на весенний воздух.

В те годы мы уже проживали на улице Ярмарктгассе[2], ставшей позже Кайзерштрассе. Старое название улицы напоминало о ярмарочном рынке, в давние времена он круглый год действовал на просторной площади, окруженной газовым заводом и госпиталем Святого Георгия. Но это было давно, а в моем детстве ярмарка на площади продолжалась только одну неделю, а потом площадь пустела. От нашего дома я шла по улицам Форштадта в сторону Альтштадта и Лёбенихта, часто заглядывая по дороге в гости к сестрам моего отца. Они обе проживали в приютах: старшая в реформистском на Кёнигштрассе, младшая в альтштадтском у новой Россгартенской церкви. У этой церкви была самая прекрасная из башен нашего Кёнигсберга.

В ряду этих моих детских воспоминаний картина нового университета на площади Кёнигсгартен появляется много позже, чем старая Альбертина. На этой картине моей памяти новое здание университета еще не окружено тем прекрасным зеленым венцом, который вырос позднее. Но весной на

[2] Ярмарочный переулок (нем.).

высоком боскете и вокруг конного памятника королю цвела сирень, а в маленькой аллее за барочной постройкой Королевской галереи перед высокими домами с южной стороны площади, где тогда еще не стоял памятник Канту, принимались каштаны — всё это казалось нам таким прекрасным! Но вот здание нового университета, о коем все мои родичи говорили с подчеркнутой гордостью, не забывая упомянуть о духе Шинкеля[3], пропитавшего архитектуру этого большого сооружения. Я чувствовала смущенную неуверенность как перед восторженным настроем родственников, так и перед пышной огромностью этого здания, не казавшегося мне столь уж прекрасным. Его желтые обожженные кирпичи, серые колонны крытой галереи, его стиль, от которого исходил чуждый мне холод архитектурной классики, — всё это заставляло меня с тоской думать о соборе и о маленьком сером здании старой Альбертины над Прегелем. Я успокоилась лишь тогда, когда поняла, что Кант никогда не преподавал в этом новоделе, и с любовной благодарностью поглядывала по дороге в школу на побеленный дом, выглядывавший из-за буйной зелени по улице Шлоссштрассе. Я знала, что в этом доме он какое-то время жил, прежде чем переехал на улицу Принцессинштрассе. Этот дом в свежей побелке казался мне живым и бодрым. Не то что дом на Принцессинштрассе, где, казалось, поселились привидения: его дверь была наглухо и постоянно закрыта на ключ, а окна заколочены гвоздями. От одного вида последнего жилища Канта хотелось плакать, и поэтому после его сноса я в своем детском глупеньком сердце совсем не испытала какого-либо огорчения или сожаления. Лишь много позже я поняла, каким преступным головотяпством было решение о сносе дома Канта и начале возведения на его месте первых многоэтажек в Кёнигсберге. И также много позже я начала постигать все возвышенное благородство и красоту архитектурного стиля Новой Альбертины, созданной учеником Шинкеля.

Начало этого счастливого преображения я вспоминаю с благодарностью. Оно пришлось на то мгновение юности, когда сердца еще открыты истории и искусству. Мы, я и моя близкая подруга, постигавшая искусство рисования, находились в одном из кабинетов выставочного зала медных гравюр в восточном крыле семинара по истории искусства. Было послеобеденное время. Мы в полном благоговении, в отличие от сегодняшней молодежи, пресыщенной художественными выставками и качественными репродукциями, рассматривали офорты старых мастеров. Подобно тому, как я некогда всматривалась в старинное здание университета во дворе Кафедрального собора, теперь я смотрела на эти старинные гравюры. И они заговорили: казалось, все Средневековье в его строгой и сдержанной красоте открылось перед нами. И другое время тоже, то великое время, когда еще только начиналась наша Альбертина, — все это прошлое становилось для нас живейшим настоящим. Глядя на офорты Гойи, мы, дети долгого мирного времени, в первый раз узрели то, что такое война. Здесь мы познали истинные часы, показывающие время истории. Во времени на циферблате этих часов мы почувствовали себя сродненными с великой академией, через чьи звучные коридоры шествовали профессора и студенты, поспешая в

[3] Шинкель Карл Фридрих (1781—1841) — немецкий архитектор, художник, ведущий представитель «романтического историзма» в немецком зодчестве.

старый актовый зал с эффектными картинами, на которые мы поглядывали с потаенной любовью и уважением. В пасхальные праздники мы видели шествующих от Новой Альбертины абитуриентов. Они шли через площадь, и на их головах красовались багряно-красные кепки из бархата, окаймленные золотой нитью, а на них мерцали золотым или серебряным блеском знаменитые «альберты» — значки-эмблемы Альбертины. Никогда, однако, ко мне не приходило желание самой стать частью этих торжественных и чинных процессий, чтобы почувствовать гордое право входить и выходить через большие парадные двери университета, растворившись в круговороте студенческой суеты. Чересчур уж самонадеянно казалось мне это тогда, хотя до нас уже дошли легендарные истории о первых женщинах, отважившихся на это.

Моя связь с Альбертиной была самого скромного рода — это была школьная дружба! В школе имени Крауса[4], в которую я пошла лишь в двенадцать лет, будучи принята в класс, где уровень знаний учащихся был, к моему сожалению, много выше моего, меня посадили по одну руку рядом с младшей дочерью советника консистории Нелли Якоби. Я так любила ее, что до сих пор называю ее Неллечкой, никак иначе. По другую руку от меня сидела старшая дочь ученого-богослова Тильда Корниль: мы с ней были одногодки, более того — родились не только в один год, но и в один и тот же день.

Что значили для меня тогда Тильда и ее братья-сестры, — впрочем, не только для меня, но, пожалуй, еще больше для моих родителей, — я смогла оценить лишь сейчас, когда почти все они уже упокоились на старом кладбище их родного города Франкфурта. В те школьные годы южнонемецкая жизнерадостность и веселый открытый нрав детворы из семьи Корниля, с которой я водила дружбу, были моим родителям по сердцу. Сказывалась, видимо, полузабытая память предков, растворенная в общности франкфуртской крови, перемешанной в роде Корниля с кровью родичей из какой-то французской колонии. До сих пор мое сердце переполнено благодарностью этой веселой ватаге Корниль за то, что она во главе с Тильдой вошла в мою жизнь, открывая мне новый, необычайно красочный мир. Этот мир, о котором я ничего не знала, рождался для меня из их историй, и лишь позже я узнала, что этот дарованный мне ими мир был миром молодого Гёте! Сегодня я уже точно знаю по опыту моей собственной жизни, как университет способен уже тем воздействовать на людей, давно живущих в университетском городе, что он встраивает в создаваемую им атмосферу других людей, приехавших в город из других краев. И в этой атмосфере города, проникнутой духом университета, рождается живой контакт между старым и новым, между теми, кто уже знает город, и теми, кто хочет научиться его жизни.

Вскоре, благодаря детям, к нам пожаловал и сам их отец — господин богослов Корниль. Моему отцу он подарил свою книгу о пророках Ветхого Завета. Уже с первого взгляда обоих связала та глубокая симпатия, для ко-

---

[4] Краус Кристиан Якоб (1753—1807) —профессор практической философии и камеральных наук в Кёнигсберге. Переводчик А. Смита. Ученик И. Канта. Одна из центральных фигур в интеллектуальной жизни Кёнигсберга своего времени.

торой не нужно слов. В юности мой отец страстно мечтал стать богословом, и, кто знает, может быть, в новом знакомом он увидел осуществление своей мечты. Настоящим счастьем для отца было слушать проповеди своего нового почитаемого им друга в маленькой реформаторской церкви, основанной в XVIII веке потомками переселенцев из Франции. Эта церковь именовалась в нашем семейно-дружеском круге «нашей церковью», чего я долго не могла понять, потому как своей церковью я всегда считала собор. И все же отец чаще хаживал в «нашу церковь», чтобы послушать французскую проповедь, как бывало в детстве, когда его водила туда его бабушка. По семейной традиции он все еще настаивал на том, чтобы каждый из нас хотя бы раз в жизни прочел всю Библию (я сомневаюсь, однако, в том, что моя мать, энергичная и живая, к тому же воспитанная тетушкой на пиетистских молитвенниках, довела эту традицию до конца). Мне, однако, отцовский наказ не стал большой обузой, потому что в одну холодную зиму мы вместе с ним освоили все тексты ветхозаветных пророков, опираясь при этом на богословские толкования господина Корниля. Вспоминая о той зиме, я возвращаюсь в мыслях в атмосферу, в которой белизна и изящество печати страниц сочинений Корниля соседствовали с грузными литерами и желтыми пятнами от застарелой сырости на страницах нашей семейной Библии. И над всем этим ветхозаветным прошлым в моей памяти встают лица детей Корниля, розовощекие, веселые, курчавые отпрыски, воспоминания о которых перемежаются с лицами многих других, собранных вместе в общем актовом зале моей памяти об Альбертине. Из него выплывает и оживает образ моей близкой подруги юности Марии Петерс. Как тогда, я все вижу и слышу вновь: ее белокурые волосы, обрамляющие нежное гольштейнское лицо; стук ручной прялки ее матери; голубые лилии перед их старым домом у подножья холма, на котором стояла обсерватория.

Я вижу Генриха Вольфа[5], склонившегося в своей заполненной светом мастерской над новой гравюрой, сродной по искусству одухотворенного мастерства тем, что я видела в кабинете гравюр Альбертины. Я вижу образы, рожденные его руками, — образы тех великих мужей, кои составили славу Альбертины и нашего города, воссиявшую далеко за пределами Восточной Пруссии. И это — долгая череда лиц и имен, оставшаяся в моих воспоминаниях. Первым в этом моем списке памяти стоит Людвиг Лихтгейм[6], великий врач: его лицо с бородой казалось мне ликом какого-то библейского патриарха. Среди многих других вспоминается врач-психиатр и почитатель Шекспира Галлерфорден[7]: он казался всегда погруженным в

---

[5] Вольф Генрих (1875—1940) — немецкий художник-график, профессор искусств Кёнигсбергского университета. Автор офорта «Кант за письменным столом». В 1932 году медицинский факультет Кёнигсбергского университета удостоил Вольфа профессорского звания за серию изображений медиков университета.

[6] Лихтгейм Людвиг (1845—1928) — немецкий врач. Профессор медицины Кёнигсбергского университета и старший интернист лаборатории университетского госпиталя. Ректор Кёнигсбергского университета (1900—1901).

[7] Галлерфорден Юлиус (1882—1965) — немецкий врач, исследователь мозга. Руководитель Института исследований мозга общества Макса Планка. Обучался, защитился и сочетал врачебную деятельность с лабораторными исследованиями в госпитале при Кёнигсбергском университете (1902—1918). Впоследствии — один из фигурантов Нюрнбергского процесса над врачами.

какое-то беспрерывное размышление. Я вспоминаю лицо всем известного тогда хирурга, но чаще его жену с фиалковыми глазами: ее необыкновенная красота, тихая и неброская, вдохновила меня к созданию одного из женских образов в моих стихах.

Но вся эта первая галерея почитаемых образов моей юности растворяется в последующих волнах моей памяти, наполненных живыми воспоминаниями о тех, с кем связала меня судьба в недавние времена и с кем разлучила смертью, переполнив мое сердце такой печалью, что я даже не смогу сейчас спокойно произнести их имена.

Есть, однако, такие воспоминания, которые, вопреки печали, наполняют мою память ликующим светом, подобно солнцу, пронизывающему августовский день в Раушене на берегу моря. И в его лучах я вновь вижу маленький дом в окружении сосен и чувствую дыхание ветра, наполненное ароматом люпинов и цветущего вереска. А на пороге я рядом с Хеленой Нейман[8], ученицей Генриха Вольфа, сумевшей в своих картинах передать всю нежность этой волшебной ворожбы летнего побережья. Мы стоим рука об руку рядом и смотрим на двух увлеченных беседой пожилых господ. Их убеленные сединой головы, их полные благородной степенности профили, четко вырисовывающиеся на фоне застекленной мансарды, — будто живое воплощение единства формы и духа. Это — отец Хелены, Франц Нейман[9], и его коллега, ученый-физик из Риги.

И еще одно незабываемое воспоминание — то мгновение, когда я, подгоняемая ревом сирен воздушной тревоги, в последний раз в спешке сбежала по ступенькам вниз, навсегда расставаясь с университетом на Парадной площади. И, оглянувшись на это уже обреченное творение ученика Шинкеля, я вдруг ясно осознала, именно в этот миг его неизбежной гибели, все прекрасное благородство архитектуры его формы и духа. И это осознанное переживание утешило меня тогда, как и утешает теперь. Подобно звездному небу в ту ночь конца августа, сиявшему чистым светом из беспристрастной голубой дали вечности над гибельным чадом земного разрушения, оно сказало мне, что это не конец, что свет духа не угаснет, что поверженная в прах рука передаст его дальше, от учителя к ученику, от изгнанника к преемнику, от гибнущего мира к приходящему, и так дальше, от народа к народу. Это — свет благоговейно стремящегося к познанию истины духа: именно им освящена слава нашей Альбертины, нашего университета Канта.

Пер. с немецкого В. Х. Гильманова, И. А. Спесивцева

---

[8] Нейманн Хелена (1874—1942) — немецкий график, живописец. Кроме характерных для нее офортов она создавала преимущественно литографии и акварель. Большое количество ее оригинальных литографий выпускалось в серии почтовых открыток в период с 1908 по 1920 год. Агнес Мигель отзывалась о Х. Нейманн как о художнике-графике, которая самым интимным образом запечатлела на своих картинах нежное волшебство природы побережья Балтики.

[9] Нейман Франц Эрнст Кристиан (1834—1918) — немецкий патолог и гематолог, описавший «лимфоидные мозговые клетки» в костном мозге и доказавший, что в этом органе производится кровь. В 1866 году Эрнст Нейман стал профессором в Кёнигсберге. За год до этого он занял должность ректора Кёнигсбергского института патологии и находился на этой должности до 1903 года. Предвестник концепций стволовых клеток и кроветворения.

О переводчиках

Владимир Хамитович ***Гильманов*** – д-р филол. наук, проф. кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, gilmanov. wladimir@rambler. ru.

Илья Александрович ***Спесивцев*** – философ, исследователь литературного наследия Восточной Пруссии, sigmand@rambler. ru

About translators

Prof Vladimir ***Gilmanov***, Department of International Philology, Department of Historical Linguistics, Foreign Philosophy, and Document Science, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov. wladimir@rambler. ru.

Ilya ***Spesivtsev,*** philosopher, researcher of the literary heritage of East Prussia, sigmand@rambler. ru.

***Тетенс И.Н.* О всеобщей спекулятивной философии / введение, перевод и примечания А.Н. Круглова, предисловие Н. Хинске. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013 — 336 с.** *

В 2013 году вышел в свет первый русский перевод трактата Иоганна Николауса Тетенса (1736—1807) «О всеобщей спекулятивной философии». Данное издание обладает множеством достоинств. Издание снабжено кратким, но очень емким предисловием выдающегося современного немецкого историка философии — Норберта Хинске (Norbert Hinske). Он, в частности, отмечает, что Тетенс «не принадлежит к тем великим именам в истории философии, вокруг которых концентрируется интерес потомков даже и по прошествии столетий. Скорее, он является сегодня малоизвестной, но крайне многообещающей фигурой для специалистов самого разнообразного профиля» (с. 6). И с этой констатацией профессора Хинске невозможно не согласиться: Тетнес малоизвестен в мировой историографии, в отечественной же историографии он, за некоторыми приятными исключениями (В.В. Васильев, В.А. Жучков, С.Г. Секундант), едва ли известен вообще. Одним из таких исключений в последнем случае является монография составителя данного издания, переводчика трактата Тетенса на русский язык, автора введения и примечаний к его публикации — Алексея Николаевича Круглова «Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века» (2008).

За предисловием Хинске в издании следует своеобразное введение к трактату, написанное А.Н. Кругловым и озаглавленное «И.Н. Тетенс и его сочинение “О всеобщей спекулятивной философии”». Данный текст знакомит читателя с научной биографией немецкого философа, основными его трудами, и, главное, с особенностями его понимания спекулятивной философии. Этот фрагмент свидетельствует о блестящем знании автором его материала, как и о понимании того метафизического контекста, которым вызван к жизни публикуемый трактат «кильского профессора». Интерес представляет здесь также оценка Кругловым интерпретаций философии Тетенса другими историками философии — как зарубежными, так и отечественными (с. 28—30).

Далее (с. 36—167) следует перевод самого трактата, сопровожденный оригинальным немецким текстом. (Кстати, надо отметить, что наряду с этим трактатом в двуязычном варианте опубликовано и предисловие Хинске.) Пожалуй, стоит указать на те сложности, с которыми столкнулся переводчик трактата и о которых сам он говорит в своем введении к публикации перевода: «Обманчивая простота, даже некая элегантность стиля Тетенса нередко ставят в тупик переводчика. О понятийной сложности и проблемах тончайших дистинкций своего собственного языка Тетенс, по-видимому, даже не подозревал. Особая сложность языка Тетенса связана с историческими условиями написания его сочинений. Он творил в тот период, когда немецкий философский язык только формировался» (с. 31). Своеобразие в язык Тетенса вносит и то, что язык этот «несет на себе следы

* *Поступила в редакцию 11.11.2014 г.*
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-12
© Паткуль А.Б., 2015

перехода от латыни к немецкому языку; кроме того, на него оказали определенное влияние еще и немецкие диалекты Шлезвиг-Гольштейна, равно как и датский язык» (с. 32).

Трактат Тетенса, несмотря на свою сравнительную краткость, содержит и в самом деле множество интересных мыслей, которые здесь нет возможности раскрывать в их полноте. Некоторые из его формулировок едва ли не буквально предвосхищают формулировки из кантовской «Критики чистого разума»; однако контекст показывает, что Тетенс вкладывает в них все же несколько иной смысл. У Тетенса, например, можно обнаружить представление об активности нашей познавательной способности, хотя — и в этом состоит его «разительное отличие от Канта» (Круглов) — эта активность остается все-таки субъективной, не выполняя функцию формирования объективности объектов. В любом случае, очевидно, что сам круг проблем, над которым размышляет Тетенс, очень близок кантовскому. Весьма показательна, например, трактовка Тетенсом отношения всеобщей спекулятивной философии и популярной философии. И все же более всего прилечь внимание исследователя в трактате «О всеобщей спекулятивной философии», пожалуй, может трактовка природы этой всеобщей науки, на необходимости которой настаивает его автор. Тетенс, называя, что показательно, такую науку *трансцендентной*, характеризует ее следующим образом: «*Трансцендентная философия*, напротив, является не чем иным, как всеобщей теорией, которая сама по себе не имеет в качестве предмета действительные вещи… Она не имеет дела с действительно наличными объектами и занимается только тем, что возможно и необходимо во всех видах вещей вообще. Но как только она применяется к опыту, при помощи нее возникает философское прозрение в свойство действительно наличных вещей вообще» (с. 66). Внимания заслуживают также трактовка у Тетенса реальных понятий, проблемы реализации общих понятий, а также его воззрения на сущность трансцендентных понятий.

Кроме уже указанных материалов издание включает в себя также синопсис сочинения из колонтитулов в издании В. Убеле (1913), несколько указателей — предметный, именной, указатель выражений на древних языках, значительно облегчающих работу с текстом Тетенса. Кроме того, издание дополнено еще несколькими приложениями — рядом списков биографического характера, переводами письма И.Э. Бистера к И.Н. Тетенсу от 29 июня 1777 года и рецензии И.Г. Ламберта на трактат Тетенса. Книга содержит также обширную библиографию по Тетенсу, состоящую из трех разделов: 1) архивные материалы и письма; 2) сочинения Тетенса; 3) избранная литература о Тетенсе (после 2005 года).

Думается, что издание перевода трактата Тетенса «О всеобщей спекулятивной философии» является весьма своевременным. Порекомендовать его можно историкам философии — причем как тем, кто вообще занимается историей немецкой философии, в частности XVIII века, так и тем, кто посвятил себя исследованию становления кантовской мысли. Но знакомство с книгой будет небесполезно и для тех, кто работает сегодня в области систематической философии — ибо данный трактат Тетенса являет собой яркий пример вдумчивого исследования в этой сфере, во многом представляющий научный интерес и сегодня.

А.Б. Паткуль

Кант и коперниканский переворот в философии (Kant und die Kopernikanische Wende in der Philosophie) Торунь, 4—5 октября 2014 года*

В Университете им. Николая Коперника в городе Торунь 4—5 октября 2014 года прошла международная научная конференция «Кант и коперниканский переворот в философии / Kant und die Kopernikanische Wende in der Philosophie» (подробная программа доступна на сайте: www.kant.umk.pl). Это исключительное научное событие стало результатом многолетнего изучения философии Иммануила Канта в Торуньском философском центре. Встреча, в которой приняли участие ведущие исследователи Европы и мира, стала также началом нового этапа работы центра, координирующего научные исследования кантовского наследия в Центральной и Восточной Европе.

Институт философии Университета им. Николая Коперника — ведущий центр кантовских исследований в Польше, его репутация подтверждена высочайшей оценкой Министерства науки и высшего образования (категория А+). Публикуемые институтом издательские серии, журналы, монографии и прежде всего переводы работ кёнигсбергского философа подчеркивают сильную позицию торуньской философии. Среди наиболее значимых для польской культуры достижений наших ученых — оконченное в этом году первое польское издание «Избранных сочинений» Иммануила Канта, осуществленное при поддержке Фонда польско-немецкого сотрудничества и Министерства науки и высшего образования.

Конференция была организована при финансовой поддержке Фонда польско-немецкого сотрудничества (FWPN), Польско-немецкого фонда развития науки (PNFN), Фонда Amicus Universitatis Nicolai Copernici и Университета им. Николая Коперника. В организации конференции участвовало Польское кантовское общество (также базирующееся в Торуне), в поле деятельности которого входят объединение и координация польских исследований философии Канта. Координатором и партнером с немецкой стороны был проф. Хайнер Ф. Клемме.

В конференции приняли участие известные исследователи из философских центров Германии, России, Чехии, Словакии, Бразилии и Польши. С докладами выступили Болеслав Анджеевский, Любомир Белас, Райнхард Брандт, Иржи Котас, Вернер Ойлер, Индрих Карасек, Хайнер Ф. Клемме, Алексей Круглов, Януш Маллек, Дариуш Пакальски, Сандра Закутна, Иоланта Желязна, Мирослав Желязны и другие. Часть текстов представленных докладов в расширенном виде, на языке оригинала (немецком или английском) либо в переводе на польский будет опубликована в последующих номерах «Исследований по истории философии» (Studia z Historii Filozofii).

Томаш Купщ,
Мирослав Желязны
Перевод с пол. Н. В. Данилкиной

---

* *Поступила в редакцию 10.09.2014 г.*
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-13
© Купщ Т., Желязны М., 2015
© Данилкина Н. В., пер., 2015

Размышляя о Германе Когене
Обзор докладов на международной конференции*

В рамках международного конгресса по Розенцвейгу 26—29 октября 2014 года во Франкфурте-на-Майне была организована отдельная секция, посвященная творчеству основателя Марбургской школы неокантианства Германа Когена. И это неслучайно, принимая во внимание то, что Франц Розенцвейг — ученик Когена, который навсегда сохранил о своем учителе самые теплые и благодарные воспоминания.

Первый доклад К.В. Цайдлера (Университет Вены) как раз и касался одного из аспектов связи Когена и Розенцвейга, а именно интерпретации Розенцвейгом когеновского понятия «ничто» («Понятие "ничто" Когена и критика языка Розенцвейга»). Автор доклада указал на то, что Розенцвейг опирается на когеновский концепт первоначала, когда в логике первоначала Когена видит новое понятие «ничто». Однако в дальнейшем, полагает австрийский философ, Розенцвейг идет назад к Канту, полагая продуктивной его концепцию «ничто» знания именно в тройном смысле: Бога, мира и человека.

Главный тезис, который стремился обосновать в своем докладе профессор Цайдлер, звучит следующим образом: между кантовской ничтойностью (трех идей чистого разума) и понятием «ничто» Когена существует глубинная реальная связь, которая ведет к основным языковым и логическим мыслям Розенцвейга.

В своем докладе «Инфинитезимальный метод у Когена, Розенцвейга и Делёза» профессор Туринского университета Л. Бертолино указал на важную роль инфинитезимального метода у Когена, который воспринимал его в качестве предпосылки логики первоначала ввиду того, что этот метод представляет неограниченную творческую самостоятельность чистого мышления. Исходя из этого подхода Когена, его ученик Розенцвейг строит свою собственную теорию познания и меонтологию, не оставляет в стороне инфинитезимальный метод и Жиль Делёз. При этом автор доклада полагает, что дополнительным ключом к верной интерпретации когеновского понимания инфинитезимального метода может послужить философский спор между Леонардом Нельсоном и Эрнстом Кассирером, поскольку он затрагивает тему «здравого смысла», которая не чужда мысли Розенцвейга и Делёза.

В целом, по утверждению проф. Бертолино, интерпретация Розенцвейгом и Делёзом исчисления бесконечно малого может послужить основанием для более точного определения статуса их философской позиции. В отношении к здравому смыслу следует говорить об их кардинальном различии. Если Розенцвейг полагает возможным и необходимым опору на здравый смысл, потому что тому доступны несомненные опытные данные, то Делёз, выстраивая парадоксальную модель мышления, отказывает ему в каком-либо значении, предлагая исходить из злой воли субъекта мышления.

Проф. Н. Дмитриева (Московский государственный педагогический университет) в докладе «Концепт антроподицеи Германа Когена в трактовке Якова Гордина» подвергла анализу текст Я.И. Гордина под названи-

---

* *Поступила в редакцию 10.12.2014 г.*
doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-14
© Белов В.Н., 2015

ем «Антроподицея», положенный в основу его выступления в Петроградском университете на заседании Философского кружка в декабре 1921 года. В нем, по мнению автора доклада, Гордин формулирует собственное понимание антроподицеи, предложенной Когеном.

Сопоставляя подходы к антоподицее Вл. Соловьева и Г. Когена, Гордин выясняет, что концепт обоих относится к человечеству, а не к отдельному индивидууму, как у Бердяева. Однако одновременно Гордин пытается подкорректировать Соловьева с помощью Когена тем, что он вместо «богочеловечества» Соловьева предлагает «человекобожество» как задачу человечества, как вечную и бесконечную идею. Всеми своими средствами Гордин, по мысли Дмитриевой, стремится прояснить главную идею своего выступления, которую он также выражает когеновской формулировкой: антропономизм есть гуманизм.

В докладе проф. В. Белова (Саратовский университет) «Этика Г. Когена и ее рецепция в русской философии права» отмечалось, что наиболее представительным в России стал подход к анализу этических построений Германа Когена с позиции философии права. Этическое учение марбургского философа оказалось в центре научных споров наиболее известных русских теоретиков права — П.И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Е.В. Спекторского. Примечательно, что единственная монография по Марбургской школе на русском языке, вышедшая в начале XX века, также была посвящена философии права ее основных представителей (*Савальский В.А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 // Ученые записки Московского императорского университета, юрид. ф-та. М., 1909. Вып. 33.).

Автор доклада показал, что русские философы права приветствовали в целом попытку Германа Когена в своей этике чистой воли уйти от кантовской содержательной пустоты, наполнив ее конкретным содержанием через ориентирование этики в юриспруденции. Однако дальнейшие оценки русских мыслителей оказались уже не такими однозначно позитивными.

Доклад Т. Тальякоццо (Университет Рима) «Мессианство и музыка у Вальтера Беньямина и Германа Когена» посвящен анализу точек пересечения в подходе к музыкальному творчеству у В. Беньямина с эстетической концепцией Г. Когена, получившей свою разработку в фундаментальном труде «Эстетика чистого чувства» (1912). Для музыки, по мнению обоих рассматриваемых философов, принципиальное значение имеет факт связи с иудейской культурой в целом и связь с запретом в ней на изображения Бога, в частности. В посмертно изданной работе Когена «Религия разума из источников иудаизма» (1919) утверждается необходимость такого запрета ввиду политеизма и обожествления природы в соединении Бога и природы в пантеизме. Иудейский монотеизм подобным запретом сохраняет необходимую дистанцию меду Богом и его Творением.

В докладе И. Пиччинини (Университет Лечче) «Герман Коген и будущее Европейского союза» проводится мысль о том, что хотя Герман Коген умер задолго до каких-либо реальных шагов в направлении создания Европейского союза, многие его идеи могут быть расценены как идеи, вполне вписывающиеся в архитектонику союза. Автор сетует на то, что данный аспект творчества марбургского неокантианца почти не затрагивается современными исследователями его творчества и почти неизвестен современным политикам Евросоюза. Проф. Пиччинини указывает прежде всего на когеновскую универсалистскую идею единого человечества, живущего вместе в федерации государств (Staatenbund). Также продуктивными автор

доклада считает размышления Германа Когена о человеческой личности, обосновывающейся через понятие «со-человек (Mitmensch)», который в социальном плане, в свою очередь, трактуется как «иностранец» или «бедняк». Некоторые аспекты этики Когена могут помочь в разработке идеальной дорожной карты для выхода из современного кризиса, который сегодня на политическом уровне переживает ЕС.

Доклад известного исследователя творчества Германа Когена профессора Туринского университета А. Помы «Размышления о постмодернистском гуманизме» представил собой тезисное изложение основных идей недавно вышедшей книги этого автора. В нем итальянский профессор указал на то, что если гуманистическая мысль не является ни онтологической, ни эпистемологической в качестве априорного определения человека, то единственной возможностью мыслить человека становится постижение самой его определимости как бесконечного процесса становления, как fieri. Речь в данном случае, по мнению Помы, идет о том, чтобы понимать гуманизм, исходя из первоначальной, истинной традиции, не как культуру человека, но как культуру человеческого, что значит — как культуру, которая направлена на формирование атрибутов человеческого и препятствует формированию атрибутов нечеловеческого или бесчеловечного. Таким образом, стремление к реализации человеческого предшествует человеку, а не наоборот. Поэтому итальянский ученый полагает, что гуманизм можно рассматривать в качестве «трансцендентального регулятива» нравственности.

А. Пома также полагает, что гуманизм в отличие от других перспективных концепций защищен своим антидогматизмом от того, чтобы быть простым алиби или очередной утопией. Поскольку он не включает никаких определенных и окончательных представлений о своей цели, но лишь направление движения, то не содержит никакой осуществляемой субстанциальности, но только атрибуты, при помощи которых шаг за шагом можно открыть его значение.

Итальянский ученый предлагает рассмотреть условия, которые постмодернистская культура и общество в целом создает для гуманизма современности. Он отмечает два примечательных момента постмодернистской культуры, которые, по его мнению, имеют особое значение для нового гуманизма: растворение субъекта и отказ от телеологии.

В своем докладе «Проблема индивидуальности в эстетике Германа Когена» Э. Гамба (Университет Пьемонта) стремится рассуждать о значении эстетики Когена в раскрытии проблемы индивидуальности исходя из тезиса Ф. Розенцвейга о том, что необходимость углубления своей позиции в решении проблемы индивидуальности стала решающим мотивом, который заставил Когена иметь дело с философией религии вместо того, чтобы писать книгу о философской психологии.

Итальянский профессор придерживается той точки зрения, что в эстетике Когена (и прежде всего в «Ästhetik des reinen Gefühls») тем не менее индивидуальность играет фундаментальную роль как в том, что касается эстетического сознания (это всегда индивидуальное сознание), так и в том, что касается индивидуальности человека, являющейся объектом художественного представления или литературного повествования. По словам Когена, искусство может достичь этой индивидуальности в лице человека, потому что искусство не есть знание (объекты знания всегда универсальные), оно основано на чистом чувстве.

В. Н. Белов

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В КАНТОВСКОМ СБОРНИКЕ

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 30 тыс. знаков с пробелами, для научного сообщения — 6 тыс. знаков с пробелами (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию работы проходят ***внутреннее*** и ***внешнее рецензирование***, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу с обязательным указанием контактных данных рецензента (Ф. И. О., должность, место работы, почтовый адрес места работы, e-mail, телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному секретарю журнала — *Анатолию Геннадьевичу Пушкарскому* по e-mail: **kant@kantiana.ru**.

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

9. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске Кантовского сборника один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: *http://www.naukapro.ru/metod.htm*);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках *(до 12 слов)*;

3) аннотацию на русском и ***summary*** на английском языке (210—250 слов). Аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, ***summary*** после статьи и перед ***references***;

4) ключевые слова на русском и английском языках *(4 – 10 слов)*. Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы *(примерно 25 источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008 и ***references на латинице*** (Harvard System of Referencing Guide);

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы);

2. Оформление списка литературы.

• Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы а, б и другие. Например:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. № 26. С. 148-167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // *Кант И.* Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // *Кант И.* Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление ***references***.

В английский блок статьи необходимо добавить ***references*** **— список литературы на *латинице***, оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем – год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в *references* курсивом выделяется **название книги (журнала)**! В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он составлен не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskih svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I.G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143—155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/ dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83—101.

Более подробно с правилами составления ***references*** можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературе в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Для многотомных изданий — автор или название источника из списка литературы, затем через запятую со строчной буквы номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

• Произведения Канта обязательно цитируются по имеющимся русским переводам. Если автор статьи исправляет русский перевод или при наличии изданного русского перевода дает цитату Канта в собственном переводе, то это должно быть оговорено в соответствующем примечании (внизу страницы), в котором обосновывается необходимость исправления перевода или собственного перевода.

• Ссылки на русские переводы Канта оформляются так же, как и другие источники. Например, в тексте статьи ссылка на русский перевод «Критики чистого разума» будет выглядеть следующим образом: (Кант, 2006а, с. 82—83).

• Если необходимо указать пагинацию, принятую в немецких изданиях Канта, то ссылка оформляется следующим образом: (Кант, 2006а, с. 359-361; A219 / B267); так же и с другими русскими переводами произведений Канта.

• Не допускается упоминание в списке литературы собраний сочинений Канта в целом, например: Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1963—1966. Необходимо давать название конкретной работы.

• Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. В тексте статьи они оформляются следующим образом: (AA, XXIV, S. 578), где римскими цифрами указывается номер тома данного издания, а затем страница в этом издании. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например, следующим образом: (A 000) для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A/B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях. Gesammelte Schriften в списке литературы не указывается. Остальные издания Канта описываются обычным образом в списке литературы.

• В материалах, предназначенных для раздела «Публикации», можно сохранить все оригинальные примечания и ссылки на литературу или оформить ссылки и примечания в соответствии с настоящими требованиями.

5. Материалы, предоставленные в редакцию для публикации в Кантовском сборнике, не отвечающие требованиям, изложенным выше, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены ***в электронной форме*** в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная ***информация о правилах оформления текста,*** в том числе ***таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы,*** размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: *http://journals.kantiana.ru/kant_collection/monograph/.*

Рекомендуем авторам также ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: *http://journals.kantiana.ru/authors/imk/.*

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Кантовского сборника, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Кантовского сборника в течение пяти лет.

ПОДПИСКА

На всероссийский научный журнал «***Кантовский сборник***» можно подписаться в любом отделении агентства «Роспечать». Индекс издания в каталоге — 80623, каталожная цена 100 руб., периодичность — 4 номера в год.

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

Научный журнал

2015
№1 (51)

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 13.05.2015 г.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 10,7
Тираж 500 экз. (1-й завод — 56 экз.). Заказ 091

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6